МАРТОВ и его близкие

СБОРНИК Нью Йорк 1959

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям
Л. О. Дан. Семья. Из воспоминаний
Из хроники семьи Цедербаум
Из юношеских воспоминаний Ю. О. Мартова. — С. О. Цедербаум -Ежов. — Бегство из тюрьмы в корзине. — Пародия на ревизионистов. — Л. О. Дан – агент «Искры». — Л. О. Дан и Зубатов. — В. О. Левицкий.
Письма:
Л. Мартов — Н. С. Кристи
Л. Мартов — П. Б. Аксельроду
В. О. Левицкий — П. Б. Аксельроду
С. О. Ежов. — Два письма из ссылки
Р.А.Абрамович. Ю. О. Мартов и мировой меньшевизм
Г. Я. Аронсон. Как жил и работал Ю. О. Мартов
Д. Ю. Далин. Обрывки воспоминаний
Б. Л. Двинов. Ф. И. Дан
Б. М. Сапиро. Андрей Кранихфельд
Ю. О. Мартов в борьбе с террором
Ю.О.Мартов и Ф.И. Дан в ВЦИК'е
Восьмидесятилетие Л. О. Дан

К читателям

Меньшевизм еще ждет своего историка. Но этот будущий историк, восстанавливая насильственно прерванную ткань меньшевизма в России, — с особым волнением, а порой и с восхищением отметит замечательный вклад семьи Цедербаум на всех путях и перепутьях с.д. движения в России, — в полосу подпольного существования, в тюремных одиночках и в гиблой ссылке, в борьбе за пользование скудных легальных возможностей призрачного конституционализма, в грозу и бурю революций 1905 и 1917 года, — с глубокой горечью отметит и страдания, и жертвы, и годы изгнания, и десятилетия тюрьмы и ссылки, и гибель от пуль коммунистического тирана...

С начала 90-х годов 19-го века мы встречаем имя Ю. О. Мартова на всех этапах революционной борьбы: от первых побед марксистских идей в среде русской интеллигенции и первых выступлений русских рабочих на политической арене — вплоть до трагического разгрома меньшевизма в условиях коммунистической диктатуры.

Ю. О. Мартов и его близкие — в первую очередь Л. О. Дан, С. О. Ежов и В. О. Левицкий, а также его друг и соратник Ф. И. Дан (по личным и

родственным линиям тесно связанный с семьей Цедербаум), — все они не только отдали всё лучшее, что имели — свои дарования, силы, здоровье, а некоторые и самую жизнь, — делу демократического социализма, делу меньшевизма в России, но явились поистине украшением этого движения.

Мысль об издании настоящего сборника, посвященного Ю. О. Мартову и его близким, возникла в связи с 80-летием Л. О. Дан. Мы рады констатировать, что эта мысль вызвала горячий отклик среди друзей Л. О. Дан, обеспечивших своими взносами осуществление издания.

Сборник подготовлен к печати Г. Я. Аронсоном, Л. О. Дан, Б. Л. Двиновым, Б. М. Сапиром.

Побежденным, но до конца не разоружившимся, стойким борцам за демократический социализм посвящается этот сборник...

Л. О. ДАН Семья (Из воспоминаний)

РОДИЛАСЬ я 21-го мая 1878 г. в Одессе, куда родители мои переселились из Константинополя, где отец служил в Обществе Пароходства и Торговли. Всю свою молодость он провел на Востоке, в Бейруте и Константинополе, где и женился на совсем молоденькой девушке, которой не было и 16 лет. Сам он был более чем вдвое старше ее. Почему он попал на Восток, я не знаю, но очень хорошо помню его частые рассказы об его тамошней жизни, о Турции, которую он очень любил и о которой, я думаю, давал нам чрезвычайно стилизованную благоприятную характеристику, необычайно преувеличивая ее «демократию». Я не думаю, не помню, во всяком случае, чтобы он употреблял это слово (да в те времена оно и не было таким «ходовым» словом!), но совершенно уверена, что он был большим почитателем демократии и всем мам всеми силами старался привить такое же отношение. Он часто рассказывал нам о свободе религии, которая, по его словам, царила в султанской Турции, о почете, которым, наравне с служителями других культов пользовался Главный Раввин и т.д.; но о религии у нас в доме вообще говорили мало. Родители в синагогу не ходили или ходили очень редко, а нас и новее не водили, но тем не менее мы знали, что мы — евреи и чем-то очень отличаемся от окружающего нас русского, православного мира; отличаемся при этом в какую-то лучшую сторону. Нам часто говорили, будто среди евреев нет пьянства, очень мало «дурных» болезней (мы никогда не слышали, от каких причин бывают «дурные» болезни, но смутно подозревали, что они могут быть только у «дурных» людей или от «дурной» жизни) что среди евреев, будто нет неграмот- {7} ных, и последнее очень импонировало нам, так как вера в знание, в просвещение была очень крепка у нас у всех сызмальства.

Отец умел хорошо рассказывать и любил это, мы же, дети, охотно слушали его рассказы и всегда старались устроить так, чтобы после

обеда не дать ему прилечь, а собраться у него в кабинете на большом диване и норовили задавать ему столько вопросов, что он не знал, как и кому отвечать первому. При этом неизменно присутствовала мать и почему-то «не допускалась» гувернантка, что нам всем, конечно, доставляло большое удовольствие, да, вероятно, было не лишено некоторого удовольствия и для нее. К сожалению, такие вечера были редки, чаще папа ложился «отдыхать», после чего приходили какие то знакомые, садились за карты — играли в винт, вели какие-то разговоры, при которых нам не полагалось присутствовать; мы и чай пили в таких случаях отдельно, без больших, только с гувернанткой и с няней.

Турцию моему отцу пришлось покинуть в 1877 году в связи с русско-турецкой войной. Переехали в Одессу. Было уже трое детей. Для моей матери в Одессе все было чуждо — начиная с языка, по-русски она не говорила и не сразу научилась ему. Еще долго домашним языком был французский (а в Константинополе и греческий — язык домашней прислуги в те времена в Турции). Сколько я знаю, по-турецки моя мать не говорила, а отец, кажется, не говорил и по-гречески — в том обществе, где он вращался, было совершенно достаточно французского и английского, а этими языками, как и немецким, он владел в совершенстве.

В Одессе постепенно языком семьи становился русский и, в конце концов, этот язык стал единственным, на котором говорили между собой мы, дети, но родители говорили между собой по-французски или по-немецки, так как для матери до конца ее дней русский язык оставался чужим, хотя она говорила на нем свободно и даже без всякого акцента, но читала с трудом, а писать и вовсе не научилась, что впоследствии, когда мы сидели по тюрьмам, всегда было источником всяческих затруднений: она не могла писать нам по-русски, а французских писем не пропускала жандармская цензура! Да и с нами, старшими девочками, она почему-то часто говорила по-французски, особенно, в минуты строгости и выговаривавший по случаю каких-нибудь наших провинностей...

Мать никакого общего образования не получила; сирота с очень раннего возраста, она была взята на воспитание дядей, {8} ювелиром в Константинополе, салоникским, как и она сама, евреем. Дядя и тетка были бездетны, но почему-то воспитывали ее не у себя, а поместили в католический монастырь, так как в те времена в Константинополе не было женских учебных заведений; в монастыре ее обучали, как и других «девиц из хороших семейств», преимущественно хорошим манерам, кое-какому рукоделию и музыке; в смысле религиозном не стесняли. Вероятно, там же она и усвоила языки — французский, немецкий, английский, а может быть, двум последним научилась позже; к языкам она была способна, благодаря очень хорошему слуху и общей музыкальности; она быстро научалась языку, говорила правильно, но

никакой грамматики не знала. Кажется, плохих воспоминаний об этой полосе своей жизни она не сохранила, но почему то не любила нам рассказывать о своей жизни в монастыре. Выйдя из монастыря, шестнадцати лет, она тотчас же вышла замуж за моего отца. Скоро появились дети и она долго не знала, как взяться за их воспитание.

Никого из родных матери мы не знали, да и не было у нее родных в России; помню, в нашем старом альбоме среди массы разных карточек была карточка ее сестры — красивой, еще молодой женщины, в восточном наряде, давно умершей; были карточки и ее детей, дочери и сына, живших в Англии. Фамилии их мы не знали, а, может, и знали, но я совершенно забыла. О прошлом матери мы знали вообще очень мало; она редко о себе рассказывала и я не знаю, чем это объяснялось. Мы знали только, что она осталась рано сиротой, родители ее жили в Вене, были сефардами, то есть потомками евреев, когда-то изгнанных из Испании и поселившихся в Салониках. Некоторые особенности старого быта они, видимо, сохранили; было что-то и в привычках моей матери, что отличало ее очень заметно от семьи моего отца, «литваков», как почему-то несколько пренебрежительно она их называла.

Почему ее родители из Салоник перебрались в Вену, я не знаю, как не знаю, почему переменили после Вену на Константинополь ее дядя и тетка, у которых она росла, вернее, которые взяли ее и ее сестру на свое попечение после смерти их родителей и затем поместили в монастырь. По словам матери, и дядя и тетка любили, особенно, ее, как полную. В монастыре ее не заставляли ни молиться вместе с католичками, ни учить катехизис. У нее был недурной голос и она иногда пела в церковном хоре, о чем тоже не любила вспоминать.

Моя мать была очень красива, в 16 лет, вероятно была {9} очаровательна и нет ничего, удивительного, что отец, увидав ее, сразу влюбился; был он значительно старше ее, гораздо более образован; видавший свет. Мать вышла за него, думаю, без особой любви, но скоро привыкла и искренно привязалась к нему. Во всяком случае, она была ему в жизни верным товарищем и другом, и прожили они больше 30 лет в полном согласии.

Выходя замуж, она не имела никакого представления ни о реальной жизни, ни о супружеской, в частности. Раз она рассказала мне и сестре, что, выходя замуж, вообще совершенно не представляла себе, что значит — быть замужней женщиной. Замуж она шла охотно, так как думала, что будет «очень веселиться и много выезжать». А что касается супружеской жизни, то единственное, что могла ей сказать тетка — это посоветовать «всегда держать под подушкой гребенку и просыпаться раньше мужа, чтобы успеть привести в порядок свою богатую и затейливо убранную шевелюру, так как мужья очень не любят видеть жену растрепанной»... Вот с таким житейским опытом моя мать вступила в жизнь. Было это в январе 1870 года.

В первые годы своей семейной жизни, среди многочисленной прислуги, обеспеченная, она немногому научилась. Первый ребенок родился уже через год, но и он внес мало изменения в веселую беззаботную жизнь молодой матери.

Появление на свет первенца мало изменило ее светскую жизнь. Взяли кормилицу-гречанку и мать могла по-прежнему всей душой отдаваться прогулкам, визитам, вечерам. И нельзя сказать, чтобы она не любила своего сына, нисколько, просто она не знала, как за него взяться; тетка, никогда не имевшая детей, не могла давать советов, обращаться к врачу относительно «здорового» ребенка в те времена не было принято и пришлось молодой женщине самой взяться за «воспитание».

Едва ребенок научился сидеть, его стали сажать за стол со взрослыми, «чтобы он с самого раннего детства научился хорошим манерам», как объясняла нам впоследствии мать; давали ему есть все, что ели взрослые. Я до сих пор понять не могу, как мой старший брат, Мориц, пережил это испытание: стол у моих родителей был всегда на восточный манер, все блюда сдабривали перцем, разными пряностями и т.д. И, если он, за отсутствием зубов, и был избавлен от бифштексов, и ростбифов, то мясные острые супы и тому подобные яства получал постоянно и даже, по-видимому, никакого злого {10} расстройства желудка от этого не нажил. Так как за столом пили вино, то и он получал свою порцию. «О, совсем немного!», успокоительно говорила моя мать, когда моя сестра, страстная последовательница проф. Лесгафта, накидывалась на нее за безобразное воспитание, которое, в большей или меньшей степени, получали мы все.

Через два года, 12 ноября 1873 г. родился второй сын, Юлий. Его тоже кормила кормилица, но он, по-видимому, не так рано был приобщен к светскому воспитанию; то ли достаточно беспорядка за столом вносил один младенец, то ли он, не будучи столь ангельски красив, как старший брат, уже не являлся таким украшением семейного общества, и потому он дольше оставался на попечении кормилицы и моя мать долго не замечала и ничего не знала о серьезной неприятности, с ним приключившейся. Кормилица как-то уронила его с высокой кровати, и ребенок сломал себе ногу, о чем никто не знал. Вероятно, он покричал, может, и после неоднократно кричал больше обыкновенного, но никто не обратил на это внимания, пока, уже несколько месяцев спустя, моя мать не заметила странную «привычку» ребенка: когда его ставили на ножки, — ему было уже около года, — он всегда стоял на одной ноге, «пресмешно» поджимая другую, как цапля. И моя мать, и ее знакомые много смеялись над такой странной «привычкой». Когда же Юлию стало больше года, а он все еще отказывался стоять на двух ногах и громко кричал, когда пытались ставить насильно, мать решила, что нужно позвать врача. Рентгена в те времена еще не было, но и простым ощупыванием врач установил, что у ребенка была сломана кость и что

она срослась неправильно. Стали спрашивать кормилицу, она, плача, повинилась. Кажется, ее тут же отпустили, но ребенку от этого лучше не стало. Потом Юлия много лечили; он рассказывал, что ему еще раз ломали кость, чтобы она срослась правильно, но он так и остался на всю жизнь хромым, несколько волоча свою больную ногу, сильно сутулясь при ходьбе.

Это обстоятельство сыграло, думаю, немаловажную роль в его жизни и во всем его развитии. Он никогда не мог бегать, гораздо меньше обычного принимал участие в играх с товарищами, часто подвергался насмешкам сверстников; как ни мало тогда занимались дети спортом, вое же мы все ходили кататься на коньках, на салазках, летом играли в крокет, всё это было ему мало доступно, он быстро уставал. С этим в связи, думаю, он рано пристрастился к книге, очень рано на- {11} учившись читать, много времени проводил за занятиями и вообще рос «умственным» ребенком.

Его много лечили, но никогда систематически; сама мать рассказывала нам, что позже, когда уже вся семья переехала в Одессу, врачи рекомендовали ему носить специальный башмак с металлической шиной; этот башмак нужно было носить долго, что-то больше года. Заказали обувь, ребенок постепенно привыкал к ней, но вдруг в один прекрасный день приехала к матери с визитом знакомая дама и, захлебываясь, рассказала, что кто-то ей сказал, что в «подобных случаях» очень помогает погружать больную ногу в свежий телячий сычуг. «И я сразу подумала о вас, мадам Цедербаум, и о вашем бедном мальчике». Мать, не долго думая, тотчас же посылает за коляской и волочит «бедного мальчика» на бойню — где же найти сычуг свежее? — бросает прочь ортопедический башмак и «погружает больную ногу в сычуг». Всё это было возможно лишь потому, что в то время отца в Одессе не было, и мать ничего ему не писала, желая «сделать сюрприз».

Сколько раз «погружали» ногу, я не знаю, но пользы не было ни от сычуга, ни от водворенного, после возвращения отца в Одессу, ортопедического башмака с шиной. Всего этого я не помню, но об этом рассказывала мать, а к ее рассказу старший брат неизменно добавлял, что наибольший вред башмак принес ему, так как Юлий, всегда очень вспыльчивый, нередко поколачивал его этой самой шиной...

После рождения Юлия через 2 года родилась сестра Надежда; она родилась чрезвычайно миниатюрной, выросла очень низкорослой, с довольно большой головой, от чего страдала с самого детства: когда она поступила в приготовительный класс гимназии, она была так мала, что учительница не только посадила ее на первую скамейку, но и подымала вопрос, не приносить ли ей из дому подушку, так как иначе ее не было видно из за парты. Братья дома дразнили ее «восьмушечкой», доводя этим до слез, как-то на другой манер дразнили в гимназии, и только

отец утешил ее тем, что раз навсегда объявил, что «мал золотник, да дорог»...
После Надежды была еще одна дочь, Софья, но она скоро умерла от детской холеры.
В это время надвигалась — начало 1877 года — русско-турецкая война и отец должен был покинуть Константинополь. Он решил поселиться в Одессе; вскоре после переезда туда родилась я, через год брат Сергей, неизменный друг моего {12} детства, обидчик и соучастник игр и проказ... После, уже в Петербурге, куда семья перебралась после Одесского погрома, в 83 г. родился Владимир, и после две младшие сестры — Маргарита и Евгения. В промежутке была еще сестра Юдифь, но она скоро умерла, тоже от детской холеры, как тогда называли диспепсию; был еще в те же годы родившийся мертвым мальчик; из 11 детей нас выжило 8: всякой твари по паре, как говорила наша няня — два мальчика, две девочки, и снова два мальчика и две девочки.
Меня и Сергея мать кормила сама, а остальным брали кормилиц. Постепенно из светской дамы, легкомысленной и ничего о жизни не ведающей, она превратилась в заботливую, в своем роде, опытную и, во всяком случае, очень любящую мать.
По природе своей она была веселым и скорее жизнерадостным человеком, очень доброй и, я думаю, в каком-то отношении, человеком с общественными инстинктами. На моей памяти она проделала большую эволюцию — из светской дамы (постепенно превращаясь в оппозиционного правительству человека, готового всячески помогать, в меру своих сил, своим детям и их революционным друзьям.
Никаких особых воспитательных целей она себе не ставила и гораздо больше поддавалась нашему воспитательному воздействию, чем воспитывала нас.
Русскому языку она стала учиться только в Одессе, училась, вероятно, не систематически, а «с голоса», говорила хорошо, без всякого акцента; но с падежами не всегда могла сладить, как и с разными грамматическими тонкостями. Так для решительного отказа в разговорах с нами она любила говорить — «Ни в какейшем случае»! — это было обычной формулой в ответ на наши ходатайства «посидеть попозже» и не идти спать в раз навсегда установленный час; если она настаивала на каком-нибудь своем требовании к нам обращенном, то любила повторять — «во все непременишны».
Не давались ей также пословицы, которые она очень любила почему-то употреблять. Иногда она нелепо и буквально переводила с какого-нибудь языка (вплоть до греческого и турецкого) какую-нибудь пословицу, странно звучащую в корявом переводе, а то и просто сочиняла их.
По-русски читала она совсем плохо и с русской литературой знакомилась через нас — как-то у нас издавна завелся обычай, а, может

быть, она и ввела его, очень много читать {13} вслух. Читали преимущественно братья, мальчики 13-14 лет и долго жившая у нас гувернантка, Зинаида Капитоновна, смолянка, старая дева, превосходно говорившая по-французски и хорошо знавшая русскую литературу, но пренесносное существо! Она оставалась у нас, кажется, до конца 80-х годов, когда материальное положение отца заметно ухудшилось и пришлось отказаться от многих затей прежнего времени...

Читали самые разнообразные книги, начиная с русских классиков, и кончая журналом «Вокруг Света», подписчиками которого мы состояли много лет; раньше для нас выписывали «Детское Чтение». Особенно много читалось летом, во время долгих летних каникул, на даче, во время жарких часов, когда, по своеобразной гигиене моей матери, «вредно» было выходить в сад. Книги для совместного чтения выбирались случайно, и то читали Достоевского и Островского, то «Остров Борнео» или книгу о «Маори, жителях Новой Зеландии». Читали много и по-французски, особенно почему-то мифологию. И моя мать, и Зинаида Капитоновна, кажется, считали знание мифологии неотъемлемым признаком настоящей образованности, и, во всяком случае, фундаментом для настоящего образования. Слушала чтение и мать, и мы, средние, и даже младшие дети. Обычно при чтении присутствовала и няня, Пелагея Захаровна, когда-то кормилица брата Володи, остававшаяся у нас в семье до самой своей смерти. Обычай совместного чтения сохранился у нас долго; менялись книги, их содержание, но привычка читать вместе оставалась еще очень долго. Например, помню, значительно позже читали и такой рассказ, как «Чудная» Короленко, который считался, если не ошибаюсь, «нелегальщиной». Слушали и мать, и няня, едва сдерживая слезы. Мне кажется, что доставал это для нас отец, уж не знаю, откуда он брал такие книги. Таким образом мы читали и «Сороку-Воровку» Герцена, и «Подпольную Россию» Степняка; впрочем, с содержанием последней, довольно бессвязно, мы познакомились еще раньше через Юлия; с его слов, эта книга стала содержанием наших игр.

Вероятно, то обстоятельство, что мать не читала по-русски и не могла похвастать знанием тех предметов, которым мы обучались и которыми интересовались, сделало то, что большим авторитетом мать мы не считали, с ее мнениями мало считались и вообще предпочитали обходиться без ее советов. Отца, который в своей жизни много видел, везде побывал, знал массу самого разнообразного народу, мы ставили гораздо выше, больше считались с его мнениями, но и он лишь {14} не прямо «воспитывал» нас. Гораздо больше воспитывали мы друг друга, старшие младших.

От нас требовалось немногого. Попав в гимназию, мы не должны были сидеть по два года в классе, должны были обходиться без репетиторов, и эти условия мы с лихвой выполняли. Мы знали, что мы, как евреи,

должны иметь очень хорошие отметки, если можно, окончить гимназию с медалью — это облегчало поступление в высшее учебное заведение. И мы все учились хорошо. Не могу сказать почему, но мой отец был вообще против того, чтобы чужие, наемные люди обучали нас. Исключение было сделано только для старшего брата, Морица, очень больного мальчика — ранний порок сердца, не позволявший ему посещать гимназию. К нему пригласили репетитора, «на кондиции», сперва только на лето, но он прожил у нас целый год, Гаврилу Михайловича Ефимова, оставшегося на многие годы другом всей семьи. Пригласили его, кажется, для того, чтобы помочь Морицу сдать какой-то экзамен; сколько помню, экзамена этого он не выдержал, а, может быть, и не держал. И после этого он не учился систематически, обучался только языкам, к которым у него были большие способности. Языки он знал недурно, то есть свободно говорил по-немецки, французски, английски и немного по-итальянски. Думаю, однако, что и эти знания были довольно поверхностными. После он служил в каком-то банке на небольшом месте, применяя там свои знания языков. К нему приходили учителя и учительницы, часто сменяясь, которые ограничивали все обучение разговорами. Занятия часто прерывались и потому, что по зимам он обычно лежал в постели, сильно страдая от ревматизма, слабый, с вечно сильным сердцебиением.

К младшим уж не брали учителей и для подготовки к вступительным экзаменам в гимназии, а предоставляли старшим готовить младших. Мне на долю выпало быть подготовленной Юлием, который был на 5 лет старше меня. Занималась я одновременно с Сергеем, который был только на год моложе меня. Должна признаться, что Юлий был из рук вот плохим учителем, нетерпеливый, вспыльчивый, способный от нерешенной задачи придти в ярость, но при всем том очень много дававший нам обоим своими рассказами по истории, литературе и т.д. Все, что он сам знал или прочитывал, он довольно бессистемно рассказывал нам. В 8-9 лет мы заслушивались его рассказами о французской революции, о значении Белинского в русской литературе, о декабристах, о крепостном праве. Рас- {15} сказывая о последнем, он вносил много корректив(!) в рассказы нашей няни, Пелагеи Захаровны.

Няня еще помнила крепостное право, «своих господ»» семью генерала Миллера, с которой она, и в бытность у нас поддерживала общение и к которой хранила почтительную верность. Несколько сестер Миллер, «миллерские барышни», старые девы, проживали в довольно стесненных обстоятельствах в Петербурге, в Саперном переулке, недалеко от нас — мы тогда жили на Бассейной, и всегда ласково встречали нашу няню, которая иногда заходила к ним, гуляя со своим питомцем, братом Володей. Хождение это не причиняло Володе ни малейшего неудобства, но мать почему-то очень не любила этих визитов.

Потому ли, что «Миллерские» были добрыми людьми, или по другим причинам, но память няни — во время крепостного права еще девочки — не сохранила никаких ужасов об этой эпохе, и Юлию приходилось убеждать нас, да и няню, что до 61 года в России «царил гнет». Няня не спорила, но туго поддавалась его пропаганде. Но мы, младшие, верили ему, да и у отца получали такие же объяснения и нянино равнодушие склонны были объяснять ее непросвещенностью.

«Ученье свет, а неученье — тьма» — это было популярным лозунгом в нашей семье, и мы все учились очень охотно и даже со страстью, особенно Юлий, который, благодаря своему физическому недостатку (хромоте), силой вещей был вне целого ряда детских, мальчишеских забав.

Свои досуги, когда не играл с нами, он целиком посвящал книге и шахматам. Такой «уклон» очень поощрялся отцом; сам он свое образование начал в хедере, чуть ли не в 4 года, но, кажется, немного сохранил от тамошней премудрости. В его рассказах об еврейском быте, верованиях, не было видно, как я теперь понимаю, библейской начитанности, объяснял он всё рационалистически, без всякой любви к этой «науке». Всё, что мы знали и слышали о старо-еврейском быте, хасидах, талмудической премудрости — все это шло от деда. Не знаю, как и когда мой отец попал в «Высшее училище садоводства», бывшее в 'Крыму, в Никитском Саду, приравненное к Агрономическому Институту и даже дававшее при каких то условиях — кажется, при занятии своей профессией – «право жительства» по всей Империи. Как я вспоминаю теперь, отец ровно ничего не знал ни о садоводстве, ни о земледелии, никогда не рассказывал нам о годах своего учения, и я подозреваю даже, что он там никогда и не учился, а только каким то образом {16} имел диплом — вероятно, именно для права жительства, хотя как раз своей профессией он и не занимался. Я уверена, что отличить березы от дуба отец не мог. Вообще он был очень, насквозь городским человеком, много в своей молодости путешествовал по Европе, много лет провел на Ближнем Востоке, часто рассказывал нам о Париже, Лондоне, о Бейруте, но никогда не было в его рассказах упоминания о природе, о деревьях, цветах. Города он любил и хорошо понимал красоту города, в частности, превосходно знал Петербург, чуть ли не историю каждого дома. Часто гуляя с нами по воскресеньям — был у нас такой обычай, который мы, дети, не очень любили, хотя прогулка неизменно заканчивалась захождением к Конради и покупкой конфект, он нам рассказывал об Аничковом дворце, Аничковом мосте, фигурах барона Клодта, о памятнике Петра и так далее. Вспоминая теперь его рассказы, я думаю, он хорошо понимал красоту большого города и, действительно, знал историю Петербурга. Где и как он приобрел все свои познания, только ли чтением, или как-нибудь еще иначе, не знаю. Читал он всегда, до

самых последних своих дней» очень много, особенно любил читать всякие мемуары, по-французски, по преимуществу.
Под влиянием условий жизни, таких отличных от тех, в которых выросла и созрела моя мать, она постепенно шла все больше по пути уступок моей сестре и мне — братья много меньше нашего зависели в быту от взглядов и понятий матери. Да и на наши протесты она обычно реагировала не авторитарно, а быстро переходила на жалобный тон. Помню, часто бывали у нас с ней столкновения по поводу того, что мы отказывались идти с родителями на сейдер к тетке — мальчиков даже не приглашали, заранее зная их бурный отказ. В ответ на наш отказ идти с родственным визитом — мы были уже взрослыми — мать выговаривала: «вы никогда не хотите ничего для меня сделать, а я для вас на все иду и даже принимаю у себя «гражданскую» жену ваших знакомых» — дело шло о Вере Васильевне Кожевниковой, жене Ф. И. Дана, с чем на самом деле она мирилась вовсе не потому, что он был «наш» знакомый, а потому, что он сам был «из вполне приличной семьи», с которой родители водились и без нас, а к тому же, что ей, бедняге, оставалось делать? Мы с сестрой не очень-то опрашивали ее, с кем нам водиться, и приглашали к себе людей исключительно по своему выбору; единственную уступку, которую мы делали, это было то, что мы соглашались, по просьбе отца, приглашать их в столовую к чаю, где {17} родители могли бы тоже познакомиться с ними. «Вам все равно, говорил отец, а нам спокойнее, если мы хоть видим, с кем вы водитесь».
Предубеждение против «гражданских» жен моя мать имела еще в конце 19-го столетия, а с новым веком приняла она и то, что и я сама стала гражданской женой того же Ф. И. Дана, да и вообще многое ей пришлось принять и пережить.
Когда мы подросли и на наших общих чтениях читали иногда и Кеннана (Сибирь и Ссылка), и другую подобную литературу, матери пришлось познакомиться с русской революцией с этой стороны, поэтому, когда в 1892 г. впервые арестовали Юлия, она, хоть и не знала ничего об его взглядах и деятельности, все же была своеобразно подготовлена к новой полосе своей жизни. И эта «полоса» уже не прекращалась до самой ее смерти, все наростая и захлестывая все больше число ее детей.
Думаю, ей было очень нелегко отказаться от привычных представлений, какими должны быть «приличные девушки» «хороших семейств» и я должна сознаться, что мы мало отвечали этим представлениям и были до крайности жестоки и гнули свою линию, очень мало считаясь с ее настроениями и взглядами, не уступая даже в мелочах. С тем, что мы хотели продолжать свое образование и шли после гимназии на курсы, она примирилась довольно легко, хотя в те времена это и не было уж так принято в еврейской буржуазной среде, к которой принадлежала наша семья. Мальчики — другое дело, но девочки? Мать была уверена, что и без приданого мы вышли бы замуж и потому плохо представляла себе,

зачем нам эти самые курсы нужны. Другого назначения женщины, как найти мужа и иметь детей — она не видела. Но все же она старалась не портить отношений с нами и лишь изредка вступала с нами в конфликты по поводу неподходящего нашего поведения. Думаю, в этом направлении влиял на нее отец, который имел, действительно, большое уважение ко всем своим детям и охотно мирился с тем, что наше поколение так резко отличается от его поколения. Иногда он говорил с большим добродушием — «у меня уж такое счастье, сын (Юлий) ходит лохматый, так как ему некогда сходить к парикмахеру, а дочери ходит стриженные, так как им некогда возиться с волосами; дочери мои на курсах, так как нынче нельзя без высшего образования, а сыновья плюют на университеты и дипломы, так как это старые выдумки». {18} Но говорил он это шутя и я не помню ни одного столкновения с ним у кого бы то ни было из нас. С матерью столкновения бывали и всегда по пустякам, но она очень огорчалась и отец только просил, чтобы мы ее пожалели и иногда уступали, но мы и на это неохотно шли.

Требовала от нас мать, в сущности, немногого — мы могли иметь каких угодно знакомых, приглашать кого угодно к себе и мы всегда были уверены, что каждый из наших знакомых встретит у родителей самый радушный прием. Она знала, что мы ходим в театр — на галерку, чего она не могла допустить для себя, а брать, как в прежние времена, ложу, карету и т.д. было уже не по средствам; но ходить в театр одним, без, по крайней мере, ей известных людей (она знала, что на братьев надежда плоха) ей казалось совершенно недопустимым. Так как, к счастью, среди наших знакомых были братья Соколовы, сыновья придворного протоиерея — совершенно «приличные» люди, которым она вполне «доверяла» — что, в сущности, доверялось, я и тогда плохо понимала, — то мы завели такой порядок: куда бы мы ни направлялись, к нам заходил Василий Дмитриевич Соколов, реже его брат, Николай Дмитриевич, уже тогда помощник присяжного поверенного и вполне «приличный» человек, и заявлял: «ну-с? готовы? в полном параде?» и наскоро объяснив маме о наших намерениях на вечер, мы спускались вместе, чтобы у подъезда распрощаться и каждый шел по своим делам и развлекался по своему.

Как это часто бывает в больших семьях, наш детский мир был очень отделен от мира взрослых, и мы, дети, жили тесно связанные между собой; была у нас своя мораль, свои законы, свои интересы. И во всем этом причудливо переплеталось взрослое и детское, для всех нас, и старших и младших детей, одинаково обязательное.

«Конституция» нашей детской жизни, как это ни покажется странным, была организована в связи с одной игрой, всех нас объединявшей, которая длилась годами, переходя от старших к младшим, вернее, вовлекавшая в игру постепенно подрастающих младших детей. Думаю, память об этой игре сохранилась у всех нас до конца наших дней. Я не

знаю, когда и как эта игра началась; когда я вошла в нее, были уже разработаны все правила, она велась издавна. Игра состояла в том, что мы разыгрывали, только в диалогах, все, что мы читали, о чем слышали; в этой игре мы создавали какой-то иной мир, параллельный реальному миру, для нас столь же реальный. По мере {19} того, как мы становились старше, менялись и темы нашей игры — когда то, давно, мы «играли» какой-то роман Буссенара, не то «Похитители брильянтов», не то «Искатели брильянтов». Помню, мне очень хотелось быть героиней романа, Бланш, но сестра категорически этому воспротивилась, говоря, что Бланш — «мужественная девушка, а ты — плакса, и, кроме того — я старше». Все это было неоспоримо, я и в самом деле была плакса и была младше, но я так остро чувствовала, что и я могу быть «героиней», и даже пыталась убедить в этом старших. Мне не верили, и я плакала от обиды, чем только подтверждала данную характеристику. На выручку, как обычно, скоро пришел Юлий, как раз незадолго до этого он прочел Степняка, кажется, тайком, кое-что рассказал нам, и мы немедленно сменили Буссенара на Желябова и Михайлова. Тут уж было столько «героинь», что и на мою долю досталась какая то приличная роль. Вообще, криво и косо, через эту игру мы многое узнавали, попадая в какой-то новый мир — все больше через Юлия.

Наш воображаемый мир, в который мы так охотно переселялись, почему-то назывался «Приличенск». Там были свои законы, которым мы слепо подчинялись, был свой язык. Взрослые что-то знали об этом и нередко подтрунивали над нами; мы этим не смущались, втайне сознавая свое превосходство перед взрослыми и потому снисходительно относились к их «глупым» подтруниваниям. Когда кто-нибудь из дядей спрашивал меня или Сергея — «а как по-вашему, по-приличенски, баловаться»? Мы отвечали, не моргнув глазом, тут же выдумывая какое-нибудь слово, которое сразу звучало для нас странно привычно, хотя оно было тут же изобретено. Каждый из присутствовавших при этом (из детей) только сочувственно поддакивал, даже не допуская сомнения в правильности ответа. Если кто-нибудь поступал в каком-нибудь смысле неправильно, брошенное замечание кого-либо из детей — «так в Приличенске не поступают» — было самым большим осуждением. Если кто-нибудь не приготовил урока — в нашем мире это не считалось предосудительным — никакой реакции на это обычно не следовало, но, если я или Сергей, не решивши задачи (о, проклятый Верещагин!), подсмотревши в «ответах» решение, представляли задачу, как решенную — мы встречали самое суровое осуждение — это считалось «подлостью»: «нет, так в Приличенске не поступают»!

Бывали, однако, и забавные недоразумения: раз сестра и я предъявили какие то чрезмерные требования, которые вы- {20} вели Юлия из себя и он свирепо закричал: «Что это, в самом деле? С каких пор в Приличенске сестрохариат»? Я в первый раз слышала это слово и оно показалось мне

очень обидным, грубым: я связала его со словом «харя», которое в нашем обиходе считалось невозможным грубиянством и нам строго запрещалось употреблять такое грубое слово, а тут оно брошено мне! Само собой разумеется, что я реагировала своим обычным способом — горькими слезами — «плакса»! Перед этим Юлий никогда не мог устоять, он стал сбивчиво и торопливо объяснять, ругая меня за мой идиотизм — «и за что я должен жить с такими идиотами!?» — что в слове «сестрохариат» нет ни капли обиды, что он только что прочел книгу (оказалось, Липперта, «История культуры»), из которой узнал, что в первобытном обществе иногда властвовали мужчины, отцы, и это называлось «патриархат», а иногда женщины, матери, — матриархат... Я удовлетворилась, вытерла слезы, но все же дальше расспрашивать не решилась и так и осталась в убеждении, что были какие то времена и какие то «общества», где главенствовали сестры. И мне даже казалось, что эти «дикари» совсем не такие глупые люди. Это недоразумение длилось довольно долго, только сама приобщившись к этому источнику мудрости (когда прочла этого самого Липперта), я узнала, что никакого «сестрохариата» не существовало! Но мне кажется, тем не менее, я как то использовала это недоразумение и иногда добивалась от Юлия каких то «уступок», которые он делал по мягкости характера, я же добивалась, смутно опираясь на «сестрохариат»... Это длилось долго. Может быть, всю жизнь...

К «Приличенску» можно было и надо было аппелировать и в более важных случаях. Помню, например, очень хорошо историю поступления к нам кормилицы Володи, Пелагеи Захаровны Беляевой. Кормилица была не слишком юная, почти в возрасте мамы, некрасивая женщина с очень приятным лицом. Очень скоро, из разговора старших, мы узнали, что, несмотря на свою молодость, она была трижды замужем, что мужья ее почему-то быстро умирали и даже ребенок — первый — родился уже после смерти ее третьего мужа. Родом она была из Калужской губернии, где ее мать «крестьянствовала», но оставаться у нее, ей, вдове, с ребенком на руках, было невозможно и потому она решила идти в кормилицы, оставив ребенка у своей матери. Очень скоро она получила письмо, которое ей прочел отец (в те времена она была еще неграмотной, но потом у нас, {21} от детей, хорошо научилась читать и кое-как писать), извещавшее, что ребенок умер. Пелагея, конечно, очень плакала и моя мать сильно волновалась, чтобы это не отразилось на здоровье Володи, очень слабенького ребенка. Чтобы «утешить» кормилицу, она пошла и купила ей подарок, какой-то байковый платок. Я потому так запомнила эту историю, которая в первую минуту, должна признаться, и не произвела на меня большого впечатления, что Юлий был страшно потрясен и вестью о смерти ребенка — он понимал, очевидно, что ребенок умер именно потому, что мать его кормила чужого ребенка — и особенно бессердечием нашей матери, «посмевшей

в такую минуту дарить байковые платки». Взволнованный, он позвал меня и сестру — я как сейчас помню, как он, волнуясь и размахивая руками, загонял нас в угол гостиной, хватал за рукава, сбоку заглядывая нам в лицо, долго объяснял безнравственность такого положения вещей и взял с нас «клятву», что мы, выросши большими, никогда такой «подлости» не сделаем и тоже ссылался на Приличенск. Вероятно мы легко дали это обещание. Но ему было этого мало и он потребовал повторения обещания самым страшным бывшим в ходу у нас заверением... Сделали мы и это... Это было не трудно, да и ссылка на «Приличенск» была убедительна — в самом деле, разве там существовал институт кормилиц? разве там не царило равенство и братство?

Может показаться смешным, но это «обещание» имело в моей жизни самое серьезное значение: я органически не была способна прибегнуть к помощи кормилицы, когда у меня самой появились дети и даже в трагическую минуту, когда моя дочь в Париже был в очень плохом состоянии и не могла переносить «бутылки» и врач настаивал на том, чтобы взять кормилицу, я все же отказалась от этого... Помимо всего рационального, логического, в памяти вставала та сцена, когда Юлий, загнав нас в угол, горячо говорит, дергает за рукав, заглядывает в лицо, требуя «обещания».

Много лет спустя, уже незадолго до его смерти, я раз спросила его, помнит ли он об этой сцене. Оказывается, помнил... На мой вопрос, как ему могла придти в голову идея говорить на такие темы с такими малышами, какими мы были тогда, он, сконфузившись, отвечал: «я, вероятно, больше имел в виду Надю, она все же была старше»! – ей в то время было около 8 лет, мне — шестой! – и, помолчав, прибавил с сконфуженной, но довольной улыбкой: «а все-таки это имело смысл» вот видишь, и ты на всю жизнь запомнила!»... {22}

Отец был совсем иным, чем мать, человеком; хорошо по тому времени образованный, очень много читавший, много видевший на своем веку в своих бесконечных путешествиях, «западник» и «шестидесятник». И у него, как и у его отца, еврейского «просветителя» была безграничная вера в просвещение, чем ему удалось отчасти заразить и нас всех. Только просвещение и культура могут спасти человечество от всех язв современной жизни, еврейство, в частности — от его бесправия и унизительного положения. Тут сказывалась вся атмосфера шестидесятых годов, когда складывался его характер, да и влияние его отца, которого он очень любил и необычайно высоко ставил. Это свое отношение к нему он сумел передать и нам всем.

Свои либеральные понятия он проводил в жизни и в деле воспитания всех нас и не только решительно ни в чем не стеснял нас, но, как свидетельствует Мартов в своих «Записках социал-демократа», даже посоветовал ему пойти на похороны Шелгунова, хотя, конечно, не мог не

понимать, что гимназисту перед экзаменами на аттестат зрелости лучше не парадировать на политической демонстрации.
Да и в других случаях он не боялся направлять нашу мысль и чувства по оппозиционному пути, принося домой «нелегальную», по тому времени, литературу и устраивая в нашем присутствии и отчасти для нас, для старших детей, чтение Герцена, к которому он питал особое почтение и к которому даже ездил в одно из своих путешествий в Европу. Он читал с нами защитительные речи видных политических адвокатов на политических процессах и т.д. Он был хорошо знаком с Петром Акимовичем Александровым, который защищал Веру Засулич и, в известном смысле, добился ее оправдания. Александров бывал иногда у нас и охотно вспоминал об этом деле. К Вере Ивановне Засулич отец питал особое почтение и я помню, как он волновался, когда я сказала ему, что она будет у нас к обеду (в 1905 г.). Помню, как он был доволен, когда мы устроили так, что Вера Ивановна, поселившись, недалеко от нас, у Ник. Дм. Соколова, приходила к нам обедать ежевечерне...
Конечно, у него и в мыслях не было, что его дети будут революционерами и от первого, в частности, ареста Юлия у него был (порядочный шок, но всё же он никогда не упрекал ни его, ни кого-либо из нас за то, что мы выбрали такой путь и никогда не осложнял нам тех передряг, которые выпадали па нашу долго. Должна с признательностью отметить, {23} что редко можно было встретить в нашем окружении другую семью, где так безропотно принималась та полная тревог и огорчений жизнь, которую мы создали для наших родителей. Постепенно они пошли и дальше и даже оказывали, особенно мать, разного рода услуги нам и нашим друзьям.
Не знаю почему, после русско-турецкой войны материальное положение отца и всей нашей семьи резко изменилось к худшему. Война как то «разорила» его, неоднократно говорил он нам, но в подробности не пускался. Кажется, дело было не только в потере службы в Русском Обществе Пароходства и Торговли. Но как бы то ни было, первые годы нашего детства, старших детей, протекали в обстановке полной обеспеченности, да и после, несмотря на разные перебои, мы, дети, никогда не нуждались и не терпели от каких либо недостатков: всегда жили в большой, хорошей квартире, летом ездили «на дачу», всегда хорошо питались и вообще были далеки от мысли о том, насколько не легко отцу, единственной рабочей силе семьи, прокормить огромную семью — нас было 8 человек детей, да у нас, кроме того, воспитывалась двоюродная сестра, дочь рано умершего брата отца, а еще раньше маленький двоюродный брат, сын другого брата отца, тоже умершего от туберкулеза. У нас всегда было много прислуги — правда, в те времена жалования были очень низкие, да и прокормить человека не стоило дорого, до конца 80-х годов были всегда гувернантки, а у младших сестер и позже были бонны.

Охотно рассказывал нам отец и о своей семье, о деде нашем, особенно. В детстве я неоднократно слышала — не от отца — всякие рассказы о «властном характере» деда. По правде сказать, с этой стороны мы его вовсе не знали. Он не вмешивался в жизнь нашей семьи, кажется, легко мирился с ее ассимиляторским характером. Правда, когда мы переехали в Петербург, он попробовал настоять, чтобы старшие мальчики, Мориц и Юлий, учились еврейскому языку и даже сам пригласил к ним учителя. Если не ошибаюсь, их учителем был Файвель Гец, человек очень ученый; но из уроков этих ничего не вышло, мальчики скоро поладили с отцом на том, что затея эта ни к чему. Дед не протестовал. Гец остался добрым знакомым, иногда бывал у нас, но уроков никогда не возобновлял. Не помню, чтобы дома были разговоры о том, что дед был этим недоволен. Учению, вообще он придавал огромное значение, в частности он очень хотел, чтобы мы все хорошо говорили по-русски, знали бы русскую литературу, вообще {24} много учились, но у всех нас были те же настроения и потому не было места ни для каких конфликтов.

Был ли он религиозным человеком? Думаю, — скорее нет, хотя он и ходил в синагогу, держал дома кошерный стол, в какой-то мере соблюдал субботу, праздники, но ему и в голову не приходило требовать, чтобы мы в гимназии не писали в субботу или постились бы в иомкипур. Сам он — постился. Сейдер справлял очень торжественно, но, мне кажется теперь — не очень ритуально: читались все полагающиеся молитвы, но в промежутках шли оживленные разговоры на самые разные, не всегда религиозные темы. Я не помню, чтобы братьев заставляли читать вопросы — «кашес».

Дед жил в большой квартире, где помещалась и редакция газеты «Гамелиц»; если не ошибаюсь, это было в 4-ой Роте Измайловского Полка. Хозяйство его вела кухарка Соня, которая строго следила за тем, чтобы все «правила» исполнялись. В квартире же жил и рассыльный Феофан, на редкость глупый человек, но очень преданный деду.

Квартира была очень неуютная, очень непохожая на нашу, но мы, помню, очень любили ходить к деду, быть может, именно в силу этой непохожести. Но и кроме того, когда дед приходил к нам, с нами он мало разговаривал, когда же мы приходили к нему, он охотно и помногу рассказывал нам. Рассказывал он особенно охотно и с большой страстностью о старом еврейском быте; к традиционной ортодоксии он относился очень отрицательно, вера в силу просвещения и тяга к нему была его второй натурой. Он искренно был убежден, что просвещением можно разрешить все проблемы, в частности еврейское бесправие. Я не помню, чтобы он много говорил с нами о религии, к обрядовой стороне относился без большого уважения, стараясь дать нам какое то рациональное объяснение этой стороне, и этим объяснить свое хотя бы внешнее уважение. Но национальное сознание было у него очень сильно, думаю, он твердо был убежден в том, что евреи в известном

смысле, действительно, избранный народ, и уж, во всяком случае — выше всякого другого. К русскому «простому» народу он относился пренебрежительно — для него Феофан был типичен, но к русской интеллигенции — относился с величайшим уважением, которое старался привить и нам.
Дед много рассказывал нам о мрачной эпохе царствования Николая I; помню, особенно большое впечатление осталось — и это на всю жизнь! — от института «кантонистов». {25}
Стараясь пробудить в нас всех чувство «солидарности» с еврейством, дед не скрывал от нас всех темных сторон старого еврейского быта, власть «ортодоксии». Именно он подарил братьям книгу Богрова «Записки еврея» и нисколько не мешал тому, что в нас зарождалась ненависть к «ортодоксии».
Помню, он рассказал нам с большим неудовольствием, что Богров принял христианство и очень неодобрительно отозвался об «отречении» от еврейства. На наши возражения, что раз Богров в Бога не верил, не так уж важно, что он и крестился, дед со страстью оказал: «но ведь он и в христианского Бога не верил! Это стыдно из лагеря гонимых переходить в лагерь гонителей». К этой теме в разговорах с нами он возвращался не раз. Все его рассказы об еврействе, несомненно, имели целью пробудить в нас какую то интимную связь с ним. Думаю, ему было ясно, что путь к нашим сердцам лежал совсем не по религиозной линия, и даже не по национальной, а скорее по гуманитарной...
Еще до встречи с дедом Юлий, к которому больше всего лежала душа деда, как то ощутил своеобразную связь с еврейством. Было это во время еврейского погрома, который, хотя и прошел мимо нас, но впервые показал, где, собственно, наше место. Сам Мартов пишет об этом в своих «Записках социал-демократа».
«...Мы двинулись осенью 1881 года — мать с гувернанткой и 3 детьми. С трудом матери удалось найти место, куда она могла приткнуться с младшей сестрой. Мне и брату разрешено было идти и искать себе место в других отделениях. Нас приютил какой-то еврей грустного вида. Не помню, каким образом он начал нам, мальчикам, рассказывать свою историю» вероятно, был в таком состоянии, когда человек другого ничего рассказывать не может. А история его была обыкновенной историей десятков тысяч евреев: о том, как он хорошо жил с семьей в городе Елисаветграде и как пришел погром и отнял у него все — и достояние, и семью, из которой у него несколько человек убили. Он рассказывал нам глухим спокойным и покорным голосом, описывая знаменитый по своей жестокости Елисаветградский погром, и мы слушали его, подавленные, готовые бежать от этого рассказа, но не смея шелохнуться и как будто стыдясь чего то перед лицом кроткого старика, заботливо устраивающего нас на своей лавочке. Мерный звук железнодорожных колес, впервые своей мелодией коснувшийся моего

уха, таинственный полусвет вагона и мель- {26} кавшие тени переполнявших его чужих людей — все это создало жуткую обстановку, навсегда врезавшуюся в моем мозгу и закрепившую в нем трагический рассказ, которым неведомый старик беспощадно вводил нас в юдоль печали. Я, как сейчас, помню и лавку, на которой сидел старый еврей, и его лицо, и длинное на нем темное пальто, и этот гулкий стук колес, и выплывающие из полумрака лица других пассажиров». («Записки социал-демократа», стр. 19).

Думаю, этим подспудным настроениям, вернее, ощущениям как то отвечал дед своими рассказами о своей деятельности, которую мы воспринимали, вероятно, несколько стилизованно, плохо разбираясь в ее конкретных проявлениях.

Дед, несомненно, был человеком другого века, родился он в Замостье Люблинской губернии в 1816 году. Отец его — часовых дел мастер был уже не чужд просветительных идей и стремился дать сыну хорошее, по тому времени, образование. Как и каждый еврей того времени, дед рано женился, рано имел детей. Его кипучая энергия плохо мирилась с тихим житьем в Замостье и в 1840 г. он вырывается из тихой провинции и поселяется в Одессе. В нашей семье, особенно, среди детей шли рассказы, уж не знаю, откуда взявшиеся, что деду, чтобы вырваться из рамок еврейской традиционной жизни, пришлось много бороться, чуть ли не говорили даже о «хереме», но после я никогда не могла проверить этих рассказов и найти им подтверждение.

Очень рано он ощутил в себе литератора и, несомненно, своеобразным талантом он обладал, хотя, говорят, писал тяжело, витиевато... Плохо знаю, чем он занимался в Одессе в течение 20 лет, но в 1860 году он задумал издавать газету на древне-еврейском языке. Было это делом не легким; приходилось преодолевать не только материальные трудности, но еще больше всякие административные препятствия. А им, действительно, не было числа и, вероятно, не будь дед таким настойчивым в достижении своих целей, никогда бы не приступить ему к изданию газеты! Разрешение на издание «Гамелиц» ему помог получить Пирогов, как то попавший в Одесскую Талмуд Тору, где преподавал д-р Гольденблюм, с которым был связан дед, и которая, по тем временам стояла на очень большой высоте. Хвалебную статью Пирогова об этой Талмуд Торе дед перевел на еврейский, что и было чуть ли не его первой литературной работой и что навсегда решило его судьбу. Как и Пирогов, дед был, по понятиям того времени, «передовым» человеком, но задачу своей газете он ставил чрезвычайно {27} скромную — быть посредником между еврейским народом и правительством, между религией и просвещением. Газета, кажется, была довольно жалкого вида. Писатели —- все больше самоучки, писали в ней бесплатно, порой малограмотно. Очень скоро эта газета перестает удовлетворять самого деда и в 1863 году он, как бы сказали теперь,

«явочным порядком», без всякого разрешения, начинает давать еженедельное приложение на идиш — «Кол-Мевассер», которое сразу завоевывает широкие симпатии читателей и, видимо, был гораздо более нужным изданием для читающей публики. С 1871 года издание Гамелица [переносится в Петербург, что повлекло за собой прекращение «Кол-Мевассера», так как издание в столице газеты на презренном «жаргоне» было, конечно, в те времена совершенно невозможно.

Вообще с самого начала на пути литературной и издательской деятельности деда стояла масса препятствий. О том, как он их побеждал, он любил со смехом нам рассказывать. Получив, например, разрешение на издание газеты в Одессе, он узнал, что в этом городе, во-первых, не было типографии с еврейским шрифтом — таких типографий было вообще в то •время только две — в Житомире и в Варшаве а, во-вторых, не было цензора, владевшего древне-еврейским. Был в Киеве цензор, хорошо владевший этим языком. Выходило так, что газета должна была выходить в Одессе, но рукописи статей должны были посылаться на просмотр в Киев и для печатания в Житомир!

Положение явно невозможное и, чтобы выйти из него, надо было прибегнуть к очень сложной проделке: по случаю коронации Александра П дед решает написать... оду, тем более, что как раз в это время государь должен был проезжать через Одессу, по дороге в Крым. Деду приходилось еще до того времени писать роман (кажется, совершенно бездарный!), но оду... Не смущаясь новизной дела, он пишет оду, дает доктору Гольденблюму перевести ее на немецкий и в таком виде посылает государю. В препроводительном прошении ходатайствуется о разрешении оду «напечатать в издающейся в Одессе еженедельной газете». По-видимому ода производит впечатление, а, может, Александр II и не читал ее, но почему не начертать «разрешаю»? С таким разрешением в кармане дед уже без большого труда добивается разрешения пустить в ход имеющийся у одного типографа еврейский шрифт, добивается, чтобы был назначен цензор, владеющий еврейским {28} языком и живущий в Одессе и т.д. и в первом номере печатает целиком свою Оду!

Верноподданнические чувства этой Оды только отчасти были проявлением хитрости или дипломатии. В те времена все чаяния и надежды просветителей на освобождение еврейского народа от невежества, от бесправия (что в их сознании было неразрывно связано), были обращены на разумную деятельность правительства, которое сумеет оторвать невежественные массы от традиционной ортодоксии, от средневековья, в котором так охотно оставались и хасидизм, и раввинизм.

Дед объяснял нам, что в те времена, по мнению просветителей (и его в том числе), евреи должны были доказать правительству свою полезность, порвать с изоляционизмом еврейской жизни, приобщиться

к общерусской культуре и просвещению. В 80-х годах их иллюзиям был нанесен жестокий удар и с тех пор, после полосы погромов, участие правительства в которых было слишком очевидно, у деда, как и у других «просветителей», начинают громче говорить национальные чувства, идут поиски выхода в эмиграции, впервые возникают сомнения в пользе и эффективности ассимиляции. Эти настроения уже шли мимо нас, мы были безнадежно ассимилированы, и кроме смутных, подспудных настроений, которые никогда не могли по настоящему расцвести, с еврейством связаны не были.

Несмотря на то, что «Гамелиц» всегда был лицом обращен к правительству, в нем была, невидимому, своеобразная прогрессивность и эта сторона деятельности деда нам всегда очень импонировала. Может быть, мы даже ее сильно преувеличивали. Но его рассказы о так называемом «Кутаисском деле», когда группа кавказских евреев была обвинена в ритуальном убийстве (предтеча процесса Бейлиса) и о том, как он со всей присущей ему энергией и страстью вошел в дело организации защиты лучших адвокатов того времени — процесс закончился оправданием всех обвиняемых — поражал наше воображение именно своей общественной стороной. Помню — у деда была фотография — группа длиннобородых евреев, сидящих на стульях в ряд, перед ними такие же несколько странные люди на полу, а за ними — несколько адвокатов, во фраках, с привычными лицами. Да и кавказские евреи сильно отличались от привычно встречаемых евреев с юга России или западного края. Я очень хорошо помню, что, глядя на эту «группу», я про себя думала, что эти адвокаты, такие привычные, русские, мне чем то ближе и понятнее, чем {29} эти мои соплеменники. Вероятно, я не решилась бы никому тогда сказать об этом...

Не зная древне-еврейского языка, мы никогда не могли читать газеты деда, и по его рассказам не могли уловить того, невидимому, невысокого уровня, на котором стояло это издание; все же его рассказы нам импонировали, да, кажется, у него и на самом деле было истинное чутье журналиста и он много сделал для создания настоящей, почти европейского образца, еврейской публицистики; по его словам, в «Гамелице» впервые в еврейской прессе появился настоящий публицистический отдел; он первый обратил внимание на вопросы внутреннего развития иудаизма; он сумел привлечь к изданию настоящие таланты, вроде Л. Гордона и других.

Дед был большим оппортунистом, придавал большое значение всякого рода ходатайствам, вечно ходил к разного рода власть имущим и, надо сказать, всегда чего-то добивался. Думаю, десятки и даже сотни студентов были приняты в университеты «сверх процентной нормы», десятки еврейских интеллигентов получали «право жительства» в столице. Видимо, его «просветительная» деятельность вызывала к нему симпатии и у такого реакционного человека, как министр народного

просвещения Делянов, который принимал его всегда очень любезно и очень часто положительно относился к его «ходатайствам». Любопытно, что он умел быть убедительным при очень несовершенном знании русского языка; он сам рассказывал нам, что однажды Делянов опросил его: «А чем же вы живете, господин Цедербаум»? На что дед отвечал: «всегда своей перой, ваше превосходительство»! — то есть литературной деятельностью. Дед сам весело смеялся, рассказывая об этой своей ошибке.

«Общественные» настроения в Юлие дед очень поощрял и очень надеялся, что из него выйдет «настоящий» человек. Даже первый арест его не обескуражил: это было в порядке вещей. 'Правда, он не дожил до того, что все его внуки, один за другим, становились революционерами, и то бывали арестованы, то попадали в ссылку, то почему то исключались из учебных заведений. При его жизни арестован был только Юлий, его главная надежда; и хоть он начинал понимать, что пути его развития отнюдь не совпадают с его надеждами, все же, как только после его первого ареста 25-го января 1892 г. по студенческому делу стали говорить о возможности его освобождения под залог, дед не только внес требуемые 300 рублей, но и всячески убеждал брата «плюнуть» на эти {30} деньги и ехать учиться заграницу. К тому времени в Соединенных Штатах уже жил дядя Адольф, был вполне «устроен»; он тоже приглашал брата к себе и обещал ему всякое содействие в деле получения образования — дед был убежден, что при способностях Юлия и американской демократии, ему ничего не будет стоить стать «там» первым человеком; но брат отклонил все эти лестные предложения и предпочел ждать приговора, отсидки в Крестах, поднадзорного житья в Вильне, затем нового ареста и т.д. Ему самому было ясно, и он не скрыл этого от семьи, что «первым» человеком ему не быть и нечего им на это и рассчитывать. Ни родители, ни дед «твердости» характера не проявили и предоставили мятежному юноше идти своим путем, родители — больше всего потому, что и сами не знали, как взяться за противодействие таким настроениям, дед — быть может, потому, что инстинктивно чувствовал, что и такое служение народу чем то выше и лучше, чем наилучшим образом устроенная личная карьера. А для деда — я уверена, служение народу было раз на всегда поставленной целью...

О своей семье отец охотно рассказывал нам, видимо, ему хотелось, чтобы у нас была настоящая связь с его родными.

Было у него 4 брата и сестра; она была старшая и, кажется, довольно крутого, властного характера, но отец очень любил ее. Наша мать этой любви не разделяла и мы все выросли без всякой приязни к ней, тем более, что узнали мы ее очень поздно — только после смерти деда, хотя она всегда жила в Петербурге, всегда в одной и той же квартире, Литейный проспект, № 37. Годы она была в ссоре с дедом, а из-за этого и

с моим отцом, который в этой ссоре безоговорочно встал на сторону деда. Из-за чего была ссора — не знаю. Кажется из-за ее мужа, дяди Арнольда Гольденблюма; как я понимаю теперь, вряд ли в ссоре был прав дед, но тогда ни у меня, ни у кого либо в нашей семье не могло зародиться сомнение относительно того, кто мог быть прав — таким непререкаемым авторитетом, даже не насильственно нам навязанным — а как-то добровольно нами всеми принятым — пользовался дед.

Дядя Гольденблюм был, кажется, очень ученым человеком, доктором философии какого то немецкого университета, сам немецкий еврей, всю свою жизнь проживший в России, но так и не научившийся русскому языку. Кажется, он был та- {31} лантливым и даже выдающимся по тем временам педагогом и я только теперь нашла в литературе кое-какие указания на то, что и в деле издания и создания Гамелица, которое мы всегда считали делом только рук деда, он сыграл большую роль, и что его очень высоко ценил, как педагога, Пирогов, но в моей памяти, в те годы, когда я его встречала, он был просто «чудаком, имевшим к тому же какую то странную специальность — высчитывал на много лет еврейские календари: к тому времени, когда я его впервые увидела, после смерти деда, он был красивым стариком с серебряной, прекрасно сохранившейся шевелюрой, говоривший только по-немецки, тихий и застенчивый в собственном доме, во всем покорный своей жене, но с необычайным упорством отстаивавший свои чудачества перед этой властной женщиной. Он всегда ходил в сюртуке, на улице — всегда в цилиндре. Даже в жестокие морозы, бывающие иногда в Петербурге, он никогда не носил шубы, а ходил в легком черном пальто без мехового воротника. Среди его чудачеств была у него мания — иметь точные часы и потому каждый день, около 12 часов он открывал форточку и слушал, не раздастся ли выстрел пушки из Петропавловской крепости. Он уже держал в руке свои старинные золотые часы и с напряженным вниманием всматривался в стрелки. Если обе стрелки сливались в момент выстрела, он облегченно вздыхал, опускал часы в карман и ждал завтрака, который подавался несколько минут спустя. После завтрака, он «отдыхал», то есть не надолго ложился и затем, во всякую погоду, шел пешком на Невский проспект, к углу Садовой, к Городской Думе и сравнивал свои часы с часами на каланче. Если кто-нибудь спрашивал его, который час, он неизменно отвечал, взглянул на свои часы: 5 часов 11 минут, это по крепостной пушке, а на каланче, значит, теперь 5 часов 12 минут. Иногда он уточнял справку, добавляя: «а по часам Мозера, около Казанской, сейчас 5 часов и 10 с половиной минут». Чудак пал жертвой своего чудачества; уже глубокий старик, простуженный, он все же открывал зимой свою форточку, окончательно простудился, заболел воспалением легких, от которого и скончался.

Был безобидным «человеком, досаждавшим людям разве что только своим педантизмом. Совсем иным человеком была тетка Розалия. О ней

никто не рассказывал анекдотов и до смерти деда я мало что слышала о ней. Мой отец очень любил свою единственную сестру и ее детей и не хотел, чтобы у него в доме о ней плохо говорили, но, кажется, понимал, что говорить о ней {32} хорошо — трудно. Мать же моя определенно не любила ее, но из-за отца молчала. Видимо, тетка была женщина с характером и не только держала в руках безвольного, рыхлого чудака мужа, но и своих детей, по-своему даровитых людей — сына врача, который тянулся к музыке, но которого она «пустила по медицине», и дочь, окончившую петербургскую консерваторию, которая меньше всего хотела быть учительницей музыки... Видимо, она пыталась в свое время, в качестве старшей сестры организовать и жизнь моей молоденькой тогда матери. Но у нее хватило характера уклониться от этого... Отсюда — вероятно — и прохладные отношения между ними...

Больше связей было у нас, особенно в старые годы, у старших детей, с братьями отца — нашими дядьями. Двое из них были врачами — старший, следовавший за нашим отцом, Адольф должен был стать, собственно, по плану деда, коммерсантом и был послан в Берлин, чтобы пройти курс в какой-то Хандельс-Академи, но вместо этого он поступил на медицинский факультет, который и окончил благополучно. Получал он «из дому» ежемесячно 30 рублей и добывал недостающие средства литературным трудом — отец нам с гордостью рассказывал, что Адольф переводил на немецкий Тургенева и вообще слыл очень хорошим переводчиком. Окончив медицинский факультет, он вернулся в Россию и должен был сдать экзамен «на аттестат зрелости», так как не был в русской гимназии, и только после этого мог приступить к медицинским экзаменам, что и было им проделано с успехом. Затем он, как полагалось тогда, написал диссертацию и сдал еще докторский экзамен. Казалось, он достиг цели и мог «устроиться», стать приличным членом еврейского общества, но тут подошел несчастный 81 год, когда по России прокатились еврейские погромы и он не захотел оставаться в России и уехал в Соединенные Штаты, поселился в Денвере, стал врачем, специалистом по туберкулезу, кажется директором санатории и умер уже глубоким стариком, во время войны 1914-18 г.г. Мне после рассказывали, что санатория, где он работал, была чуть ли не первой в Штатах, устроенной по немецким образцам, в нее больные принимались без различия национальности и расы. Он остался одиноким человеком, после смерти деда совсем оторвался от семьи, редко писал, но все же, видимо, сохранил какие то родственные чувства и интересы — с удовольствием видался с Юлием, приезжая во время войны в Швейцарию для отдыха. Он уже был настолько нездоров, что приезжал в Европу с сиделкой. Трудно понять, почему он {33} ездил из Колорадо в санаторию в Швейцарию, сам работая в образцовой санатории для туберкулезных... Была ли это неистребимая тоска по Европе или что другое — не знаю...

Был врачем и другой брат моего отца, самый младший — Яков. Он окончил Военно-Медицинскую Академию, куда в те времена принимали евреев. Его я совсем не помню, он рано умер, тоже от туберкулеза, в Мерапе, куда его повезли уже совершенно безнадежно больного. Было это задолго до смерти деда, в конце 80-х годов. Он оставил трех детей, из которых двое мальчиков перекочевали в конце концов в Америку, к дяде Адольфу, не ставши, кажется, ни в какой степени утешением его старости, а дочь Ольга осталась с матерью, поселившейся в Вене и умершей там в больнице для психически больных. Что стало с Ольгой — не знаю. Мать ее, Фанни, была очень странной женщиной, нервной, истеричной; она обладала и странной наружностью, я хорошо помню ее карточки — красивая, высокая женщина, в черном бархатном платье с длинным шлейфом. Большие светлые глаза, пушистые волосы. Смутно помню ее в жизни, особенно, ее совершенно белые, как у альбиноски, волосы, какие-то прозрачные глаза. Она была хорошей пианисткой, окончила петербургскую консерваторию. После я слышала, что дядя Яков участвовал в революционных «нигилистических» кружках, хотя, кажется, сам революционером не был. Там же была и Фанни, фамилии ее не знаю, говорили, талантливая музыкантша, человек не от мира сего, страдавшая тяжелой формой истерии. Студенты медики, к кружку которых принадлежал и дядя Яков, считали, что Фанни сразу вылечится, если начнет жить брачной жизнью и «постановили», что кто-нибудь из них должен на ней жениться. Жребий пал на дядю и он женился, что, впрочем, мало, способствовало ее выздоровлению и, кажется, большого счастья ему не принесло. Последнее, впрочем, утверждала всегда моя мать, очень не любившая, уж не знаю почему, Фанни. Она часто говорила об ее беспорядочности, неумении создать домашний уют для больного мужа, о плохом воспитании ее детей и как-то прямо выводила из всего этого смертельную болезнь дяди — туберкулез. Знала ли она что-нибудь более детально о семейной жизни дяди и не хотела говорить нам об этом или просто ей, в то время очень буржуазной даме, претило от богемистой Фанни — я не знаю.

Всю историю брака дяди я слышала из семейных источников и много лет спустя, спросила как-то Веру Ивановну Засулич, насколько такая версия правдоподобна; она гово- {34} рила, что это вполне возможный случай из быта студенческой молодежи 70-х годов.

Было у отца еще два брата — Исай и Натан. Последнего я совсем не знала, но, может быть, и видела раза два во время его наездов в Петербург. Жил он постоянно в Николаеве, жил, кажется, трудновато. Там же женился, там же они оба, и он, и его жена, Настя, умерли, сравнительно молодыми людьми, почти одновременно, от туберкулеза, оставив трех детей — сына Владимира, способного музыканта и журналиста, кончившего свои дни в Париже во время немецкой оккупации, как «безвестно пропавший» после депортации его жены,

Марии Исаковны Каменки; дочери Софии, после смерти родителей поселившейся в нашей семье и выросшей вместе с моими младшими сестрами, почти ее однолетками. По окончании гимназии и зубоврачебных курсов, она стала жить самостоятельно, затем, уже после революции 17 года вышла замуж, кажется, не очень счастливо, за меньшевика-плехановца, Ольгина-Фомина, уехала с ним после октябрьской революции на Восток и умерла от тифа во Владивостоке. Младший же их брат, Яков, воспитался в семье другого дяди, Исая, и был очень близок ко всем нам, стал меньшевиком. После октябрьской революции поселился в Москве и работал в советском аппарате. Был у него сын, Юра; слышала, что он был комсомольцем. Кажется, Яков, единственный член нашей семьи, уцелевший в Советском Союзе.

Дядя Исай, в семье которого он воспитывался, был женат на Елизавете Григорьевне Пинес, неглупой, но мало приятной женщине, которая в дальнейшем совершенно перевоспиталась под влиянием своего сына, Федора, известного под фамилией Дневницкого, последователя и верного оруженосца Плеханова, его многолетнего секретаря. Будучи «плехановцем» во время революции 17-го года и ярым анти-большевиком-активистом после октябрьской, он пошел гораздо дальше своего учителя, Плеханова. После убийства Урицкого, к которому он не имел, однако, никакого отношения, он был арестован и был очень близок к расстрелу, но отделался «всего» десятью годами изолятора, кои и просидел в Верхнеуральске, а затем попал в ссылку в Туруханск. И то, и другое он перенес, сравнительно, благополучно, сохранил много литературных интересов, в частности, к французской поэзии, и сам писал стихи. Задолго до последних приключений, он сошелся с Идой Хорочинской и имел сына, Виктора, который вырос без него и вдали от всей нашей семьи. Но став взрослым, уже студентом, {35} Виктор самостоятельно пришел к социал-демократическим идеям, принял участие в студенческом движении 1922 года в Ленинграде, был арестован и попал на Соловки. Там он обратил на себя внимание своими совершенно исключительными способностями к математике и по ходатайству какого-то тоже ссыльного профессора был освобожден и отпущен учиться. Вероятно, на Соловках он разузнал о семье Цедербаум и, вернувшись на континент, поехал разыскивать кого-нибудь из семьи и нашел в Саратове семью Сергея Осиповича, с которой близко сошелся. Потом он был снова арестован, уже, как меньшевик, в Ленинграде; у него нашли адрес дочери Сергея Осиповича, с которой он очень подружился и с которой состоял в переписке, что повлекло за собой и ее арест. Что стало с ним позже, его мать так никогда и не узнала; не знала, куда его услали и теперь трудно оказать, жив ли он. Отец его погиб в начале войны — при «ликвидации» меньшевиков.

Мать Дневницкого, как я уже упомянула, была мало приятной женщиной. Дочь очень богатого человека, но дочь нелюбимая, она очень

торопилась выйти замуж и, получив от отца небольшое приданое, гораздо меньшее, чем по средствам отца должна была бы получить, она, кажется, без особой любви вышла замуж за моего дядю, кажется, дело было сделано при помощи свахи. Дядя вряд ли считался завидной партией, так как, хотя и из «хорошей» семьи, не имел, «хорошего» положения, в делах был легкомыслен, не без склонности к авантюрам. Но на лучшее и невеста не могла рассчитывать — хотя и довольно красивая, она не могла иметь претензии «на хорошую партию»: ее отец, богатый лесопромышленник, дважды женатый и дважды овдовевший, в третий раз сошелся с русской женщиной, имел от нее дочь и явно «обижал» своих восьмерых законных детей в пользу младшей, «незаконной». Это обстоятельство легло, конечно, неизгладимым «пятном» на семью и особенно повредило шансам дочерей, моей тетке Лизе, и ее младшей сестре.

На небольшое «приданое» дядя немедленно устроил типографию, устроил, казалось бы, хорошо, был он великим специалистом этого дела, но дело почему-то не пошло, пришлось не то продать, не то уступить компаньону; в «приданом» образовалась большая брешь, что тоже не способствовало семейному счастью. У них было двое детей — «любимая» дочь, Вера, умерла в 10 лет от (брюшного тифа), остался один Федор, трудный, своевольный, ожесточенный мальчуган, хотя и ставший единственным и страстно любимым, всё же не про- {36} стивший былого пренебрежения. Его очень любили в нашей семье, он дружил с моими младшими сестрами, был их «рыцарем», когда мы все разбрелись по белу свету; любила его и моя мать и не могла нахвалиться его ласковостью, чего никогда не видала от него его родная мать, которая не мало боролась с ним, выступая против «цедербаумовских» влияний и настроений, но кончилась эта борьба безусловной победой сына над матерью, которая, вероятно, в начале 900 годов уже сама стала проникаться симпатиями к революционному движению, к социал-демократии, в особенности, стала оказывать сыну и его друзьям всяческую помощь, хранила литературу, собирала деньги, работала в революционном Красном Кресте, ходила на свидания к бездомным и одиноким политическим и так далее. Не знаю, пошла ли она за сыном в его последней, анти-большевицкой эволюции; умерла она от рака во время сидения Феди в изоляторе, где иметь с ним свидания уже не могла.

С некоторыми членами нашей семьи она в более поздние годы свела настоящую дружбу и сама смеялась, вспоминая, как боролась против «цедербаумовских влияний». — Вот еще случай воспитания родителей детьми — яйца курицу учат!

Исай никакого особенного общего образования не получил, с раннего возраста специализировался на типографском деле и, кажется, действительно, был хорошим специалистом не коммерческой, а

технической части этой промышленности. У него были всегда очень хорошие отношения с рабочими, он не был социалистом, но с симпатией относился к революционному движению; февральскую революцию принял очень энтузиастически, без всякой злобы — октябрьскую, которую не надолго пережил, очень растерявшись от того, что все случилось не так, как можно было ожидать... {37}

Из хроники семьи Цедербаум
Из юношеских воспоминаний Ю. О. Цедербаума - Мартова

«В доме моего отца в то время стали иногда собираться знакомые из демократической интеллигенции: ...Публика была оппозиционная, кое-кто в прошлом сидел в Предварилке...

В этом кругу часто велись политические разговоры, ругали правительство Александра III и Дм. Толстого, читали нелегальные сказки Щедрина, передавали новости о студенческих беспорядках. Отец мой, в 60-х годах переживший увлечения тогдашней молодежи, остался навеки почитателем Герцена, к которому когда-то ездил в Лондон «на поклон». Иногда по его просьбе кто-нибудь доставал томики запрещенного тогда Герцена и его читали вслух. Я сидел тут же. Так узнал я «Былое и Думы», чтение которого потрясло все фибры моей души...

Тон этих бесед был либерально-конституционный. — О народовольцах говорили, немало споря о правильности их политики, но рассматривая ее, как направленную к завоеванию политической свободы. О социализме в этих разговорах не упоминалось.

Однажды юрист К., состоявший помощником у знаменитого Спасовича, принес отцу исключительную нелегальщину — обвинительный акт по делу Лопатина... Документ был дан К. на один вечер, и он предложил прочесть его вслух. Чтение затянулось до поздней ночи. «Передо мной раскрылась драматическая картина перипетий заговора» террористических покушений, побегов и освобождений, вооруженных сопротивлений и дегаевской фантасмогории... Затаив дыхание, я вслушивался... Воображение старалось воспроизвести драматические сцены этих событий и фигуры их участников. Комментарии, которыми К., со слов своего патрона Спасовича, снабжал чтение... помогли мне создать «свои» образы героев драмы. Два из них стали предметами моего «культа». Герман {38} Лопатин... моему воображению рисовался неуловимым заговорщиком, тихо плетущим сеть тайной организации, и Николай Стародворский ...хладнокровно-жестоко убивающий жандарма Судейкина».

«Герцен, Шиллер, Гюго, рассказы о народовольцах — все вместе заострило к 15-му году моей жизни мою психологию в сторону мечтаний об освободительной борьбе. Временно я было увлекся аскетическим христианством Льва Толстого, но это увлечение осталось мимолетным,

оставив лишь осадок ощущения, что в нападках Толстого на европейскую цивилизацию есть что-то, от чего невозможно отмахнуться, и что одна ненависть к деспотизму не исчерпывает вопроса о свободе»...

«Однажды утром отец, взглянув на только что полученную газету, сказал: «Шелгунов умер. Сегодня утром похороны... Тебе бы надо пойти, -— заметил он, обращаясь ко мне». Совету отца неловко было не последовать».

И 17-летний Юлий присутствовал на похоронах и принимал участие в демонстрации, которая закончилась арестами и высылками. Но гимназистов, вместе со студентами, несших венки на похоронах, оставили в покое.

(«Записки социал-демократа», 1922 г. стр. 35-38, 53).

С. О. Цедербаум-Ежов
(Краткая биография)

Сергей Осипович Цедербаум-Ежов (партийная кличка в разное время: Яков, К. Августовский и др.) родился 15 августа 1879 года в Одессе. По окончании гимназии поступил в университет, но спустя четыре месяца был арестован, и в 1898 году, после разгрома нескольких составов Петербургского Союза Борьбы стал одним из руководящих деятелей того времени. При его участии в 1898 г. вскоре после 1-го съезда РСДРП была создана с. д. группа «Рабочее знамя» и выпущен первый номер журнала под этим же названием (в нем, между прочим, сообщалось об образовании «Русской с.-д. партии»; это название исчезло со второго номера). {39}

С возникновением за границей «Искры» С. О. провел объединение Покровской организации в Петербурге с другими социал-демократическими организациями в столице. В 1899-19011 г.г. в Петербурге существовал целый ряд с. д. групп: группа «экономистов» во главе с Е. Кусковой, С. Прокоповичем, К. Тахтаревым; группа «Социалист» при руководящем участии Л. О. Дан, Бориса Савинкова будущего эсэра и его брата, Александра, П. Рутенберга и др.; так наз. «Группа 20-и» (с участием в ней И. И. Лодыженского). С. О. был арестован в 1901 г. и выслан в Полтаву. Там он 'был сдан в солдаты. В. О. Левицкий-Цедербаум в своих «Революционных воспоминаниях» освещает следующим образом этот эпизод:

«Департамент полиции прислал в воинское присутствие специальную бумагу с предписанием зачислить. Сергея Цедербаума на военную службу, даже если он окажется физически непригодным к ней. Брат был «забрит». Не желая прерывать революционную деятельность и рисковать угодить в дисциплинарный батальон, он решил удрать из казармы» Так и случилось. Когда все было готово для побега, С. О. «отлучился (из казармы), чтобы более не возвращаться... И в то время,

как военные и прочие власти тщетно искали беглого солдата Сергея Цедербаума, он, перевоплотившийся сперва в Самуила Шехтмана, а потом в Гирша Ступеля, проживал то в Ковно, то в Вильно, став агентом «Искры» по доставке ее через границу».
За побег с военной службы С. О. впоследствии получил 10 лет ссылки в Якутскую область, но вскоре бежал. Вообще С. О. принадлежал к «принципиальным бегунам» и при первой возможности не задерживался в тюрьмах и в ссылке. Особенную славу приобрел сенсационный побег его из Александровской тюрьмы в корзинах вместе с К. И. Захаровой (об этом ниже). Но вскоре после побега, он и Захарова, были вновь арестованы на партийной работе в Екатеринославе, опять были высланы и вновь бежали. Революция 1905 года застала С. О. на посту. Он — один из видных практиков-меньшевиков и неизменный сотрудник меньшевистских изданий. В 1906 году в связи с изданием им газеты «Курьер» С. О. был вновь арестован и сослан в Чердынь Пермской губ. В 1908 г. С. О. работал в Баку.
В эпоху ликвидаторства, не порывая с нелегальной с. д. организацией, С. О. был непременным участником всех политических и литературных кампаний меньшевизма вокруг общественных съездов и представительства на них рабочих, {40} вокруг с. д. фракций Гос. Дум, профессиональных союзов, органов рабочего страхования и пр. С. О. писал в «Нашей Заре», в «Луче», в «Страховании рабочих» и т.д. В 1911-12 г.г. он был одним из редакторов меньшевистских журналов «Возрождение» и «Жизнь» в Москве, а затем «Дело Жизни» в Петербурге. По его инициативе в конце 1912 г. возникла ежедневная газета «Живое Дело». Вся эта деятельность была для С. О. связана с работой и укреплением петербургской «Инициативной Группы» меньшевиков, действовавшей в 1911-16 г.г. Заслуживает упоминания также сотрудничество С. О. в так называемом пятитомнике «Общественное движение в России в начале 20-го века», подводившем под меньшевистским углом зрения итоги общественного движения в России в эпоху первой революции.
В годы первой мировой войны С. О. примыкал к умеренным циммервальдистам и прилагал усилия к выпуску (в Саратове) сборника статей Мартова. В февральскую революцию он был одним из видных представителей «центра», а после октябрьского переворота вошел в Ц. К., возглавляемый Мартовым и Даном, и в течение первых лет большевистской революции, работая в кооперации, занимал руководящие позиции в меньшевизме, пока в 1921 году большевики не при ступили к систематическому разгрому меньшевистской организации.
С тех пор, собственно, С. О. не выходил из тюрьмы и ссылки, отказываясь выехать за-границу в 1922-23 годах, когда это казалось возможным, С. О. был принципиальным противником эмиграции и до революции почти

не покидал России, считая нужным оставаться на родине и переносить все положенные невзгоды подпольного существования.
Последняя весточка от С. О. была получена в Париже в 1936 г. — телеграмма его и Б. Бэра (Гуревича) из Казани, — приветствовавшая Народный Фронт во Франции. В полосу ежовщины С. О. и семья его оставались жертвами большевистских репрессий, а в июне 1941 г. по приказу Сталина все меньшевики и эсеры были расстреляны, — в том числе Сергей Осипович Цедербаум и его сын Юлий. Его жена, Конкордия Ивановна, избегла расстрела, ибо умерла до этого от рака в сибирской ссылке.
В годы НЭП'а С. О. удавалось время от времени, находясь в ссылке, кое-что публиковать: в 19'23 г. под его редакцией вышла «История РСДРП» Мартова. В 1924 г. С. О. и К. И. издали книгу воспоминаний «Из эпохи «Искры». В 1926 г. вышел в переводе с английского роман Аб. Кагана, {41} редактора «Форвертса» — «Карьера Давида Ленинского»; в 1929 г. – биографический очерк П. А. Моисеенко. В том же году в «Каторге и ссылке» появились воспоминания К. И. Захаровой о работе ее и С. О. в Баку.

Бегство из тюрьмы в корзине

В «Современнике» в 12-ой книге за 1913 год С. О. Цедербаум-Ежов за инициалами S. Z. напечатал «страничку прошлого» под названием «Двадцать часов в корзине», в которой рассказал о своем бегстве из Александровской пересыльной тюрьмы вместе с К. И. Захаровой-Цедербаум (она фигурирует в этом рассказе под именем Богдановой), вынесенные сокамерниками в корзинах.
Передаем вкратце этот эпизод.
Сергей Осипович был арестован в 1901 году, провел 1,5 года в одиночке, затем был переведен в общую в Бутырки, откуда в августе 1903 г. был отправлен в ссылку, в Сибирь. Маршрут намечен был «сибирским экспрессом», без остановок в пути, из Москвы в Красноярск. Из Красноярска, где была проверка и сортировка заключенных, около 100 человек были назначены в Александровск. До станции Тельма (в 40 верстах от Иркутска) доехали, а оттуда пошли пешком.
Ввиду того, что С. О. получил ссылку на срок в 10 лет, — очередной его задачей было возможно скорей подготовить побег. В пути удалось установить связь с фельдшерицей, которая должна была предупредить иркутян о предстоящем побеге и обеспечить их содействие.
Очутившись в Александровской тюрьме, С. О. и другие решили прежде всего устроить подкоп, но он был сопряжен с огромными трудностями, и от этой мысли пришлось отказаться. И тогда кто-то, имея ввиду маленький рост С. О. (а также и К. И. Захаровой) в шутку предложил использовать для побега корзины, в которых хранились вещи. Шутка была обращена в серьезный план. Решено было сделать попытку побега

в корзинах, которые были в подходящий момент вынесены из тюрьмы и под эскортом сокамерников поставлены на телеги и увезены в направлении, ведущем в Иркутск. Груз корзин составляли С. О. и К. И. Цедербаум, которым пришлось {42} в неимоверно-трудных условиях и под риском «провала» провести в этих корзинах 20 часов.

Это оригинальное бегство из тюрьмы в корзинах увенчалось, однако, успехом и долго в тюремных летописях передавалось из уст в уста.

Беглецы из Александровска скрывались три недели в Иркутске, а затем выехали в Россию на волю, — точнее на нелегальную работу. Но уже в январе С. О. и К. И. были арестованы, — правда, не надолго. Летом 1904 года К. И. удалось бежать из Екатеринославской тюрьмы, а С. О. — в октябре того же года, находясь в другом конце России, последовал ее примеру.

В 1924 году эта «страничка прошлого» была перепечатана в книге революционных и тюремных воспоминаний — «Из эпохи «Искры», 1900-1905 г.».

С. О. Цедербаум пишет пародии на ревизионистов

Приводим отрывки из стихотворной пародии, написанной С. О. Цедербаум-Ежовым во время его пребывания в Доме Предварительного Заключения в 1902 году. (Письмо Ю. О. Мартова — Лондонской части редакции «Искры» от 29 ноября 1902 года. Ленинский Сборник, т. IV. Стр. 167).

Отречемся от узкой доктрины,
Ортодоксии иго свергнем,
В защиту златой середины
Упорно борьбу поведем.
Мы низвергнем отжившего бога,
И божков себе новых найдем:
У буржуазной науки их много,
На прокат мы любого возьмем.
Проснись, упражняйся, критический дух!
Восстань на сектантов сурово!
Пропел уж на западе первый петух
Торжественно новое слово. {43}

Л. О. Дан — агент «Искры»

П. Лепешинский во вступительной статье к Протоколам 2-го съезда РСДРП «От кружковщины к партии» (Ленинград, 1924 г. стр. 118) рассказывает, что «весной 1902 г. в московскую организацию внедрились искровские работники. Главная забота об этом была возложена на Л. О. Канцель» (Дан).

Далее следует отрывок из конспиративного письма Л. О. (по-видимому, извлеченный из архивов Департамента Полиции), в котором обрисовано положение с. д. организации в Москве.
«Приехала я сюда с твердым намерением не погружаться в местные интересы: поговорив со знакомыми, утвердилась на этом еще прочнее, а все складывается так, что я только для них и стараюсь, — стараюсь и потому, что они бедны, как Иовы, и потому, что у меня есть то, чего у них нет, и еще больше потому, что у меня нет ничего определенного вне их»...
Однако очень скоро произошел провал. Жандармы провели массовые аресты в Москве. Было арестовано до 70 человек. А вскоре была арестована и Л. О. Дан. Кличка ее тогда была Таня.

Л. О. Дан и Зубатов

Об аресте Л. О. в Москве в 1902 году мы находим упоминание в письме Ю. О. Мартова к Ленину от 21 июня (Ленинский Сборник, т. IV, стр. 124). Там же приводится отрывок из письма Л. О. (Тани).
«От дачи показаний отказалась, — пишет Л. О. – Мою роль в Москве страшно преувеличивают. Называют меня «революционными дрожжами». Меня привлекают к киевскому делу, куда отвезут после, и к старому петербургскому, по которому приговор объявлен — 3 года Восточной Сибири. О моей жизни за-границей не имеют ни малейшего понятия, думают, что я все время была в России. Видела Зубатова, в которого пустила чернильницей, так как он посмел предложить мне поступить на службу (конечно, намеками, но очень ясными)». {44}

В. О. Цедербаум-Левицкий
(Краткая биография)

«В силу особенностей моих семейных условий и ряда других причин, моя жизнь с самого раннего детства тесно сплелась с революцией, в частности, социал-демократическим движением в России» — пишет В. О. Цедербаум-Левицкий в своих «Революционных Воспоминаниях», написанных в тюрьме в Суздали и вышедших в 1935-27 г.г. в Москве.
В 9-10 лет — рассказывает он — под Новый Год отец в домашнем кругу прочел вслух «Русских Женщин» Некрасова» и Володя впервые услыхал о существовании декабристов.
В детстве — вспоминает он — вся атмосфера была окрашена революцией. С братом Сергеем Володя постоянно играл в революционные игры, в которых фигурировали запрещенные книжки, нелегальные типографии, даже бомбы и другие таинственные веши. Сестра Лидия, вспоминает он, издавала домашнюю газету, где печатала роман «Записки ссыльного».

13-летнему Володе в 1896 г. в Куокалла, где семья Цедербаум проводила лето вместе с семьей Ульяновых, пришлось наблюдать организацию нелегального транспорта литературы из Финляндии в Петербург. А вскоре после ареста Юлия Осиповича (января 1896 г.), в 1897-98 г.г. Владимир сам уже поддерживал связи с социал-демократическими деятелями.

16 декабря 1897 года у Цедербаумов был обыск, арестованы были Лидия Осиповна, Сергей Осипович и Надежда Осиповна (высланная после двух месяцев тюрьмы в Новгород под надзор полиции). В квартире была оставлена засада: «Целую неделю — вспоминает В. О. — провели мы в домашнем карантине: отца не выпускали на службу, младших сестер в гимназию, в виде милости отпускали только прислугу для закупки провизии... В передней и на кухне денно и нощно дежурили архангелы».

В. О. ходил на свидание в Предварилку, снабжал книгами арестованных членов семьи, занимался шифровкой и расшифровкой писем.

Его революционная деятельность в 1888-99 г.г. концентрировалась, главным образом, во всероссийском гимназическом движении, где он проявлял большую активность. В феврале 1899 г. В. О. был арестован в Петербурге. Ему было тогда 16 лет. {45} Следующий арест произошел 16 февраля 1901 г., когда В. О. принимал участие в бурном студенческом движении того времени; перед арестом был издан листок от имени студенческой организации («мифической» — отмечает В. О.) — «Союз справедливых». В. О. вскоре был выслан из Петербурга в Двинск.

В декабре 1901 г. Департамент Полиции заменил место надзора Влад. Ос.: вместо Двинска он получил Кременчуг. Но уже летом 1902 г. В. О. выехал в Полтаву, где провел 4 месяца. Полтава была тогда одним из центров поднадзорных и ссыльных. В своих воспоминаниях В. О. рассказывает, как жила группа поднадзорных на квартире у В. Г. Короленко, — писатель с семьей то лето проводил в Крыму. При доме был сад, и в этом саду полтавские ссыльные — группой около 40 человек снялись на фотографии.

К концу 1902 г. В. О. находится уже на партийной работе в Харькове, но весь харьковский период почти целиком он проводит в местной тюрьме. Освобожденный через 3 месяца, он переезжает в Екатеринослав, но уже в апреле 1903 года его постигает та же участь. По болезни в сентябре его освобождают из тюрьмы под надзор, но в декабре 1903 г. он нелегально переходит границу и едет в Женеву. Там — Юлий Осипович, там — «Искра», там — после раскола на 2-ом съезде РСДРП, оформляется меньшевистское течение.

Владимир Осипович встречается с Мартовым и сочетает свою судьбу — навсегда — с меньшевиками. В большевистских кругах его прозывают «Мартенком».

К 1905 году В. О. уже занимал видное место в меньшевизме. Интересно отметить, что в это время вышла брошюра о бойкоте Государственной

Думы, в которой были представлены две точки зрения: за бойкот писал В. О., против — Мартов.
В годы т. наз. ликвидаторства В. О. стал одним из постоянных сотрудников меньшевистской печати, — и его статьи в газетах, журналах и сборниках и особенно в «Нашей Заре» сделали В. О. Левицкого, наряду с Потресовым, одним из руководителей меньшевизма в России. Кроме «Революционных воспоминаний» и некоторых биографических очерков (Виктора Обнорского и др.), вышедших после октября 1917 г., — перу В. О. принадлежит ряд статей о меньшевистском пятитомнике («Общественное движение в России в начале 20-го {46} века»), ряд брошюр, в том числе о Бебеле (изд-во Поповой, 1913) и «Как рабочие добивались права коалиций» (Изд. «Накануне, 1913), а также статьи в сборнике «Самозащита», выпущенном во время первой мировой войны меньшевиками оборонческого направления, одним из представителей которых был В. О.
В 1912 г. В. О. вместе с Череваниным, д-ром Хейсиным и Исувом был выслан из Петербурга в Псков.
В февральскую революцию В. О. принадлежал к оборонческому течению Потресова, а после октябрьского переворота находился в решительной оппозиции к политике Ц. К. меньшевистской партии, одно время был близок к Союзу Возрождения, был арестован большевиками в годы гражданской войны и после длительного тюремного заключения был предан суду по делу так наз. Тактического Центра.
По-видимому, в последние годы НЭП'а В. О. был снова арестован, преследованиям подвергалась также и его семья — и с тех пор тюрьма или ссылка — в течение 10–12 лет для него не прекращалась. По сведениям, дошедшим до нас после второй мировой войны, в самом начале этой войны Сталин провел ликвидацию всех меньшевиков и эсэров, находившихся в его руках.
Дата гибели В. О. падает на июнь 1941 года. {47}

Приводимые ниже письма Ю. О. Мартова к Н. С. Кристи и П.Б. Аксельроду, а также письмо В. О. Левицкого к П.Б.Аксельроду, предоставленные для настоящего сборника Б. И. Николаевским, появляются в печати впервые. В публикуемых документах сохранен стиль подлинника.

Ю. О. Мартов – Н. С. Кристи

Петроград 30/XII 1917

Мой милый друг! Получил возможность послать письмо с оказией и спешу ею воспользоваться, ибо не знаю, дошло ли до тебя недавно мною посланное через здешнюю почтовую цензуру на Стокгольм, откуда тебе должны были переслать. Так как я в нем ругал большевиков, то не уверен, не задержал ли «товарищ шпик» это письмо. Других же оказий

не было с самого переворота, ибо на границе теперь всех обыскивают и письма отбирают.
В том письме я подробно объяснял тебе, почему остался в «оппозиции» новому «социалистическому» режиму, как ты и предвидела, конечно. С тех пор положение еще более определилось. Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно-отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самым тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве. Получается такой букет, что трудно вынести. Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением, и начало коллективизма представлял себе прямо противоположным «стадно- {48} сти» и нивеллировке. Да не иначе понимают социализм и все, воспитавшиеся на Марксе и европейской истории. Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квази-социализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни, на культе даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа. А так как действительность сильнее всякой идеологии, а, потому, под покровом «власти пролетариата» на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитством, распущенностью, безответственностью и проч., то ужас берет при мысли, как надолго в сознании народа дискредитируется самая идея социализма и подрывается его собственная вера в способность творить своими руками свою историю. Мы идем — через анархию — несомненно к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться.
Бросим, однако, политику. — Сейчас у нас жесточайшие морозы и я сильно страдаю, тем более, что уже с месяц не могу избавиться от кашля, чуть поправишься, пройдешься при холодном ветре и опять хуже. Стараюсь выходить как можно меньше и больше сижу дома, тем более, что меня утомляет ходьба в тяжелом полушубке (приобрел таковой за 400 рублей к зависти всех приятелей, которые говорят, что я в нем «импозантен»: это переделанный на штатское военный-офицерский полушубок). Увы! за последние месяцы я сильно постарел (проклятые большевики, вероятно, виноваты: сердце не выдерживает самомалейшего утомления). Подниматься по лестнице для меня настоящая пытка, а тут, как на грех, из-за отсутствия угля, всё меньше действует лифтов. Вообще, с углем несчастье: электричество уже горит лишь несколько часов в сутки, а скоро, быть может, совсем погаснет. Хорошо, что наша квартира отопляется дровами, а не паром, так что не

очень холодно. Вообще лишений уже не мало. Пища пока еще есть, но скоро, боимся, станут железные дороги, и тогда может придтись плохо. Вообще, какое-то чудо, что мы вообще еще живем после 2 месяцев этой анархии.
Занят сейчас я меньше прежнего, «Искру»[1] мы закрыли после того, как на съезде[2] овладели «Лучем»[3] (бывшая «Рабочая Газета»). Центральный Комитет теперь в руках интернационалистов, в редакции «Луча» мы с Мартыновым и Астровым и лишь Дан, в качестве четвертого, представляет ту часть {49} бывших оборонцев, которая после большевистского переворота примкнула к нам, признав, что дальше войну вести нельзя и что с большевиками надо бороться не во имя восстановления Керенского и коалиции, а во имя чисто-демократического правительства — без буржуазии. Остальные оборонцы перешли в оппозицию и часть их, вероятно, сама уйдет из партии.
В газете я занят не больше 6 часов в день, так что утомляюсь много меньше прежнего. Больше могу читать; изредка даже в театр хожу. На днях впервые подвергся краже (это — редкость, ибо все мои знакомые, кажется, уже обкрадывались не раз): украли бумажник с 90 руб. Что у вас в Швейцарии говорят о мире? Судя по Temps, который я видел, во Франции о нем не думают. Что ты делаешь теперь, получаешь ли русские газеты, восторгаешься ли тем, что слышишь о России? Увы! будь ты здесь хоть с неделю, пришла бы в ужас. Вековая история накопила столько бестолковщины, такие залежи ее, что нетрудно придти в отчаяние, даже если понимать головой, что через самые грязные и извилистые дороги история всё же может вывести к чему то хорошему.
С кем ты видаешься? кто у вас бывает? Всё чаще начинаю скучать по швейцарским пейзажам. Увижу ли скоро тебя? Может быть, это будет довольно скоро. Как Ната и Боб?[4] Целуй их от моего имени. А Тото[5] знает, что son pere est ministre и принимает посетителей в Зимнем Дворце? Бедный Анатолий Васильевич![6] Между нами, его даже буржуазные враги не принимают всерьез и не ненавидят, его вышучивают. Ну, не хочу сплетничать. Много раз целую тебя. С Новым Годом, милая, дорогая! Пиши мне. Передай привет Анне Александровне[7]. Пиши о себе. Твои Юлий Ц. {50–51}

Ю. О. Мартов – П. Б. Аксельроду

Берлин. Из письма от 5-го апреля 1921 г.

...Оставляя в стороне то, что Вы пишете об Интернационале (об этом ниже), Ваша критика нашей позиции сводится к трем пунктам: а) оценка большевистской революции; в) отношение к восстанию; с) лозунг борьбы на почве советов. После Ваших разъяснений, второй пункт я считаю, вообще, результатом недоразумения. Мы отрицаем восстание против большевиков точно так же, как и Вы, только по соображениям

целесообразности, и даже наша первая резолюция, в которой мы после Ярославского восстания выступили летом 1918 года против агитации за восстание, заключала в себе оговорку: «признавая по-прежнему право на восстание за пролетариатом (или, кажется, народом) против угнетающего его строя». Выступая впоследствии против восстания, мы всегда аргументировали тем, что при данном соотношении сил, оно, в случае успеха, обеспечит перевес силы за буржуазной или дворянской контрреволюцией тем более, что в отличие от эсэров, мы вовсе не верим в то, что крестьянство обязательно пойдет в своей массе за демократией, а не за этой контрреволюцией. Сентиментальное соображение, что вообще недопустимо восстание против правительства, которое состоит из социалистов и революционеров, нам, конечно, чуждо. Но, когда мы становимся на почву целесообразности, мы ясно отдаем себе отчет в том, что пока (и, быть может, еще не столь короткое время) при революционном свержении большевиков мы имели бы против себя не только более или менее коррумпированное и деклассированное меньшинство «настоящих» коммунистов, но и очень значительную часть подлинного городского и сельского пролетариата. Из Вашего письма я вполне убедился, что Вы не видите, что большевиков поддерживает определенное значительное меньшинство русских рабочих, которых нельзя зачислить в категорию коррумпированных при- {52} косновением к власти, и которые, если и коррумпированы, то в более широком смысле — верят еще в скорое наступление коммунистического рая посредством применения силы, искренно вдохновляются идеалом всеобщей «уравниловки» и т.д. Это, большей частью, культурно-отсталые слои пролетариата, которых почти не затронуло не только прежнее с. д. движение, и о даже и революция 17 года; их внезапно «раскачала» анархия первого периода большевистской революции и, разжегши в них впервые смутные классовые инстинкты, сделала их, несмотря на их слабую культурность, социально-активными в довольно высокой степени. Это эти слои менее квалифицированные и просто чернорабочие начинали в тылу Колчака, Деникина, Врангеля восстания, как только красная армия приближалась к Харькову, Одессе или Томску; они поставляли в эту армию тех добровольцев, благодаря которым в дурные для большевиков моменты им удавалось отбивать нападения белых армий. Мне, например, достоверно известно от рабочих, врачей и т.д., что знаменитая победа большевиков над Юденичем под Петербургом была одержана ценой громадных потерь, понесенных петербургскими рабочими, выступившими на фронт добровольно под командой коммунистов. В сущности, в этих низах пролетариата, вероятно, масса делится на черносотенную и большевиствующую; дифференциация более сложная на коммунистов, с.д., с.р. и просто демократически настроенных рабочих наблюдается только в более квалифицированных кругах. Даже в массе

текстильного пролетариата преобладают две первые категории. Среди же женщин-работниц, вообще, эти два лагеря почти исчерпывают всю массу. Вам трудно себе представить, как еще в последнее время перед моим отъездом в значительной массе московских работниц, заводских и ремесленных, был силен подлинный большевистский фанатизм с обожанием Ленина и Троцкого и истерической ненавистью к нам. Это в значительной степени объясняемся тем, что русский женский пролетариат, по своей безграмотности и беспомощности, мог, вообще, в массе своей быть втянутым в «политику» только средствами государственного механизма — бесконечными курсами и «культурно»-агитационными учреждениями, официальными празднествами и — не в последнюю очередь, — материальными привилегиями. Поэтому не фразой являются часто встречающиеся в письмах таких работниц в «Правде» слова: «Только после октябрьского переворота мы, работницы, увидели свет». У этих баб осталось, несмотря на последующие разочарования, {53} еще очень сильное впечатление от медового месяца большевизма. По той же причине у большевиков есть зеленая рабочая молодежь — результат того, что в течение трех лет монополия работы среди нетронутых еще слоев оставалась у них и — надо признаться, — что они очень много возятся с молодежью. Частью они ее развращают ужасно, но частью наполняют элементарным энтузиазмом и фанатизмом. К счастью, именно среди молодежи замечается начало дифференциации (среди женщин почти невидно). Все эти элементы, вместе взятые, составляют широкую массу, часть которой еще сегодня настроена так, что, в случае восстания, хотя бы и под левым флагом, будет сражаться до последней капли крови. Сознавая это, мы и говорим, что восстание потому и приведет к победе контрреволюции, что оно может победить лишь после взаимоистребительной борьбы между частями пролетариата, причем победившие на завтра же должны будут обороняться не только против усилившейся буржуазии, но и против жаждущей реванша побежденной части. Вот те соображения целесообразности, которые мы выдвигаем против восстания.

По пункту третьему — о советах — разногласие не так велико, поскольку Вы условно допускаете возможность этого лозунга, как тактического. Для нас решающую роль играют соображения тактические.

В январе три года назад, когда большевики дискредитировали Учредительное Собрание, как «социал-соглашательское» по составу, мы старались доказать рабочим, что его нужно отстаивать именно потому, что его большинство эсэровское, то есть выражающее революционные интересы крестьянства, а потому именно способное, под давлением пролетариата, пойти дальше тогдашней программы эсэров (в остром вопросе о мире). Только так и можно было ставить вопрос в стране, переживающей революцию при отсутствии предварительной

политической школы у масс: аргумент о неприкосновенности всякого Учредительного Собрания во имя формального принципа суверенитета народа, конечно, для масс в таких условиях неприемлем (нельзя было в 1871 году требовать от парижского пролетариата безусловного подчинения Версальскому Учредительному Собранию). Здесь, конечно, у нас с Вами нет разногласия. К несчастью, наши друзья эсэры своей политикой 1918 года выбили у нас из рук лозунг Учредительного Собрания. Восстановив его при помощи Антанты (чехословаков), они сделали его лозунгом возобновления вой- {54} ны, что, как мы скоро убедились, уже летом 1918 года отбросило обратно к большевикам массы, уже начавшие от них отходить. Когда же именно на почве превращения Учредительного Собрания в орудие Антанты неизбежно отношение сил переместилось от эсэров к военно-буржуазной клике и Учредительное Собрание стало лозунгом Дутова, Колчака и Деникина, самые широкие массы и рабочих, и крестьян стали его ассоциировать не только с упразднением большевизма, но и с переходом власти к этой клике (или к «барам»). Мы опять некоторое время не отдавали себе отчета в этом, потому что известный верхний слой пролетариата с социалистической культурой, с которым мы и эсэры соприкасаемся, далек от такого «симплицизма», но в том и отличие революции от обычных времен, что социально-активными становятся, рядом с культурными слоями народа, и некультурные и что чтобы вернуть ту гегемонию первых над вторыми, на которой основывается современное рабочее движение, надо считаться с психологией некультурных слоев и их своеобразной метафизической логикой, ассоциирующей Учредительное Собрание не с самой широкой свободой, а с теми виселицами для рабочих и с нагайкой, которые сопровождали Колчака и Деникина. Приспособляться к этой психологии, объявляя «советскую систему» высшей формой демократии или демократию — «господством кулаков» и т.д. мы считаем не допустимым и специально выступали против подобных... в наших рядах (Витебскую, очень дельную организацию мы еще в конце 1919 года пригрозили исключить из партии за то, что она несла на манифестации знамя с надписью «вся власть советам», толкуя это, как антитезу большевистской диктатуре). Но считаться с историческим фактом, что Учредительное Собрание, прежде чем родиться, стало, благодаря бесхарактерности мелкобуржуазной демократии, антипролетарским и антиреволюционным лозунгом, пришлось хотя бы уже потому, что сейчас эти два слова могут мешать объединению передового слоя рабочих, давно порвавшего с большевизмом, с более темными слоями, только начинающими уходить от него. А ведь мы только в восстановлении единого фронта большинства пролетариата против большевиков видим залог победы революции. Кронштадт блестяще подтвердил нашу правоту. Только под его лозунгами «свободные советы

и политическая свобода» могло совершиться выступление против советской власти таких заядлых большевиствующих масс, как матросы. — Словом, если в России еще суждено быть подлинно-революционному Учре- {55} дительному Собранию, оно может явиться только под псевдонимом Конвента, Народной Палаты или Думы и т.п.; но, может быть, путь к демократической республике пойдет иначе — через расширение избирательной базы советов, постепенного отделения муниципальных их функций от государственных, концентрирующихся в обще-русском совете, или же таким путем, что какой-нибудь съезд советов создаст демократическую конституцию, упраздняющую советы, как органы власти, и сыграет таким образом роль учредительного собрания, решение которого потом будет санкционировано плебисцитом. — Так или иначе, мы, выдвигая лозунг соблюдения советской конституции и ее демократизации, всегда оговариваем, что от принципа народовластия мы не отказываемся.

Остается первое — и, конечно, важнейшее — разногласие об оценке большевистской революции. Начну с того, что нельзя ставить на одну доску сравнение большевизма с 1793 годом и — с Парижской Коммуной. Если б большевиствующие европейцы были правы, видя в большевистской революции прежде всего, хотя и незрелую, революцию пролетариата, они были бы вправе сопоставлять ее с Парижской Коммуной. Тот же, кто момент пролетарского классового восстания считает лишь вторичным в большевистском перевороте, лишь осложняющим основной момент крестьянско-мещанской революции — тот вправе обращаться к аналогии с революцией французской. Именно усвоение европейцами, что это — не Коммуна, а то своим историческим предпосылкам явление гораздо ближе стоящее к революции 18-го века, есть основное условие рассеяния мифа о большевизме и это видно по книге О. Бауэра[8], несмотря на ее апологетический привкус. Усвоив себе, что Россия переживает революцию 18 века, европейцы, вслед за Бауэром, успокаиваются на выводе, что для России большевизм, стало быть, прогрессивен, они останавливаются на полдороге. Это жаль и очень плохо, и их надо ругать за оппортунизм, диктующий им эту половинчатость, но не надо вместе с водой выплескивать и ребенка. Если в России на почве, сходной с французской 18-го века, выросла революция, невольно повторяющая методы французской, этим еще не решается вопрос о «законности» якобинизма в 20 веке. Так как на аналогичной социальной базе в России XX века возвышалось здание крупнейшей промышленности, не бывшей во Франции 18-го века, и так как международная среда русской и французской революции совершенно различна, то тут только и начинается вопрос оценки. Вопрос стоит {56} так: 1) может ли в этих условиях та задача, которая обща у русской и французской революции, решаться методами, которые были, в общем и целом, пригодны в 1793-94 г.г.? 2) Каково реальное

значение применения таких методов для не существовавшего в 1793 году, но существующего в 1921 г. самостоятельного класса пролетариата русской промышленности? Этих двух вопросов не ставят ни Бауэр, ни Лонге[9] и другие, оперирующие с французской революцией и потому приходят к апологетизму. Мы, меньшевики, поставили их еще в 1903 году, когда, в Вашем лице, Павел Борисович, в фельетонах[10] «Искры» предсказали возможность, что русский социализм, в лице ленинизма сыграет объективно роль якобинцев, втягивающих народные массы в буржуазную революцию. Этими Вашими мыслями, Павел Борисович, мы всё время руководились, когда наблюдали, как неожиданно большевизм, став народным в самом полном смысле слова, стал выявлять под крайней интернационалистско-коммунистической оболочкой типичные черты якобинского санкюлотства. То, что Вы предсказали, осуществилось иначе, чем Вы думали. Вы предполагали, что ленинизм расшевелит пролетарские массы и поведет их на штурм старого порядка в таком виде (благодаря своей заговорщической организации и нечаевско-демагогическим методам), что в определенный момент они послужат и будут только и способны послужить пьедесталом для буржуазного радикализма. На деле большевизм, приспособляясь до бесконечности, сумел до сих пор остаться во главе этих, вовлеченных им в процесс, по существу, мелкобуржуазной революции масс и с определенного момента вынужден там, если не в идеологии, то в политике, отражать их мелкобуржуазность и вступать в вопиющее противоречие со своей идеологией. По существу, это то же, что Вы предсказали в 1903 году. Но Вы тогда не подчеркивали, что прогрессивный в 1793 году якобинизм в 20 веке развращал бы классовое движение пролетариата и вступил бы в противоречие с его классовыми интересами. Этого мы не забываем. Исторически объясняя и постольку «оправдывая» октябрьскую революцию, как неизбежно вытекшую из неспособности тогдашней мелкобуржуазной демократии разрубить узел войны, душившей революцию (и — увы — из неспособности тогдашней социал-демократии толкать вперед эту мелкобуржуазную демократию), — мы оправдываем только стремление крайней революционной партии, опираясь на впервые поднятые революцией новые народные слои, завоевать власть (помните, что большевики по- {57} лучили большинство на съезде советов 25 октября 19'17 года, то есть большинство тех масс, на которых до того держалось правительство Керенского), и создать то «правительство рабочих и крестьян», которого упорно не хотели, боясь порвать с коалицией, эсэры и Церетели — то есть сделать то,, что сделали после грузины, не ждавшие выборов и в Учредительное собрание, чтобы создать чисто-социалистическое правительство. С первых дней мы заявили готовность поддержать большевиков, если они пойдут на союз с эсэрами (при соотношении сил

в России только их союз означал бы совершение крестьянско-демократической революции не путем диктатуры меньшинства) и откажутся от утопических экспериментов. Если бы этот союз осуществился на программе осуществления мира, интегральной аграрной реформы и той «плебеизации» государственного аппарата, которую осуществили в общем большевики, и которая была необходима, поскольку за пределами социалистических партий и их поддерживающих масс, в России не оказалось последовательной демократии, то это была бы тоже, по существу, «якобинская» революция, но преодолевшая ограниченность средств французского якобинизма, а потому не вступающая в непримиримый конфликт с классовыми интересами пролетариата и его конечными целями. И поскольку большевики пошли другим путем, мы из признания неизбежности в России «якобинской» революции не делаем вывода о примирении с большевиками, а, напротив, о необходимости борьбы с ними за то, чтобы их утопизм и их рабское подражание французским якобинцам и методам терроризма не привели к уничтожению того прогрессивного, что революция 1917 года принесла, вынося на поверхность подлинный плебс и развив в нем, под покровом коммунистических иллюзий тот, по существу, индивидуалистский радикализм, который является основной психологической предпосылкой не только буржуазного строя, но и — в известной мере — современного рабочего движения. Поэтому того основного противоречия между нашей оценкой октября и нашей политикой, о которой Вы пишете, у нас нет: признав большевиков, по существу,, крайними выразителями исторического процесса ломки старой крепостнически-барской России, мы боремся с ними как потому, что эту свою «якобинскую» миссию они выполняют плохо благодаря субъективному стремлению водворить коммунизм, так и потому, что так выполняя эту миссию, они неизбежно развращают сознание пролетариата и его обессиливают. Противоречия нет и у нас есть полная последовательность в том, {58} что дальнейшее развитие от большевизма мы видим в движении вперед от него, а ни в каком случае не назад, то есть только через те самые городские и сельские народные слои, которые проделали стаж большевистской веры, ибо они оказались наиболее революционно-активными в этой, по существу, к 18 веку относящейся революции, — а не против них. Отсюда, в частности, и решение наше снять лозунг Учредительного Собрания и т.д.

Теперь — об Интернационале. Тут у Вас, вообще, конечно, более глубокие разногласия, вытекающие из неодинакового отношения к «правому» социализму. Знаю, что нежности Вы к нему не питаете. Но я и не забываю, что Вы уже в 15-16 г.г., предвидя это развитие, держались той же линии, — Вы, если можно так выразиться, считаетесь с правым социализмом, как с элементом социалистической культуры, еще

противостоящей большевистскому вандализму. В 15 и 16 г.г. я, хоть и не соглашался с Вами, но еще внутренне колебался в этом вопросе. Теперь же, после 5 лет, я для себя подвел итог в том смысле, что вандализм большевистский (имею в виду большевизм европейский, лишь развращенный и усиливаемый Москвой, «о имеющий свои корни в Европе) есть прежде всего неизбежная реакция на вандализм «военного социализма» и что, поэтому преодоление в европейском движении этой новой бакунистской заразы немыслимо, пока не изжит военный социализм. А он не изжит — не только в Германии и Польше, но и в Бельгии, и во Франции, и в Англии, Чехии и т. д. И пока он не изжит, мы дорожим всеми элементами, ушедшими от военного социализма и не попавшими в рабство к Москве, и склонны снисходительно относиться даже к таким неприятным чертам, которыми эти «центральные» фракции отличаются частью в силу субъективной потребности равняться налево, — частью — в силу их теоретической дезориентации и теоретического оппортунизма — этого длительного наследия общего социалистического кризиса. Вот почему мы. «по христиански» относились к самым возмутительным фактам замалчивания русского большевизма и пресмыкательства перед ним, считая это неизбежным временным злом привходящим явлением упростительной политической психологии, выросшей из реакции против «военного» социализма. Вот почему мы радуемся началу исцеления от этого апологетического отношения к Москве и, например, в книжке Бауэра (которую я еще обязательно буду критиковать) увидели в России нашу победу, потому что она сказала половину правды {59} о России и о большевизме. Я думаю, что уже с тех пор, как Вы писали письмо, положение в этом смысле всё же очень улучшилось (знаю, что это не заслуга самих социалистов, а результат московских подзатыльников) и, хотя инциденты вроде грузинского в Вене[11] показывают, что еще далеко до правильного отношения этих социалистов к данному вопросу,. но чем дальше, тем дело пойдет быстрее.

* П. Б. Аксельрод не разделял политической позиции руководимого тогда Мартовым большинства партии, и весной 1920 г. он отказался от дальнейшего представительства партии за границей. В сентябре 1920 г. Аксельрод написал Мартову обширное письмо, в котором он объяснил свое отношение к вопросу об историческом значении большевизма. Аксельрод считал большевистский якобинизм «трагической пародией своего прообраза, выросшей на психологической основе геростратизма и «сверхчеловеческого» аморализма». Он напомнил, что уже 10 лет тому назад он «характеризовал ленинскую компанию, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии», (см. «С. В.» № б, 1921т.).

{60–61}

В. О. Левицкий – П. Б. Аксельроду

Петроград, 16/6, 1918 г.

Дорогой Павел Борисович,

...Эти Советы начали вырождаться быстро в форменные «живопырни» с обеспеченным, во всяком случае, господством большевиков, когда в них исчезла и последняя тень демократизма, и вместе начался наряду с этим наметившийся определенно как раз в этот момент отход рабочих масс от советов и большевиков... Знаете ли Вы, что творится сейчас на Руси всеми этими большими и малыми советами, какую картину бесшабашного разгула представляет собой вся картина их «управления»? Ведь это один сплошной ужас. То, что делается в центрах — в Петрограде и Москве — это еще Европа, самая культурная Европа по сравнению с провинциальным дико-помпадурским «управлением» всяких «молодцов» без роду, без племени, откуда то вынырнувших, примазавшихся к казенному пирогу, принесших клятву верности большевистской церкви и получивших за это полную власть всё вершить по своему усмотрению сообразно широте своей натуры и размаху бурного нрава. В такой обстановке проводилась ранее и политика «додушения» буржуазии, а теперь проводится борьба с рабочим движением, растущим как оппозиционное и революционное движение под влиянием уроков жизни. Если раньше большевизм опирался на сочувствие большинства рабочих, ждавших от него исполнения всех обещаний о благах земных, то теперь против него имеется на лицо бунт масс рабочих, голодных и безработных, лишенных работы вследствие «удушения» промышленности, лишенных хлеба вследствие гражданской войны Севера с Югом, Запада с Востоком, города с деревней и т.д. Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции. Эту атмосферу можно только почувствовать, словами ее не передашь. И не о {62} «буржуазии» здесь идет речь. Она, конечно, давно уже настроена вполне определенно. Ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих. А опирающаяся на свои штыки власть на все эти настроения отвечает массовыми расстрелами, террором и репрессиями. Мы уже перестали отмечать те или иные факты этого рода, ибо из них и только из них сплетена вся сеть этой политики «рабоче-крестьянского правительства». Имя рабочего класса поставлено как знамя всех этих безобразий, всё творится во имя его диктатуры. И так творится, что бывали уже случаи осады и сожжения местных советов населением, сожжения здания совета со всеми его обитателями.

Но эти люди, творящие волю Мирбаха, не сомневаются и на «бунты» отвечают новыми репрессиями и карательными экспедициями и пр. Пусть творят, что хотят, опока страна терпит, но одного мы не можем

терпеть, чтобы всё это творилось именем рабочего класса, чтобы на рабочих лежало это пятно.

Но сами то рабочие? Их отход от большевиков совершался крайне болезненно и медленно. Пробужденные эгоистические инстинкты жаждали удовлетворения и ждали его от обещанного «додушения» буржуазии. И лишь только рабочие увидели, что вместо этого додушения они получили додушение промышленности, а следовательно и самих себя, как класса наемных рабочих, они, оторопевши, остановились в своем сочувствии большевизму и повернули... куда?

Позади разбитые кумиры первого периода революции, дискредитированные в их воспоминаниях. С другой стороны, наступила пора общей апатии и разочарования: «ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к чорту со всей вашей политикой». И растет раздражение и против социалистов вообще, против всех партий «обманувших» ожидания... Поэтому процесс отхода от большевиков шел медленно и давался далеко не легко рабочим. Учредительное Собрание. Столько было вылито грязи на это знамя, столько рабочие в свое время восторженно аплодировали соответствующим речам большевиков, что и теперь не легко подходить опять к принятию этого лозунга, а однако подошли.

Здесь я хочу остановиться на одном факте нашей работы, давшей известные результаты. Месяца три назад мы пришли к мысли о необходимости создания здесь, в Питере, независимой классовой рабочей организации, оплачивающей непар- {63} тийные элементы и построенной на широком базисе массового представительства. У рабочих не осталось своих организаций. Советы стали органами власти, профессиональные союзы — официальными правительственными органами управления производством и т.д. При наличности уже широко распространенного оппозиционного духа среди рабочих наша мысль быстро осуществилась и появилось «Собрание уполномоченных фабрик и заводов», сразу же ставшее центром всего здешнего рабочего движения. Вокруг этого учреждения сосредоточены все живые силы движения, вокруг него группируются все живые силы движения. По характеру своему это чисто рабочая организация и грустно признать, но это факт, что за всё время революции, только через год после ее начала сложилась настоящая, подлинно-рабочая организация, где сплотился, действительно, цвет рабочей интеллигенции, проявляющей максимальную самодеятельность в наше тяжелое время. Теперь наше дело нашло отклик и по всей России. Создаются такие же организации в провинции, в Москве... Ныне на очередь поставлена уже задача подготовки Всероссийского Рабочего Съезда. Предполагаются совещания, собрания уполномоченных по областям и пр., их укрепление и большее самоопределение в процессе работы, а затем — созыв съезда. Последний выдвигается пока как регулирующая идея для текущей

работы по организации пролетарских сил в масштабах более или менее местных. Но здесь уже начинается и борьба за право рабочих на такие организации. Ибо всё это — «контр-революция», разумеется, и советская власть уже арестовала московское собрание; вероятно, на днях нападет и на наше.

В связи с работами этих собраний уполномоченных поднимаются вновь разговоры о формах строительства рабочей партии, опоры о роли интеллигенции в рабочем движении и пр. Есть, конечно, и кой-какие уродливые крайности при этом. Но не в разговорах суть, а в деле, и оно за себя говорит, плохо ли, хорошо ли, но создается действительно рабочий орган руководства движением, орган, играющий роль единственной широкой организации, учитывающей в своей тактике горький опыт максималистских увлечений прошлого года и зовущий вернуться на почву трезвой классовой политики. Я останавливаюсь так долго на этом пункте, Павел Борисович, потому, что из газет Вы не можете получить представления о сущности этой организации, об ее истории, а в то же время это же важнейший момент в современном русском рабочем движении. {64}

Работа Собрания Уполномоченных протекает в атмосфере жестокой реакции и внутренней и внешней. Внешней — поскольку современная политика советской власти определенно повернулась против демократии и против рабочего движения, как в политической области, так и в области социально-политической. Опыт, начатый во имя диктатуры пролетариата, привел к диктатуре над ним и против него. Это так ясно здесь, так определенно явствует из всего, что совершается, и как возможно, что некоторые элементы в Западной Европе не видят этого — я понять не могу. Вчера было опубликовано в «Правде» большое письмо Меринга, в котором он поет хвалу большевизму и солидаризируется с ним. Если раньше еще европейская социал-демократия могла не знать, жить легендами о российской коммунистической революции, то теперь-то уж этому не может быть места. В декабре-январе я сидел в Петропавловской крепости, арестованный вместе с Богдановым, Вайнштейном и десятком других товарищей по «Союзу защиты Учредительного Собрания». И вот нашу тихую обитель посетил какой-то не то шведский, не то норвежский «товарищ», бывший в то время здесь почетным гостем на происходившем Съезде советов. Он пришел в крепость, как турист, вероятно, в сопровождении большевистского комментатора, искал «камеру Кропоткина» и нашел все камеры, набитые социалистами. Конечно, это был кто-то из «молодых» или «левых», но ведь всё же европеец. Смущенный, он поспешил уйти. А теперь Меринг поет осанну этому режиму форменного бонапартизма, внедряющего реакцию во все слои общества.

Глубокое разочарование и апатия уже охватили широкие массы рабочих. Они уже не способны — это факт — на большое, планомерное, организационно оформленное движение. Измученные голодом и безработицей они мечутся в каком-то паническом смятении и клянут политику. Всё современное движение носит поэтому судорожный неровный характер, то разрастаясь и принимая интенсивный широкий характер, то падая и затихая под влиянием обшей установки и апатии. В такой обстановке массовая организация также переживает стадии отливов и подъемов. Собрание Уполномоченных то стоит у всех на виду как мощный центр, то живет серыми буднями как слабая организация.

К тому же сейчас важна опасность, проявления в массах голого бунтарства, чисто голодных движений слепых и гибельных для всего дела. И Собранию Уполномоченных при- {65} ходится употреблять всё свое влияние и силы на противодействие этим формам, на введение движения в организационное «русло», чтобы не дать движению превратиться в анархию. Обстановка работа адски тяжелая. Здесь налицо все последствия вековой некультурности и дикости нашего рабочего класса. С него снят парадный костюм революционной фразеологии и он в движении сейчас, таков, каков есть в действительности, в жизни.

Без всяких прикрас и околичностей Собрание Уполномоченных сказало в своих первых же заявлениях то, что есть, прежде всего правду, разоблачило все последствия максимализма и выступило решительно против них. И перед рабочими сейчас две стороны: на одной большевизм с остатками громкозвучных обещаний, потерявших кредит, но всё еще повторяемых, как последнее средство удержать симпатии масс. С другой — резкая разоблачающая критика и правда, горькая правда о настоящем и о будущем. И к этой горькой правде трудно рабочему, развращенному демагогией и лестью, подойти, трудно поверить и пойти за нею. Он в своей апатии всё еще склонен порой оглядываться на свою власть, останавливаться и ждать — а не совершится ли чудо. И отрывается от этих обольстительных обещаний лишь ударами жизни. У него нет веры в себя больше, в свои силы и тем больше потребность в добром гении со стороны. И получая некоторые подачки от большевистской казны, он порой еще склонен видеть в ней этого гения. Но, увы, гении уже выдохлись, подачки тают, вера рушится и остается волей-неволей видеть и признать правду. Естественно, что отход от большевизма переживается рабочими, как трагедия, что часто результатом его остается опустошение в душе.

Сейчас поднят вопрос о рабочем съезде. Идея воспринята хорошо, вполне реально, без излишних утопий и иллюзий. Всё же много реализма оставил нам в наследство минувший год. Будем работать над его подготовкой, если... если не сокрушат нас власть имущие. С их стороны готовится, по-видимому, крестовый поход против нас, и в своей

последней судороге они, может быть, и постараются ударить побольнее...
Конец письма не сохранился.
По делу «Союза Защиты Учредительного Собрания» в Петропавловской крепости были заключенные социалисты: {66} Б. Богданов, С. Вайнштейн (В. Звездин), К. Ермолаев, И. Могидович, Н. Полянский, Скалов, Н. Соловьев, К. Соколов, С. Топер, Д. Хазан, В. Цедербаум (В. Левицкий), В. Штейн, М. Островская. («Наше Единство», от 24 декабря 1917 г. № 6). {67}

С. О. Ежов – Два письма из ссылки

Приводим в извлечении два письма С. О. Цедербаума, адресованные другу в Париж
18 февраля 1929 г. Саратов.
Год тянется за годом... Много мы попутешествовали за это время, много перевидали, — но общий фон почти всюду один и тот же. Стоим мы, конечно, вне жизни — нас к себе и за версту не подпускают: являемся своего рода посторонними наблюдателями. Встречаемся только с товарищами по положению. Среди них есть и «старики», но больше молодежи, выросшей уже после 17 и даже 20 года. Ведь и наши ребята стали «взрослыми»: сыну 22 г., дочери 18 лет. Для них, конечно, наши условия жизни гораздо более тягостны, чем для нас, уже поживших и видавших всякое.
Большинству приходится вести очень тяжелую борьбу за существование — мало у кого есть родные, могущие помогать. 'Мы в этом отношении находимся еще в хорошем положении: с неизбежными перерывами почти всё время имели литературную работу, главным образом — переводную; из книг, переведенных за эти годы Конкордией Ивановной и мной, можно составить целую библиотечку. Теперь, правда, стало много хуже — играет роль и отсутствие бумаги, и сокращение выпуска переводной литературы. Приходится переходить на другие рельсы — писать самостоятельные работы: популярные и для юношества. Кое что уже удалось, кое что имеем в виду. {68}
28 марта 1933 г. Казань.
«...У нас здесь все личные неприятности и передряги отошли на задний план — очень остро и болезненно переживаем происходящее в Германии. Лично я был к этому — или приблизительно к этому — подготовлен, давно уже не видел других перспектив, но, конечно, действительность превзошла предположения и опасения. А для большинства друзей, всё время одобрявших практику европейских геноссен, происшедшее явилось полной неожиданностью, настоящей катастрофой и многие из них бросаются сейчас в противоположную крайность. Мне хочется думать, что это не «в серьез и надолго», Германия сейчас не в том положении, в каком была Италия в 19'21-22

г.г., но во всяком случае приходится ожидать, что на смену Гитлеру скорее всего придет довоенная монархия... Таковы вероятные итоги...
...На исходе второй месяц, как я без работы — ликвидирован научный институт, в котором я работал ровно год. А обстановка такова, что очень трудно найти другую работу: всюду сокращение штатов, снижение ставок, много учреждений ликвидируется. Безрезультатно посещаю я почти ежедневно биржу труда — точнее, отдел кадров наркомтруда, ибо биржи давно у нас упразднены, поскольку не существует безработицы, — вижу там сотни и тысячи мне подобных... Изредка дают мне «направление», но всегда оказывается, что это или в отъезд, или в таком месте, куда доступ мне закрыт — мое непосредственное «начальство» определенно указало, где именно мне нельзя работать, — как раз там, где имеется наибольший спрос... Быть сейчас безработным — это значит не иметь продовольственной карточки, то есть не получать хлеба? (который в вольной продаже стоит 5 рублей кило). Если бы нам не приходилось посылать на сторону, мы с грехом пополам сводили бы концы с концами, урезав себя, поскольку Конкордия Ивановна работает. А так это очень трудно и я теперь по воскресеньям нагружаюсь разного рода предметами одежды и отправляюсь на толкучку — здесь она носит выразительное название Сорочьего базара — и выстаиваю часами в надежде что нибудь продать. К сожаленью, конъюнктура очень неблагоприятная. Массовые увольнения, очень чувствительное снижение ставок, наконец, задержки с выплатой зарплаты — всё это привело к тому, что покупателей нет {69} — все превратились в продавцов. Что только не выносят на продажу».
...«Не знаю, где искать выход. Делаю попытку переквалифицироваться — превратиться в бухгалтера — эта специальность еще в спросе, — тогда есть шансы получить работу, правда, оплачиваемую ниже работы экономиста. Засел за книги и консультирую товарища». {70}

Примечания

[1] «Искра», газета, которую издавало меньшинство партии, бывшее в оппозиции к политике большинства в Советах в вопросе войны и коалиции с буржуазией во Временном Правительстве. Редакцию газеты возглавлял Ю. О. Мартов.
[2] Речь идет о съезде РСДРП-меныпевиков, состоявшемся в ноябре 1917 г., на котором интернационалисты во главе с Ю. О. Мартовым получили большинство, после чего к ним перешло руководство партией.
[3] «Луч» — газета, которая выходила взамен закрытой «Рабочей Газеты». Издавалась в Петрограде в качестве органа партийного большинства; во главе редакции стоял Ф. И. Дан. После ноябрьского съезда 1917 г. редакция перешла к новому большинству, которое возглавлялось Ю. О. Мартовым.
[4] Ната и Боб — дети Н. С. Кристи.

[5] Тото — сын А. В. Луначарского.
[6] Анатолий Васильевич Луначарский, нарком народного просвещения после Октябрьского переворота.
[7] Анна Александровна — жена А. В. Луначарского.
[8] Речь идет о книге Отто Бауэра, известного теоретика и вождя австрийской социал-демократической партии, которая вышла в 1918 г. под названием: H.Webber, «Die Russische Revolution». Против позиции Бауэра выступили тогда и Аксельрод, и Мартов.
[9] Жан Лонге — внук Карла Маркса (сын Элеоноры Маркс-Лонге). Один из видных деятелей французской социалистической партии, принадлежавший тогда к интернационалистскому крылу своей партии. После войны — единомышленник Леона Блюма.
[10] Речь идет об известных фельетонах П. Б. Аксельрода в «Искре» №№ 55 и 57 от декабря 1903 и января 1904 г.г., в которых Аксельрод раскрыл якобинскую сущность большевизма и диктаторскую идеологию Ленина. Плеханов говорил о Ленине: «Из этого теста делаются Робеспьеры».
[11] «Грузинский инцидент в Вене». Речь идет о следующем: Грузинская социал-демократическая партия, вожди которой после большевистского набега на Грузию в феврале 1921 г. оказались в эмиграции, присоединилась ко Второму Интернационалу. В то же время грузинские социал-демократы ждали поддержки в своей борьбе с Кремлем и от Венского Объединения. По разным соображениям Венское Объединение ответило отказом. Меньшевики входили в Венское объединение, но морально-политически поддерживали грузин. В этом и заключался «грузинский инцидент».

Р. А. АБРАМОВИЧ
Ю. О. Мартов и мировой меньшевизм

КОГДА Мартов вернулся из-за границы в начале мая 1917 г., он и его группа интернационалистов оказались в партии небольшим меньшинством и на ход политики сильного влияния не могли оказывать. Тщетно Мартов старался убедить тех, кто определяли направление политики не только партии, но и всей политики страны, в необходимости своевременно принять меры для того, чтобы не оправдалось его собственное пессимистическое предсказание, которое он сделал еще в Цюрихе перед своим отъездом: если революция не убьет войны, — война убьет революцию.

Только в так называемом Предпарламенте Мартову после присоединения к нему Ф. Дана удалось добиться в самом последнем заседании, буквально за несколько часов до октябрьского переворота, большинства для принятия решения о немедленном приступе к мирным переговорам. На втором Съезде советов Мартов, единственный из крупных вождей социалистических партий, выступивший с большой речью, фактически говорил уже как вождь всей социалистической

оппозиции против большевиков. Его позиция — стремление создать обще-социалистическое правительство из всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков — была принята большинством центрального комитета нашей партии, и он же был фактически вождем во время той попытки предотвратить гражданскую войну и тиранию меньшинства над большинством народа, которая была предпринята на совещаниях, вошедших в историю под названием «Викжеля».

Попытка эта, как известно, разбилась о сопротивление Ленина и Троцкого. Часть большевистской головки во главе с Каменевым, Зиновьевым, Рыковым и другими, упорно боролась за создание социалистической коалиции, но Ленин оказался сильнее, и Викжель был сорван, после чего значитель- {71} ное количество большевистских вождей в виде протеста вышло из правительства Народных Комиссаров и из Ц.К.

В нашей партии политика Мартова на съезде и в Викжеле вызывала сильные возражения оправа: часть правых оборонцев даже выступила из нашего Центрального Комитета, публично заклеймив позицию Мартова, как капитуляцию перед большевистским насилием. Но альтернатива, которую отстаивало правое крыло нашей партии и партия с. р. в так называемом Комитете Спасения Родины и Революции, неизбежно приводила к перспективе гражданской войны, при чем войны, в которой социалистические партии должны были стать придатком к слагавшемуся уже тогда белому движению. Эта перспектива решительно отталкивала Мартова и его друзей, как это с большой ясностью изложил сам Мартов в том письме к П. Б. Аксельроду, которое он написал уже будучи в Берлине 5 апреля 1921 г. и которое напечатано в этом же сборнике.

Насколько позиция Мартова в тот момент диктовалась тем сложным переплетом внутренних и внешних условий, которых наша партия не могла ни в какой мере изменить, было подтверждено речью И. Г. Церетели в Учредительном Собрании 5-го января 1918 г. Фактический лидер оборонческого крыла обеих социалистических партий и наиболее авторитетный человек во всем оборонческом лагере, Церетели закончил свою острую речь против большевиков, против их захватнической и преступной политики, призывом ко «всем политическим партиям, еще не утратившим руководства над массами... этот период завершить тем способом, который объединил бы все силы демократии». И в ответ на раздавшиеся с мест крики «соглашательство!», пояснил: «соглашательство в настоящий момент может быть только в рядах демократии». Б. И. Николаевский был совершенно прав, когда в «Социалистическом Вестнике» указал на то, что эта речь Церетели создала платформу для совместной деятельности всех тех элементов партии, которые до того действовали разрозненно.

И вот во главе того, что в партии еще осталось, — а этого было не так уже мало, как показали последующие события, — стал Мартов. И на этом посту он оставался не только до своего отъезда заграницу в октябре 1920 г., но и заграницей в роли основной силы «Социалистического Вестника».

В 1918 и 1919 г.г. во время бурных заседаний Съезда Советов, ВЦИК'а, на происходивших еще больших митингах, {72} на которых неизменно выступал Мартов, несмотря на свое больное горло (он страдал туберкулезом гортани, от которого и умер 4-го апреля 1923 г.), пробольшевистская бульварная пресса забавлялась тем, что неизменно изображала его в несколько смешном и карикатурном виде. Мартов прихрамывал на одну ногу, сутулился и голос у него был постоянно хриплый. И вот, по отчетам придворных льстецов, которых тогда уже было много, Мартов всегда подымался на трибуну, прихрамывая, все карманы пиджака его были набиты свертками и пачками газет, документов, рукописей и он хрипел что-то не совсем внятное, обращаясь к Ленину. А Ленин смотрел в сторону, чтобы не встретиться глазами со своим бывшим самым близким другом. Контраст между физическим бессилием вождя анти-большевистских социалистов и зрелищем железной когорты большевиков, которые сидели или стояли на трибуне, как рыцари, закованные в «кожаные латы» (выражение, которое часто появлялось в упомянутой печати) — должен был символизировать бессилие и беспомощность побежденной оппозиции и всю мощь и динамичность победившего большевизма.

Таков Мартов был в изображении желтых журналистов большевизма. Совершенно иначе Мартова воспринимали на заседаниях съездов, во время его выступлений в ВЦИК'е, те, которые к нему прислушивались. Уже одно его исхудавшее лицо с чудесными глазами, точеным носом, одухотворенное, с высоким лбом и какой-то исходившей от него притягательной силой свидетельствовало о высоком полете мысли и огромной душевной честности и теплоте, которые искупали его физические недостатки. В нем не было ни следа демагогии, ни погони «за дешевыми эффектами, ни попытки спрятаться за фальшивые фразы и парадоксы. Он говорил просто, ясно, с огромной убедительностью, которая заставляла ему верить.

Английский профессор Эдуард Карр, который написал уже пять томов своей истории большевистской революции и собирается написать еще гораздо больше, человек в общем много знающий и много читавший, но всё же как иностранец, да еще не переживший той эпохи, не способный понять целого ряда вещей, пишет в своем последнем томе, что Троцкий обладал интеллектом, с которым не мог померяться никто другой в социал-демократической среде. Карр явно ничего не знает о Мартове и мало знает Троцкого, несмотря на груду материала, который он перечитал. Троцкий действительно был человек с блестящими

способностями, исключительный ора- {73} тор, очень способный журналист, хороший организатор, человек с кипучей энергией, но что касается интеллекта, глубины ума, способности быстро и тонко схватывать вещи и, главное, знаний, Троцкий стоял на много голов ниже Мартова.

Юлий Осипович обладал феноменальной памятью. Он почти никогда не забывал того, что однажды прочитал. И когда он писал или говорил, ему не нужны были ни картотеки, ни тетради с выписками, чтобы в порыве пришедшей ему в голову мысли процитировать что-либо из писаний тех авторитетов, на которых он ссылался. Он был неистощимым источником информации для друзей, которым надо было что-нибудь вспомнить и которые спорили, кто и когда сформулировал ту или иную мысль. При этом его начитанность была поистине изумительной. Он умел, несмотря на свою хрипоту, увлекать слушателей в небольшом кругу, где пространство не поглощало его слабого голоса. Как пишет Луначарский в своих воспоминаниях о нем, быстрота и острота ума Мартова были совершенно замечательны и, пишет он, в дебатах и опорах Мартов всегда умел немедленно обнаруживать слабое место аргументации своего противника и безошибочно вонзал кинжал своей критики именно в это слабое место. При этом он не только всегда понимал и понимал честно своего противника, но и отвечал ему с абсолютной честностью, никогда не стараясь увильнуть от неприятного ему вопроса. При том очень часто, отвечая кому-либо, он отвечал не только на тот вопрос, который был ему поставлен, но и на тот следующий вопрос, который его противник логически должен был бы ему поставить.

Я хочу проиллюстрировать это одним примером, когда все эти качества мартовской диалектики проявились с полной яркостью. Я говорю о дебатах на 2-м Съезде профсоюзов в январе 1919 г. Главным докладчиком по вопросу «о задачах профессиональных союзов» выступил Ленин. Содокладчиком был Мартов. Но главный интерес с точки зрения исторической и теоретической в развернувшейся там дискуссии был сосредоточен не на вопросе о роли профсоюзов, о чем официально шел спор, а на общем характере происходившей в России революции, ее задачах, методах и «тактике.

Как известно, Ленин, привезший из Цюриха свои апрельские тезисы, взбудоражил всё марксистское крыло революционного движения своим основным тезисом о том, что насту- {74} пившая революция в своем дальнейшем развитии должна привести к социалистической революции в России и во всем мире. Представление о том, что революция в России, даже в случае, если она вспыхнет и в других странах Европы в результате войны, сможет в нашей отсталой стране перейти в социалистическую, коренным образом противоречило всем основным тезисам русского марксизма. Не только «Группа Освобождения Труда»,

но и РСДРП и на первом съезде в 1898 г., и даже на втором съезде 1903 г., где главными авторами программы были Ленин и Плеханов, — категорически отрицали возможность непосредственного «прыжка» из царизма в социалистическую революцию. И ленинские апрельские тезисы даже и в среде самой большевистской партии наткнулись на очень резкую и сильную оппозицию. Об этом всем известно, и об этом уже в свое время много «писали. Особенно красочное описание этих опоров дал в своих «Записках революции» Суханов. Но что как-то осталось в тени и не было выявлено — это то обстоятельство, что даже сам Ленин, настаивавший на превращении русской революции в социалистическую, всё же (представлял себе эту политику социализма для России далеко не в той утопической форме, как этого можно было опасаться.

Конечно, Ленин был человек лукавый и иногда сознательно скрывал свою мысль под двусмысленной формулировкой. Так, например, произошло с лозунгом гражданской войны. Когда Мешковский, бывший большевик, обвинил Ленина в разжигании гражданской войны и упрекнул его в том, что он хочет занять освободившийся трон Бакунина, Ленин на это ответил, что во всем его докладе даже ни разу не были упомянуты слова «гражданская война». Но из протоколов 7-ой Конференции РСДРП (б) (Москва, 1958) видно, что он сознательно замалчивал то, к чему он на самом деле очень определенно и с большой энергией стремился; умолчание о гражданской войне было средством скрыть эту его идею от глаз рабочих. Конечно, то, что он говорил о социализме тоже, может быть, было лукавством. Но так как это говорилось именно на закрытых собраниях, а не для публики, то, может быть, Ленин был искренен в вопросах о тактике при проведении социалистического строя в России.

В своих выступлениях на VII Всероссийской конференции 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г. он категорически настаивает на том, что совершенно бессмысленно и нелепо говорить о немедленном осуществлении социализма в России, в стране с {75} огромным большинством крестьянско-мелкобуржуазного населения, которое на сторону социализма привлечь нельзя. Он говорил: первая мера, которую нужно будет провести большевистской партии, когда она возьмет власть — это национализация земли. Эта мера остается в рамках буржуазного строя, даже если она будет очень радикальна. «Вторая мера. Мы не можем стоять за то, чтобы социализм ''вводить" — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедывать. Большинство населения в России — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать».

Однако, если внимательнее проанализировать все высказывания Ленина о характере будущей революции, как те, которые он сделал до мировой войны, так и те, которые были написаны в первые дни февраля

(«Письма издалека»), то совершенно очевидно, что у Ленина в этом вопросе была большая раздвоенность: очень резкие и категорические осуждения бессмысленных утопий о возможности в России социалистической революции перемежались у него с внезапными порывами совершенно утопического характера. Да и самая его борьба против утопизма была подчас так резка и сопровождалась такими повторениями, которые вызывали впечатление, что Ленин старался убедить самого себя, а не только своих противников-утопистов. Как говорит Шекспир: эта лэди слишком много отрицает, чтобы ей можно было верить.

Вопрос о двух душах Ленина слишком сложен, чтобы можно было его затронуть мимоходом в небольшой статье. Но та неожиданная легкость, с которой Ленин захватил власть в октябре, то совершенно поразительное отсутствие всякого серьезного сопротивления победе «социалистической революции» в (России, та быстрая и бескровная победа над капитализмом, которую большевики одержали, вскружили Ленину голову. Для него неожиданно открылись широкие просторы для экспериментов астрономического масштаба, и нигде не видно было противника, который мог бы преградить ему путь.

Вот как об этом говорил сам Ленин 17 октября 1921 года на втором всероссийском съезде политпросветов:

«По заключении Брестского мира опасность, казалось, отодвинулась, можно было приступить к мирному строительству. Но мы обманулись, потому что в 1918 г. на нас надвинулась настоящая военная опасность — вместе с чехословацким восстанием и началом гражданской войны, которая затянулась до 1920 г. Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором на- {76} ходилась тогда республика, в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение.

Не могу сказать, что именно так определенно и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю, к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что раньше писали о переходе от капитализма к социализму...».

Это Ленин писал три с половиной года спустя после приступа к военному коммунизму в марте 1918 г. На самом деле предистория и история буйного припадка утопизма в форме военного коммунизма была гораздо сложнее. Мы имеем свидетельство Троцкого о том, что в

начале 1918 г. Ленин почти на каждом заседании Совнаркома настаивал на том, что в России социализм можно осуществить в шесть месяцев. Троцкий замечает, что, когда он впервые услыхал этот срок, он был поражен — шесть месяцев, а не шесть десятилетий или, по крайней мере, шесть лет? Но нет, Ленин настаивал на 6 месяцах. И в марте .1918 г. началось проведение этого плана непосредственного перехода к «коммунистическому производству и распределению». Об этом Ленин писал тогда в общих чертах в своей брошюре против Каутского[1], которую Мартов тогда назвал «плевком в седую бороду Каутского».

В этой брошюре Ленин, повторяя то, что он говорил на VII партийной конференции, признает, что октябрьская революция была в своем первом периоде, до Брестского мира, по своему существу, буржуазной, ибо ее основная социальная задача была — передать землю крестьянам, а это могло быть сделано только в блоке со всем крестьянством, как классом, и никаких социалистических задач в этот момент себе ставить нельзя было. Но вот, начиная с весны 19'18 г., большевистская власть начала осуществлять пролетарскую социалистическую революцию. Эту задачу уже нельзя было осуществить в блоке с крестьянством, как классом, ее можно было проводить только опираясь на пролетариат в городе и на пролетар- {77} ские и полупролетарские элементы в деревне. А для этого надо было эти пролетарские элементы крестьянства оторвать от среднего крестьянства и противопоставить деревенской буржуазии путем разжигания классовой борьбы в деревне. Для этого были созданы Комитеты Бедноты, во главе которых стали коммунисты. Начался Октябрь в деревне. И вот как Ленин красочно описывает осенью 19(18 г. ход своей пролетарской революции в деревне.

«Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих, в первую голову, более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей подавить сопротивление буржуазии ...действительный круг сторонников большевизма вырастает необъятно, ибо просыпаются к самостоятельной политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освободившись от опеки и влияния кулаков и деревенской буржуазии» (курсив оригинала). (Ленин, т. 28, стр. 279-280).

Трудно теперь понять, каким образом Ленин мог быть столь ослеплен нашедшей на него волной утопизма и бланкизма, но каждому изучающему историю лета 1918 г. совершенно ясно, что нарисованная им идиллическая картина непосредственного построения социализма в деревне ничего общего с реальной действительностью, не имела. Наоборот, все газеты того времени, не только такие, как «Новая Жизнь» или еще появлявшиеся тогда другие социалистические газеты, но и казенная печать почти в каждом номере заполнены перечислением

«кулацких восстаний» в деревне и описанием непрерывной малой войны за хлеб. «Отряды вооруженных рабочих» преимущественно из «авангарда» встречались крестьянами, у которых этот «авангард» старался отнять последний хлеб, в штыки. Эта война за хлеб вскоре неизбежно и логически перешла в большую гражданскую войну, затянувшуюся почти на три года.

С началом гражданской войны и необходимостью построить народную армию, главным образом, состоявшую из крестьян, Ленин должен был отказаться от дальнейшей политики построения социализма в деревне. Комбеды были распущены, Октябрь был объявлен законченным, началось заигрывание со средним крестьянством.

Но совершая под давлением горькой необходимости полное отступление от своей позиции проведения социализма в {78} деревне, Ленин весь этот вопрос о взаимоотношениях с крестьянством совершенно обошел в своем докладе на 2-ом Съезде профсоюзов. Отделываясь общими фразами, возвращаясь в сотый раз к сравнению Октября с Парижской Коммуной, и к тому, что Маркс о Коммуне говорил, он призывал рабочих-профсоюзников превратить профсоюзные организации в подсобные органы пролетарской диктатуры.

Подтверждая правильность характеристики, данной ему Луначарским, Мартов в своем докладе немедленно ударил по этому пункту. «Докладчик от коммунистической партии», как Мартов все время называл Ленина, «по-видимому, забыл, что его диктатура уже вовсе не пролетарская. Ведь он в своей брошюре о Каутском указал на то, что диктатура не была пролетарской в Октябре и должна была превратиться в пролетарскую в ходе той новой кампании, которую Ленин, при помощи Комбедов, начал весной 1918 г. Но ведь от этой идеи он должен был отказаться и отказался. Теперь ведь уже нет речи о том, что диктатура является диктатурой пролетариата города и пролетариев деревни. Теперь к блоку с диктатурой, борющейся в гражданской войне за свое существование, привлечено и среднее крестьянство, то есть огромное большинство мужицкой России. Какая же это диктатура пролетариата и почему профессиональные союзы должны стать органами правительства, построенного на двух классах, — с одной стороны, городского пролетариата, с другой стороны, огромной массы мелко-буржуазного крестьянства, интересы и психология которого не совпадают с интересами и психологией пролетариата. «Докладчик» был логичен, когда писал Каутскому, что диктатура превращается в пролетарскую. У «докладчика» нет никакой логики, когда он говорит это теперь, после того, как попытка превратить диктатуру в чисто пролетарскую разбилась».

И безжалостный Мартов продолжал: Ленин, цитирует Маркса, который воспел Парижскую Коммуну 1870 г. за то, что она была первым и подлинным воплощением диктатуры пролетариата. Это верно, но он

забыл прибавить, что Маркс основную добродетель Парижской Коммуны видел именно в том, что эту диктатуру пролетариата она осуществляла в формах демократической свободы для всех граждан, а не только для рабочих, и «подотчетности, ответственности и зависимости всех и всяких органов власти от самого пролетариата, от самих граждан». Вот эта основная характеристика Парижской Коммуны, которую так высоко ценил Маркс, совершенно от- {79} сутствует в той диктатуре, которую создает в России «докладчик». И Мартов прибавляет: «тут все спорят о том, должны ли быть профессиональные союзы независимы от власти и я совершенно согласен с тем, что профессиональные союзы не должны быть подчинены государству, управляемому двумя классами. Но основная проблема не проблема независимости профсоюзов, а гораздо более коренная и важная проблема, проблема независимости власти от народа, от рабочих. Вопрос о том, существует ли в советской России подотчетность, ответственность и независимость всех и всяких органов власти от самого пролетариата, самих граждан? Все знают что об этом нет и речи. И в этом вся суть».

Ленин заключительного слова на съезде не взял и потому на поставленные ему каверзные вопросы Мартова не ответил. Не ответили на них и менее подкованные в теориях коммунисты, выступавшие позднее, как Томский. И это молчание большевиков вряд ли было случайным. Причины этого молчания станут ясными, если ознакомиться с тем, что сами большевики, и местные делегаты и центровики, говорили по вопросам о взаимоотношениях органов власти и населения, в частности, крестьянства, на состоявшемся два месяца спустя 8-ом Съезде коммунистической партии. Приведу только несколько наиболее ярких цитат:

Ногин: «...мы получили такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становятся дыбом» (Протоколы 8-го Съезда, стр. 145).

Сосновский: «Когда мне пришлось объезжать провинцию с поездом имени Ленина, я увидел, что у нас есть склады книжные, есть кинематограф, но одного нет: надо было иметь арестантский вагон и целые Исполкомы и Комитеты погружать и везти в Москву» (там же, стр. 150).

Сапронов: «...с такими комиссарами надо бороться самым решительным образом, надо бороться организованным путем, через партию, исполкомы и т.д. Может быть, арестовывать целые исполкомы» (там же стр. 173).

Волин: «В некоторых губерниях слово коммунист вызывает глубокую ненависть не только у кулацкого элемента, но подчас и в среде бедняков и середняков, которых мы разоряем». {80}

И еще: «...тех безобразий, которые наблюдаются сейчас при сборе чрезвычайного налога, не было бы, если бы не было так называемых "экономистов" стоящих во главе исполкомов». (Там же, стр. 176).
На IX Съезде партии Шкирятов сообщает, что из партии было вычищено около 28.000 человек (протоколы IX Съезда, стр. 337).
Е. Ярославский считает, что к 1921-22 г.г. из партии было исключена, либо вышла треть всего ее состава. (Цит. по книге Файнсода, «How Russia is ruled»).
Как тут не вспомнить предвидения Мартова, сделанного им и напечатанного в этой же книге в письме к Н. С. Кристи от 30 декабря 1917 г.? Он писал, что под обманной вывеской «диктатуры пролетариата» на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитством, распущенностью, безответственностью и проч. Очевидно, Мартов глубже Ленина понимал, во что выльется на деле «Парижская Коммуна», построенная на принципе независимости диктаторской партии, без ответственности перед народом и перед рабочими массами.
Но правы были Мартов и его последователи и в другом, самом решающем отношении. Тот путь прямого и непосредственного перехода к социализму, который избрали вожди Октября, в исторической перспективе оказался на самом деле гораздо более обходным, извилистым, а главное бесконечно более дорогим, чем путь, который отстаивали социал-демократы. Гражданская война, намеренно и сознательно развязанная большевиками и роспуском Учредительного Собрания и отказом от всякой зависимости от воли народных масс, не только трудовых крестьянских, но и самого рабочего класса, — дорого обошлась трудящимся России и всей стране.
Коммунист Л. Крицман в своей книге «Героический период русской революции» и большевистский статистик из бывших меньшевиков Струмилин подсчитали, что количество людей, преждевременно погибших от болезней, эпидемий, голода в период между 1-м января 1918 г. и 1 июля 1920 г. в перечислении на все области, занятые советами, достигло 9 миллионов. Сюда не входили сотни тысяч солдат, красной и белой армий, погибших в боях или от ранений на фронтах гражданской войны. Если к этому прибавить еще те 5-6 миллионов, которые погибли во время страшного голода 1921– {81} 23 г.г., то народы России заплатили за большевистский эксперимент немедленного перехода к социализму 15 миллионами жизней, не говоря уж о неисчислимых потерях, страданиях материальных, или экономических и моральных.
Мартов до этого не дожил, но ведь теперь мы знаем, что продолжающееся существование советской власти привело уже после смерти и Мартова и Ленина к сталинской насильственной

коллективизации, обошедшейся крестьянству народов России, если включить сюда и голод 1932-33 г.г. еще в 7 или 8 миллионов душ, к которым надо прибавить и миллионы погибших в лагерях во время сталинской генеральной линии и чисток, и те десятки миллионов, которые погибли в сознательно развязанной Сталиным второй мировой войне.

Мартов всего этого, конечно, предвидеть не мог. Да и никому в мире не могла тогда прийти такая безумная мысль, что страна социализма, хотя бы и утопического, превратится в самую жестокую и бесчеловечную тоталитарную деспотию, которая породит и итальянский фашизм, и гитлеризм, и которая до сих пор продолжает оставаться самой серьезной и опасной угрозой для мира всего мира. Мартов, конечно, этого не предвидел. Но его чутье, его интуиция ему подсказывали, что большевизм является несчастьем для рабочего класса, а не осуществлением его мечты о тысячелетнем царстве братства, равенства и свободы.

Если отцом мирового большевизма стал Ленин, то Мартову выпало на долю стать идеологом мирового меньшевизма. Напечатанные в этой книге письма Мартова показывают, как искренне, ища истину, Мартов старался понять феномен большевизма русского и мирового.

Но его анализ привел его к выводу, что это путь, на который не должна встать ни российская социал-демократия, ни демократический социализм во всем мире. Даже короткий опыт жизни под большевистской диктатурой убедил Мартова в том, что путь большевизма для пролетариата гибелен и не может его привести к торжеству социализма, — подлинного социализма, а не того, который под вывеской «диктатуры пролетариата» на самом деле приводит к господству совершенно иных слоев и групп, ничего общего с интересами пролетариата не имеющих.

И это свое убеждение он сумел передать и привить всему социал-демократическому движению в Европе (и в Амери- {82} ке), когда в октябре 1920 года партия послала его своим делегатом на съезд независимой социалистической партии Германии[2].

Я не собираюсь защищать здесь тот тезис, что если бы Мартов не выехал заграницу, то история рабочего движения в Европе пошла бы иным путем, чем она в действительности пошла. Вероятно, европейский пролетариат своими собственными силами доработался бы до той позиции, которую он занял при помощи и под влиянием Мартова. Но без его появления заграницей в конце 1920 года и его энергичной работы там до его смерти в апреле 1923 г., процесс освобождения революционно настроенных социалистических масс пошел бы гораздо медленнее и, быть может, не совсем в той форме, в которой он произошел. Во всяком случае можно оказать, что, без появления Мартова на съезде Независимой Партии в Галле в октябре 1920 г., раскол в среде

Независимой Партии, который намечался уже раньше, не произошел бы в том виде, в котором он имел место под влиянием долгой речи Мартова, которая произвела на съезде огромное впечатление своей искренностью, убедительностью и силой. Тот факт, что Мартов сам уже говорить не мог, а свою речь написал и ее в немецком переводе огласил наш товарищ Александр Штейн, не помешало доводам Мартова произвести переворот в воззрениях целого ряда лидеров этой партии, как Гильфердинг, Брайтшейд, Ледебур, Криспин, Диттман и многих других, и окончательно рассеять их колебания.

Такое же влияние Мартов имел и на таких влиятельных вождей левого крыла социалистических партий в других стра- {83} нах, как Фридрих Адлер, Отто Бауэр, Данненберг в Австрии (Бауэр пришел к Мартову еще когда был военно-пленным в России и ему, благодаря вмешательству Мартова, была дана возможность приехать в Петербург и там он подружился с Мартовым, которого он раньше почти не знал), Леон Блюм, Поль Фор, Александр Брак, Орест Розенфельд и многие другие во Франции, Вандервельде и де Брукер в Бельгии, вожди Независимой Рабочей Партии в Англии, или Серрати в Италии, Морис Хилквит, Евгений Виктор Дебс в США, и т.д.

Можно с уверенностью сказать, что без Мартова не удалось бы созвать в декабре 1920 года той конференции в Берне, которая постановила создать так называемый Венский Интернационал на международной социалистической конференции, которая состоялась в феврале 1921 года в Вене, и на которой Мартов еще успел присутствовать.

И только благодаря престижу Мартова, который сумел сломить сопротивление, так называемого, Второго Интернационала, удалось создать в апреле 1922 г. конференцию Трех Интернационалов[3], которая, правда, ни к какому единому фронту социалистов с коммунистами не привела, но заложила моральную основу для объединения Венского Интернационала со Вторым на Гамбургском съезде.

На Гамбургском съезде Мартова уже не было, он умер незадолго до того. Но пользуясь тем престижем, который был создан Мартовым, его сотрудники и товарищи добились на Гамбургском съезде прочного и почетного места в новосоздаваемом социалистическом и рабочем Интернационале и были включены не только в Исполнительный Комитет, но и в Бюро Интернационала, в котором они продолжали состоять до самороспуска этого Интернационала в марте 1940 года после оккупации почти всей Европы немецким вермахтом, который тогда еще работал в полном согласии и при поддержке «пролетарской диктатуры» Сталина. Включение русских меньшевиков и эсэров в Социалистический Интернационал прошло не без внутренней борьбы. В политической ко- {84} миссии Гамбургского съезда ее председательницей, знаменитой британской социалисткой Беатрисой Вебб, было внесено предложение о том, чтобы люди, ведущие борьбу

против существующего в их стране социалистического правительства, были исключены из Социалистического Интернационала.. Но огромное большинство комиссии отвергло предложение Беатрисы Вебб, и Конгресс под влиянием таких левых, как Адлер, Бауэр, Блюм, Криспин и Хижвит, принял решение совершенно противоположного характера. Он осудил преследования против социалистов и систему террора в Советской России, заявил о своей солидарности с русскими демократическими социалистами и обещал им свою моральную и материальную поддержку.

Так морально победил мировой меньшевизм, ставший официальной идеологией всех социал-демократических рабочих партий во всем мире. Они отказались принять 21 условие Зиновьева и отвергли вступление в Коминтерн. В социалистической среде прошла волна раскола по линии: социал-демократия или коммунизм. И огромное большинство организованного пролетариата в ту эпоху осталось в лагере «мирового меньшевизма». Оно отказалось принять идею террористической диктатуры меньшинства как путь к построению подлинного социализма. Оно твердо стало на ту точку зрения, что политическая демократия и свободное самоуправление трудящихся масс во всем мире является не только предпосылкой для построения социализма, но и жизненным элементом в самом процессе приближения к социализму.

За истекшие годы основное русло рабочего движения в основных странах Европы еще больше утвердилось в убеждении, что деспотический социализм, как он осуществлен в странах коммунистического блока, является лишь одной из форм тоталитаризма и ничего общего не имеет с тем, что является подлинным социализмом, — миром братства, равенства и свободы.

В этом мировом процессе формирования анти-коммунистического, анти-тоталитарного демократического социализма Мартов, его идеи и его партия сыграли немалую роль. {85}

Примечания

[1] «Пролетарская революция и ренегат Каутский», ноябрь 1918 г.

[2] Отъезд Мартова заграницу в тот момент не был ни объективно, ни субъективно, эмиграцией. Этот отъезд состоялся еще до того возмущения всех слоев русского народа, включая рабочих и кронштадтских матросов, но главным образом крестьян, против безумия военного коммунизма. Но в воздухе уже чувствовалось приближение какого-то большого поворота, и когда Мартов уезжал заграницу, он жил ожиданием наступающей новой эпохи. Что поворот фактически вылился в форме НЭПа, при котором Ленин отступил перед капитализмом в деревне, но взял реванш путем усиления террора против социалистов, — не было еще ясно, хотя некоторые члены Ц. К. это подозревали. Впрочем, состояние его здоровья уже в 1920 г. было

настолько серьезным, что решение послать заграницу своего главного лидера было в значительной степени продиктовано стремлением дать ему возможность лечиться.

[3] Благодаря настояниям и авторитету Мартова на этой конференции, между прочим, удалось вырвать у представителей Коминтерна — Бухарина, Цеткин и Радека — обязательство, что на предстоящем тогда процессе 12 эсеровских лидеров в Москве не будет смертной казни для обвиняемых и что на публичном суде смогут выступить иностранные социалисты (Эмиль Вандервельде, Теодор Либкнехт — младший брат Карла — и другие).

Я. АРОНСОН
Как жил и работал Ю. О. Мартов

1.

ЮЛИЙ Осипович Мартов родился в Константинополе 12 ноября 1873 года, где его отец служил в Русском Обществе Пароходства и Торговли, а затем, когда семья Цедербаум переехала на жительство в Петербург, детство и юность провел в столице. Там он обучался в гимназии, там поступил в университет, на естественный факультет, который однако через шесть месяцев ему пришлось покинуть. Было это в 1891-92 г.г., когда Юлий Осипович достиг 18-19 лет. За короткий период своего студенчества Ю. О. расширил свои связи в петербургских кружках молодежи, датировавшие еще с гимназической скамьи, быстро и окончательно переключился на политику, прошел через искус первого обыска, ареста и тюремного заключения в Крестах. К этому времени уже начала определяться общественно-политическая карьера будущего Мартова, первые главы которой он вписал в свою биографию в весьма юном возрасте. Эта его карьера оборвалась тоже очень рано: в возрасте 49 лет Юлий Осипович скончался от туберкулеза горла в одной из санаторий Шварцвальда в Германии — 4 апреля 1923 года. В тридцать лет, отпущенных ему нещедрой судьбой, укладывается жизнь и творчество Ю. О. Мартова, замечательного человека, одаренного представителя социалистической интеллигенции, действовавшего на рубеже двух веков в России, пионера и руководящего деятеля социал-демократии и ее меньшевистского течения, выдающегося политика и публициста.

Если конкретазировать и распределить 30-летие общественно-политической деятельности Юлия Осиповича на его основные периоды, то мы придем к следующим, характерным для целого поколения русских социалистов, выводам. Мы установим, что на долю Юлия Осиповича выпала жизнь и ра- {86} бота «на воле» в России всего на всего в течение каких-нибудь 7-9,5 лет, да и то, если включить в это время период в 2 года, проведенных в ссылке, под надзором полиции. Из следующих 4 лет Юлий Осипович провел 1 год в тюрьме и целых 3 года в гиблой ссылке в

Туруханском крае, откуда он вывез мучивший его всю его жизнь смертельный недуг. Если из 30 лет деятельности Ю. О. вычесть это десятилетие с лишним, протекшее в пределах России, то мы должны отнести остальные 19-20 лет за счет пребывания Мартова в изгнании, в эмиграции. Попробуем уточнить эту «статистику», и тогда мы увидим, что, начиная с нового, 20-го века, Мартову до самой революции 1917 года, почти не пришлось жить на русской почве и непосредственно соприкасаться с тем миром, которому была посвящена вся его энергия и отданы все его помыслы. Не могло быть и речи в политической обстановке старого режима, например, чтобы Мартов, признанный руководитель меньшевизма, мог быть избранным в Государственную Думу или стать во главе большого социалистического органа печати...

Арестованный в Петербурге в первый раз в 1892 г., Юлий Осипович по освобождении был выслан в 1893 г. из столицы и выбрал местом своей ссылки — Вильно. Когда в 1895 году кончился срок ссылки, ему разрешили вернуться в Петербург, — но уже в январе 1896 года во время разгрома Союза борьбы за освобождение рабочего класса Ю. О. был арестован и провел в тюремном заключении 1 год, а затем, получив приговор на 3 года ссылки в Восточную Сибирь, в феврале 1897 был назначен в Туруханск, где и провел ровно три года, и только в январе 1900 года выехал в Россию. Вновь открылась для Ю. О. коротенькая полоса жизни и деятельности «на воле». Он был на совещании в Пскове, где образовался «тройственный союз» (Мартов, Ленин, Потресов) на предмет издания «Искры», объехал некоторые города на юге, — Харьков, Полтаву.

Весна 1901 застает Мартова за границей — раньше в Германии (Мюнхен, Штутгарт), затем в Лондоне и Швейцарии, в Женеве, в редакции «Искры». Около 5 лет продолжается первая эмиграция Мартова, первый отрыв от России. Только по амнистии после манифеста 17 октября 1905 года Юлий Осипович получил возможность вернуться во взбудораженную революцией Россию. Но политическая обстановка уже вскоре стала радикально меняться, и, реваншируясь, правительство в мае 1906 подвергает Мартова аресту; ссылка в {87} отдаленные места заменяется высылкой заграницу. Настает для Мартова — полоса второй эмиграции, которая продолжается около 8 лет и протекает в Швейцарии и Франции. Осенью 1913 года он решается воспользоваться амнистией в связи с 300-летием Дома Романовых и приезжает в Петербург. Но «легализация» его не отличалась устойчивостью. К тому же заграницей потребовалось присутствие Мартова: в первой половине 1914 года в Брюсселе Международное Социалистическое Бюро обсуждало вопрос об объединении русской социал-демократии, которое вылилось в форму консолидации различных группировок меньшевистского толка и изоляцию большевизма. К тому же в августе готовился созыв международного социалистического конгресса в Вене, сорванный

первой мировой войной. Юлий Осипович остался в Европе, и выпавшая на его долю третья эмиграция продолжалась до новой революции 1917-го года. В эти три года, в качестве главы русских интернационалистов, Мартов участвовал в конференциях Циммервальда и Кинталя и редактировал ряд русских изданий в Швейцарии и Франции.

Только в мае 1917 г. Юлию Осиповичу удалось выехать в Россию, чтобы принять участие в событиях, разыгравшихся на родине. Это последнее пребывание в России, после гибели февральской демократической революции, продолжалось не более трех лет, — но каких лет: гражданской войны, безудержного террора! По настоянию Ц.К. партии меньшевиков, пользовавшейся еще иллюзорной полу-легальностью в России, для лечения обострившегося процесса туберкулеза и для участия в съезде Независимой с. д. партии в Галле, Юлий Осипович осенью 1920 года в последний раз покинул Россию и выехал за-границу, в Германию, ставшую для него последним этапом. За три года этой эмиграции Ю. О. вместе с Р. А. Абрамовичем, Е. Л. Бройдо, Д. Ю. Далиным и др. поставил в Берлине меньшевистский журнал «Социалистический Вестник», организовал Заграничную Делегацию РСДРП и принял участие в создании Венского Социалистического Объединения. В самом начале 19'23 г. болезнь его разыгралась с особенной остротой, и в апреле Ю. О. Мартова не стало.

2.

Мы проследили во времени «политическую судьбу Юлия Осиповича. Ему было отпущено всего 30 лет сознательной, интеллектуальной жизни. Но это тридцатилетие было до краев заполнено исключительной, кипучей, творческой работой. {88}

В своих «Записках социал-демократа» Юлий Осипович пишет, что с юных лет он чувствовал в себе задатки писателя. Ремесло «газетчика» — по его словам — было у него «в крови», перешло к нему от деда, Александра Цедербаума, пионера древне-еврейской, еврейской и русско-еврейской печати в России. И действительно, только-только оперившись, вступив в первый кружок революционной молодежи, Юлий Осипович взялся за перо и не выпускал его до самой своей кончины. У него оказались высокие данные для этой работы: литературное дарование, писательский, публицистический темперамент, исключительное многообразие интересов, и — с самых юных лет — широкая ориентированность во всех занимавших его вопросах, с годами восполнявшаяся солидной эрудицией. К этому нужно прибавить феноменальную память, отличавшую Юлия Осиповича с самых юных лет и чрезвычайную быстроту усвоения прочитанного. Виленцы, работавшие с Юлием Осиповичем в 1893-95 г.г., с удивлением вспоминали, как Ю. О. в одну ночь одолевал толстый том Туган-Барановского «Русская фабрика», и на следующее утро, знакомя товарищей с содержанием книги, приводил наизусть обширные

выдержки из нее. Да и сам Юлий Осипович, рассказывая о своих занятиях в петербургских «Крестах», передает, что во сне его одолевали обширные цитаты из прочитанных книг, фотографически запечатлевшиеся в его памяти. До самой смерти для Мартова остались характерными быстрота чтения и такая же быстрота письма, поражавшие окружающих, среди которых всегда бывало немало литераторов и книжников.

Первые кружки, в которых участвовал молодой Мартов в Петербурге, были народовольческие. Студент В. Шарый организовал группу «молодых народовольцев», выпустившую листовку «Свободное слово», написанную Н. К. Михайловским. Эта группа сочетала некоторые элементы марксизма с признанием террористической тактики. По делу «молодых народовольцев» и попал впервые в тюрьму Мартов. Но в 1892 году, особенно после прочтения 1 тома «Капитала» Маркса (он читал его во французском переводе Лафарга), Юлий Осипович осознал себя марксистом, — и остался этому верен уже на всю жизнь. Очутившись в 1893 г. в Вильне и скромно признавая себя «учеником виленоких марксистов», Ю. О. очень скоро оказался там на ролях идеолога нового движения.

Литературный дебют Мартова относится еще к петербургскому периоду, — когда он написал предисловие к брошюре Геда о коллективизме. Вскоре в журнале «Научное обозре- {89} ние» появился его перевод с немецкого статьи Кунова, опубликованной в «Найе Цайт» Каутского. По приезде в назначенную ему ссылку в Вильно, Ю. О. быстро обнаружил свои незаурядные литературные способности. В 1893 г. он был привлечен в качестве редактора брошюры «Об агитации», написанной А. Кремером и получившей вскоре широкое признание в с. д. кругах.

1 мая 1895 г. Мартову пришлось сделать доклад перед собранием агитаторов (их было 40 человек), которому приписывалось, по словам деятелей Бунда, «первоклассное историческое значение» и который был издан за границей под названием «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения». К виленскому периоду Мартова относится и листовка, составленная им в ответ проповеднику в синагоге, выступавшему против рабочих-забастовщиков. Эта листовка была напечатана в № 1 «Работника» в 1896 году за границей и особенно заинтересовала П. Аксельрода.

Литературная деятельность Ю. О. однако получила развитие уже после возвращения его из Вильны в Петербург, когда он вместе с Лениным и другими создал Петербургский. Союз Борьбы. История этого Союза рассказана и освещена довольно подробно и в историческом очерке РСДРП, написанном впоследствии Юлием Осиповичем, и в «Записках социал-демократа». Литературные планы Мартова в рамках Союза борьбы однако с большим трудом осуществлялись. Только попав в

тюрьму в январе 1896 г. и проведя год в тюремном заключении, Ю. О. собрал материалы (пользуясь для этого и тюремной библиотекой, и книжными передачами с воли), которые он использовал для ряда работ и впоследствии в Туруханской ссылке. В тюрьме ему удалось написать серию статей под общим заглавием «Современная Россия», которую он натравил через А. Н. Потресова для «Нойе Цайт» Карла Каутского; они были опубликованы по-немецки за подписью: Мартин. Впоследствии (в 1898 г.) эти статьи вышли отдельной брошюрой в издании Союза русских социал-демократов за-границей.

В Туруханске Мартов написал ряд других работ, выдвинувших его в первые ряды социал-демократических публицистов, как в легальной печати, так и в заграничной. В легальном марксистском журнале «Новое Слово» за подписью А. Егорова (псевдоним составился из «Алексея», как назывался Мартов в Вильне, и «Егора», под каковым именем он действовал в Петербурге), Юлий Осипович напечатал работу {90} «Народничество прежде и теперь». Книжка журнала была конфискована, а вскоре и журнал был закрыт. В марксистском легальном журнале «Жизнь» Ю. О. напечатал за подписью Ю. Кедрова рецензию на книжку В. Богучарского о Лафайете. А заграницу им было послано много литературы, из которой известны «Рабочее дело в России», брошюра к 50-летию французской революции 1848 года, ряд газетных статей, «Сказка» к 1-му мая. Заслуживает также внимания, что Мартов писал из Туруханска корреспонденции разоблачительного характера в «Сибирскую жизнь» (Томск) и в «Восточное Обозрение» (Иркутск).

3.

Публицистический талант Ю. О. Мартова ко времени его возвращения в Россию уже пользовался широким признанием, и на совещании в Пскове, весной 1900 г., в котором наряду с «тройственным союзом» присутствовали представители легального марксизма (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский), было решено, что Мартов выедет за границу для участия в редакции «Искры». Мартов задержался несколько в России. Он объехал ряд городов, установил связи, виделся с равными лицами, совещался по вопросу о постановке нелегальной типографии и о созыве второго съезда партии. (Первый съезд имел место в 1898 г., в то время, когда Мартов еще отбывал Туруханскую ссылку) и только весной 1901 г. выехал за-границу. Но уже в первом номере «Искры» (декабрь 1900) напечатаны были две статьи Юлия Осиповича, присланные из России, а по приезде заграницу Мартов стал одной из ведущих сил газеты «Искра», которая вошла в историю не только как политический орган с. д. мысли, но и как боевой центр собирания будущей с. д. партии. К этому времени относится сближение Ю. О. с основоположниками марксизма в России, с членами Группы Освобождение Труда П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и Г. В. Плехановым.

В историю идейной борьбы тех лет по консолидации ортодоксально-марксистских элементов и размежеванию с разными группировками, отклонявшимися от ортодоксии (экономистами, ревизионистами, Бундом и др.) на страницах «Искры» и теоретического журнала «Заря» Юлий Осипович входит в качестве активного участника. Его многочисленные статьи, написанные с литературным мастерством и темпераментом прирожденного публициста, импонировали читателю ярко-выраженной моральной окраской, особенно отличавшей {91} Мартова, и у многих ценителей его дарования вызывавших аналогию с представителями радикальной публицистики прошлого, особенно с Добролюбовым. В своих статьях Ю. О. касался разнообразных тем: внутренней политики России и проблем международного социализма, вопросов связанных с созданием с. д. партии и актуальных задач нарождавшегося в 1902-1903 г.г. массового рабочего движения в России, всё более втягивавшегося в политическую борьбу со старым режимом. «Искра» становилась всё более органом Мартова, — не в меньшей мере, чем органом Ленина. Меж ними, во всяком случае до 2-го съезда РСДРП, царило далеко идущее единство.

Уже в первые годы 20-го века, очутившись за-границей, Ю. О. развил помимо журнальных статей, разнообразную литературную деятельность. В 1902-03 г.г. перу Мартова принадлежали следующие брошюры: «Самодержавие и стачки», «Письма к товарищам», «Подарок русским крестьянам и рабочим», «Пролетарский праздник», «Пролетарская борьба в России» (с предисловием П. Аксельрода) и другие, имевшие широкое распространение в России при помощи транспортных путей нелегального аппарата. На 2-м съезде, как известно, произошло образование двух фракций, меньшевиков и большевиков, и Ю. О. явился одним, если не главным, представителем меньшевистского течения, сторонники которого в первое время и назывались «мартовцами». В результате разрыва с Лениным, редакция «Искры» — после небольшого перерыва — оказалась в руках меньшевиков, и на долю Ю. О. выпала руководящая роль в ней. В течение двух последующих лет существования «Искры» вплоть до ее закрытия осенью 1905 г. Ю. О. публиковал в ней множество публицистических статей, посвященных, помимо актуальных тем по внутренней и внешней политике, разработке проблем меньшевистской тактики в эпоху канунов первой революции и в бурные дни 1905 года.

Для меньшевиков выступления Юлия Осиповича, в частности пересмотр им вопроса о так наз. гегемонии пролетариата в революции, размежевание с большевизмом и его рабоче-крестьянскими диктаторскими концепциями, которым меньшевизм противопоставлял идею самоорганизации и самодеятельности рабочего класса, — наконец, ряд полемических статей Ю. О., направленных против максималистских «перегибов» Троцкого и Парвуса, — всё это закладывало новый

фундамент в систему меньшевистских воззрений тех лет. По свежим следам разрыва на 2-ом съезде Мартов выпустил несколько брошюр, в том числе «Борьба с осадным положени- {92} ем в РСДРП», «Вперед или назад» (11904 г.) и другие, в которых меньшевизм уже самоопределялся, как самостоятельное направление русской социалистической мысли и уже подвергались критике некоторые тенденции «старой Искры», привнесенные в нее Лениным. Идя навстречу потребностям нового читателя, рожденного первой революцией, Юлий Осипович написал несколько злободневных политических брошюр, в том числе «Простые речи о внутренних вратах» (Женева, 1905 г.).

Как выше упоминалось, амнистия конца 1905 г. открыла двери России для Мартова. В Петербурге по приезде он застал еще «дни свободы» в разгаре, вошел в редакцию меньшевистского «Начала» и опубликовал там ряд статей. Но в это время обнаружился ряд политических расхождений между ним не только с Троцким (тогда меньшевиком), но и с Ф. И. Даном, — что, как засвидетельствовал впоследствии последний, значительно понизило «партийную» активность Мартова и побудило его даже уклониться от участия в Объединительном съезде в Стокгольме (апрель 1906 г.). Летом 1906 г. Ю. О. был выслан заграницу. К этому времени, как результат революции 1905 года, внутри России сложились условия, при которых стала возможной весьма активная литературная деятельность со стороны эмигрантов. Ю. О. довольно широко использовал «легальные возможности» в этом отношении. Помимо постоянного участия в меньшевистских газетах и сборниках тех лет («Отклики», «Отклики современности», «Привет» и др.) Мартов опубликовал ряд брошюр на актуальные темы, описок которых довольно велик: «Народ и Государственная Дума» (1906 г. — Мартов был решительным противником бойкота выборов в Государственную Думу), «Социалисты-революционеры и пролетариат» (1907), «Русский народ и евреи» (1908). Тогда же была издана легально в России книжка Ю. О. «Политические партии в России».

4.

В эти годы вплоть до первой мировой войны происходила консолидация меньшевистских рядов, во имя которой неустанно работал Ю. О., принимая с Лондонского съезда РСДРП (май 1907) самое активное участие во всех акциях меньшевизма рука об руку с П. Б. Аксельродом и А. Н. Потресовым, как идеологами так наз. ликвидаторского направления — с одной стороны, и с Ф. И. Даном, ставшим самым близким единомышленником его и наиболее выдающимся репрезентантом меньшевизма к тому времени, — с другой. Авто- {93} ритетное имя Г. В. Плеханова, расходившегося с литературным штабом меньшевизма — по организационным и другим вопросам, — время от времени оказывало поддержку меньшевистским начинаниям. Основной внутри-партийной задачей тех лет явилась самооборона меньшевизма

от систематических клеветнических кампаний Ленина, не брезгавшего самыми отвратительными средствами в борьбе с противниками и особенно с меньшевиками. Но не менее существенным делом была и работа по политическому самоопределению меньшевизма, как европейского, западного направления в русском социализме. В работе меньшевистских практиков в России, в новых формах массового движения, в профессиональных союзах, в культурно-просветительных организациях, вокруг общественных съездов с участием рабочего представительства, вокруг деятельности с. д. фракций 3-ей и 4-ой Государственных Дум, — роль заграничного литературного штаба, и особенно Ю. О. Мартова, была очень значительна.

Она осуществлялась также в привычных для Ю. О. литературных формах. В периоды, когда в России легально выходили с. д. газеты («Рабочая Газета», «Луч» и др.) и журналы, (особенно «Наша Заря» — 1908-1914 — под редакцией А. Н. Потресова) Ю. О. был постоянным сотрудником этих изданий. В эти же годы удалось организовать под редакцией Ю. О. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова (и одно время Г. В. Плеханова) издание т. н. меньшевистского «пятитомника» под названием «Общественное движение в России в начале 20-го века», где многими меньшевистскими писателями был опубликован ряд монографий и где на широком общественно-историческом фоне были подведены итоги первой русской революции. Перу Ю. О. принадлежит в этом издании (в т.т. 1 и 3) обширный очерк истории российской социал-демократии от 90-х г.г. до 1907 г. Впоследствии этот труд Мартова вышел в России отдельным изданием («Книга», 1923, Москва, с послесловием С. О. Цедербаума — В. Ежова), а затем и в немецком переводе (Издательство Дитца, Берлин, 1926 г. с обширным дополнением Ф. Дана, охватывающим период с 1908 года и доведенным до 1925 года). В первом же томе «Общественного Движения» под старым своим псевдонимом А. Егоров (см. выше) Ю. О. опубликовал и другую работу «Зарождение политических партий и их деятельность». Примерно в те же годы Ю. О. по приглашению издательства Гранат написал для «Истории 19-го века» ряд работ, впоследствии вышедших отдельным изданием («Книга», Ленинград, {94} 1924) под названием «Общественные и умственные течения в России 1870-1905 г.г.».

В с. д. эмиграции тех лет происходил ряд организационных сближений и отталкиваний с большевиками, в которых представительство меньшевистского течения осуществлялось главным образом Ю. О. Мартовым и Ф. И. Даном. Ю. О. не только пришлось участвовать в так называемых пленарных заседаниях Ц. К. в 1908 и 1910 г.г., но и одно время вместе с Даном он входил в коалиционную (с Лениным и Зиновьевым) редакцию Центрального органа «Социалдемократ», откуда они оба, Мартов и Дан, вышли в мае 11911 года. Памятником фракционной борьбы этого смутного времени является брошюра Ю. О.

«Спасители или упразднители?» (Париж, 19'11 г.). В эти же годы меньшевики выпускали свой орган «Голос Социал-демократа», выходивший в Швейцарии, а затем в Париже, под редакцией Мартова, Аксельрода, Плеханова (временно), Мартынова, Дана. В объявлении о выходе издания подчеркивалось, что «старая литературная коллегия "Искры"» стоит во главе этого журнала.

«Голос Социал-демократа» выходил с 190'8 по 1911 год. Вышло всего 26 номеров, в котором собран обширный информационный материал о внутрипартийной жизни и фракционной склоке в России и в эмиграции. Ю. О. писал в «Голосе Социал-демократа», как всегда, на самые разнообразные темы. Помимо статей по актуальным вопросам — о внутренней политике, о думской тактике, о международных делах, Ю. О. посвящает целый ряд работ новым проблемам с. д. тактики, в частности ликвидаторству. Для истории меньшевизма и для уяснения позиций Мартова «Голос Социал-демократа» представляет исключительный интерес, хотя нужно сказать, что роль этого органа по своему политическому удельному весу не могла идти ни в какое сравнение с «Искрой». Да и распространение «Голоса Социал-демократа» в России было невелико и ограничивалось в сущности читателями из офицерского корпуса действовавшего меньшевизма.

К периоду, когда прекратилось издание «Голоса Социал-демократа», стал завершаться процесс консолидации меньшевизма, который нашел свое выражение в так называемом Августовском блоке в Вене в 1912 году, куда съехались представители всех течений меньшевистского направления, — в том числе группировки Плеханова, Троцкого, «Нашей Зари» и ликвидаторов (П. А. Гарви), Бунда (Р. А. Абрамович и {95} М. И. Либер). Вместе с П. Аксельродом Ю. О. Мартов представлял на этой конференции центральное направление в меньшевизме. Это существенно отметить и потому, что Венская конференция формально засвидетельствовала, что с этого времени, т.е. с 1912 г. меньшевизм превращается в отдельную, самостоятельную с. д. партию, уже больше не участвующую в общей с большевизмом организации.

5.

Первая мировая война не пощадила и русский социализм. Обе партии — и с. д., и с. р. — раскололись. Ю. О. Мартов в известной мере оставался верен традиционной марксистско-ортодоксальной концепции, согласно которой причины войны лежали в империалистическом соревновании германского и английского капитализма, и приходил к выводу в духе интернационалистских воззрений о том, что в результате войны, как неизбежное ее последствие, будет крах капиталистической системы и начало мировой социальной революции. Это и привело его в лагерь Циммервальда и противопоставило оборонческим течениям, поставившим на карту защиты отечества и располагавшим большинством в обеих воюющих коалициях Европы. Оборонческую

позицию среди русских меньшевиков представляли группировки с Г. В. Плехановым во главе — за границей и А. Н. Потресовым — в России.
Но среди русских с. д. была еще одна разновидность, а именно большевистское течение, возглавлявшееся Лениным, которое отрицало не только защиту отечества, но отвергало и всякий вид пацифизма, и решительно отстаивало лозунг поражения России в войне, — проповедуя для всего мира идею превращения войны империалистической в войну гражданскую. В руководящих кругах меньшевизма ленинские лозунги пораженчества и революции в России во время войны не пользовались никаким кредитом. Но в то же время реакционная, безответственная, антисемитская политика царского режима в условиях распада Двора и усиления влияния распутинщины, внушала даже безоговорочным (безусловным) оборонцам серьезные сомнения в способности правительства оборонить страну и естественно в широких слоях общества создавала предпосылки стремления во что бы то ни стало ускорить конец войны. На этой основе среди меньшевиков (в с. д. фракции Государственной Думы и в Организационном {96} Комитете партии) интернационалистские идеи в формулировке Мартова (скорейшее окончание войны, мир без победителей и побежденных, мир без аннексий и контрибуций) пользовались признанием. Ф. Дан, И. Церетели с друзьями, находившиеся в сибирской ссылке, склонялись к умеренному циммервальдизму, как он был .представлен Мартовым.
Литературная деятельность Юлия Осиповича в эти годы была сильно съужена. Вначале в Швейцарии Заграничный Секретариат О.К. выпускал «Известия», затем Мартов входил в Париже в редакции газет «Голос», «Наше Слово», ставших органами интернационалистского направления. Интересно отметить, что не только для меньшевиков, но и для многих большевиков, не вынесших гнета ленинской фракционной диктатуры, Мартов в годы первой мировой войны становился центром притяжения. В апреле 1916 года Ю. О. однако вышел из состава коалиционной (совместно с Троцким и большевиками-примиренцами) редакции «Нашего Слова» и уехал вскоре в Швейцарию.
В мае-июне 1917 г. Юлий Осипович был уже в Петрограде, противопоставляя свою интернационалистскую позицию оборонческому большинству в меньшевистской партии и в Совете рабочих депутатов. В течение коротких месяцев февральской революции 1917 года Мартов находился в оппозиции. Он критиковал коалиционное Временное Правительство за его внешнюю политику в первую очередь и решительно высказывался за активную политику мира со стороны революционной России. Чем глубже становился политический кризис в стране, особенно после выступления справа ген. Корнилова, — тем настойчивее требовал Мартов образования однородного социалистического правительства. Он был противником

большевистских «планов захвата власти, противником гражданской войны, но считал, что спасение революции и демократии может быть осуществлено только правительством, способным заключить мир и готовым на смелые социальные реформы. У Юлия Осиповича не было собственной печати, и он вынужден был пользоваться беспартийно-социалистическим интернационалистским органом Горького-Суханова «Новая Жизнь», в котором время от времени печатал свои статьи. В это же время в течение февральской революции Мартов опубликовал ряд брошюр, — в том числе «Кант с Гинденбургом, Маркс с Кантом», «Фридрих Адлер», «Кризис демократии во Франции», «Простота хуже воровства» и др. {97}

После октябрьского переворота Мартов вместе с Р. А. Абрамовичем и другими выдвинул идею создания правительства «от большевиков до эн-эсов» и на совещаниях при Викжеле им удалось привлечь сочувствие к этой идее значительной группы большевистских цекистов и народных комиссаров. Ленин и Троцкий однако сорвали этот план. Вокруг этого вопроса о соглашении революционной демократии с большевиками интернационалисты во главе с Мартовым добились изменения «соотношения сил» в своей партии: в то время, как правые меньшевики (М. И. Либер, П. Н. Колокольников, П. А. Гарви, Александр Смирнов и др.) из-за Викжеля ушли из Ц. К. партии, часть оборонцев, возглавляемая Ф. И. Даном, присоединилась к Мартову и вместе с ним получила большинство на ноябрьском съезде партии в 1917 году. С этого момента Юлий Осипович является фактическим руководителем меньшевистской партии, и его тактическая линия становится официальной линией партии, против которой в партии выступала не только оппозиция справа (к ней примыкали среди других П. Б. Аксельрод, недавний интернационалист, и А. Н. Потресов, самый последовательный из оборонцев, и Г. В. Плеханов, считавший Мартова... «полу-ленинцем»), — но также и левая оппозиция, склонная к некритическому приятию большевистских слоганов и обнаружившая тенденцию к переходу на сторону победителя.

После разгона Учредительного Собрания большевиками и затем в период образования антибольшевистского демократического фронта на Волге, иллюзии соглашения между большевиками и меньшевиками рассеялись. Разгул террора ВЧК и первые расстрелы (кап. Щастного, затем великих князей) заставили Юлия Осиповича выступить с решительным протестом — с брошюрой «Долой смертную казнь» и повторить этот протест в меньшевистской печати. Тогда же Сталин, обиженный разоблачением Юлия Осиповича, подал на него «жалобу» в Революционный Трибунал, который вынес Мартову «порицание». Из ВЦИК'а советов были тогда исключены меньшевики и эсэры, и начались массовые аресты социалистов по всей стране.

В последовавшие вскоре годы гражданской войны, интервенции и военного коммунизма, — отчасти под влиянием революций, вспыхнувших по окончании первой мировой войны в Германии и Австрии, — политическая концепция, представленная Ю. О. Мартовым, претерпела новые изменения, в {98} известной мере увязывая интернационализм эпохи войны надеждой на приближавшиеся в Европе кануны социально революции. Мартов считал, что включенная в орбиту социальной революции на Западе, русская большевистская революция приобретает под собой более устойчивую почву. Поддерживая большевистскую власть в гражданской войне, Юлий Осипович продолжал подвергать критике экспериментаторство в области хозяйственной политики, сверх-национализацию в индустрии и комбеды в деревне и намечал ряд требований к власти, которые при условии прекращения террора смягчения режима должны были создать предпосылки до соглашения социалистической оппозиции с властью. Оценивая благоприятно перспективы социальной революции на Запад, Ю. О. намечал программу для интернационального объединения левых социалистических групп (См. «Апрельские тезисы», написанные Мартовым и принятые в марте-апреле 1920 с. д. совещанием в Москве).

Литературная деятельность Мартова при большевистской власти была сведена к минимуму. Непосредственно после октября 1917 г. Ю. О. писал в «Новой Жизни», одно время выпускал газету «Искра»; затем выходила «Наша рабочая газета» в Петрограде, «Вперед» и «Всегда вперед» в Москве, которые редактировал и где писал Мартов. Ему удалое поместить в с. д. журнале «Мысль», выходившем в Харькове серию статей о «Мировом большевизме», впоследствии вышедших отдельным изданием в Берлине (1923 г.). Под редакцией Ю. О. вышли также в Москве два сборника статей «За год» (1919) и «Оборона революции» (1920), в которых излагается официальная позиция меньшевизма эпохи военного коммунизма и гражданской войны.

Однако внутренняя политика в России и после победы большевиков в гражданской войне не эволюционировала сторону демократии. Аресты меньшевиков в 1920 году учащались. Юлия Осиповича большевики подвергли только домашнему аресту. Но его болезнь и необходимость установить непосредственный контакт с социалистическим движением Европе побудили Центральный Комитет поставить вопрос об отъезде Мартова за-границу. Власти выдали Мартову, а за тем и Абрамовичу, заграничные паспорта. Очутившись в Берлине, представители меньшевиков, по соглашению с Ц. К. России, поставили издание «Социалистического Вестника» Первый № вышел в феврале 1921 г. незадолго до того, как Ленин объявил НЭП в России, который, как известно, соче- {99} тал уступки капитализму в области хозяйства в городе и в деревне с усиленной практикой «бережного держания в тюрьме меньшевиков и эсэров».

НЭП в России, вырванный у большевиков прежде всего крестьянскими волнениями и восстанием в Кронштадте, — с одной стороны, и знакомство с действительным положением в Европе — с другой, побудили Мартова придти к выводу, что перспективы крушения капитализма и шансы социалистической революции на Западе не те, как они намечались им в «апрельских тезисах» 1920 года. В ином свете выступала и советская действительность после Кронштадта, и в ряде статей, опубликованных Ю. О. в «Социалистическом Вестнике», особенно в статье о пересмотре партийной платформы в 1922 г., Мартов сам приближается к выводу, что в новой обстановке социалистической оппозиции необходимо вновь отстаивать развернутые лозунги формальной демократии, добиваться реалистического подхода к проблемам народного хозяйства и отказа от оказавшихся несостоятельными социализаторских экспериментов. Смерть, последовавшая весной 1923 года, оборвала преждевременно творческую жизнь Ю. О. Мартова, на которого возлагались еще такие надежды и русским меньшевизмом и иностранными социалистами, среди которых Юлий Осипович пользовался громадным уважением и глубокими симпатиями...

В 1922 г. в Берлине в издательстве Гржебина вышли «Записки Социал-демократа» Мартова, в которых в увлекательной форме и с большой правдивостью описаны юность Ю. О., его первые шаги на революционном и социалистическом пути, — в том числе Виленский период и период создания Союза борьбы в Петербурге. Изложение заканчивается описанием трехлетней ссылки в Туруханском крае. Болезнь и смерть помешали составлению второго тома «Записок», из которых написана была (и опубликована в «Ленинском сборнике», т. 1) одна небольшая глава, посвященная совещанию в Пскове весной 1900 г. со Струве и Туган-Барановским, где был заложен «Тройственный союз» (Мартов, Ленин, Потресов) для издания «Искры».

В нашей статье мы сделали далеко не исчерпывающую попытку дать схему дальнейших этапов жизни и литературной деятельности Ю. О. Мартова. {100}

Не имея возможности хотя бы бегло коснуться характеристики незаурядной, даже замечательной личности Юлия Осиповича, — не только как деятеля, но и как человека, мы позволим себе закончить этот очерк двумя-тремя отзывами людей, которые знали Мартова, встречались с ним и любили его. В этих отзывах, на наш взгляд, в концентрированной форме выступает Ю. О., как живой, со всем своим интеллектуальным, моральным и человеческим, подлинно-неповторимым своеобразием.

А. Кремер рассказывает о том впечатлении, которое производил Мартов на виленцев, когда в начале 1893 года, в 20-летнем возрасте был выслан в Вильно и провел там почти два года. «Что с первого взгляда, — пишет

он, — поражало в Мартове, это его молниеносная быстрота в мышлении, речи, чтении и письме. Мартов обладал колоссальными способностями, необыкновенным умением ориентироваться, чрезвычайной... остротой мысли и феноменальной памятью. Острота мысли преобладала у него над всеми остальными качествами ума. Его необыкновенный аналитический ум часто заставлял его критически относиться даже к бесспорным истинам... Его бескорыстие, его беззаботность к себе были безграничны. Это была с головы до ног кристально-чистая душа. Кому бы не приходилось столкнуться с Мартовым, тот не мог его не полюбить».

Прошло несколько лет. За плечами у Мартова был немалый революционный стаж. Он изведал Петербургские Кресты и Туруханск. Заграницей без его ведома уже появился ряд его работ, написанных в ссылке, в подполье. Вот как описывает П. Аксельрод свои первые встречи с Юлием Осиповичем и какую оценку он дает его личности. «Когда по приезде его заграницу, я впервые познакомился с ним — пишет Аксельрод, — он сразу произвел на меня впечатление человека исключительной моральной и интеллектуальной силы. Обаятельно и, можно сказать, импонирующе действовали на меня неустанно работающая в нем творческая мысль, духовность, если можно так выразиться, всей его натуры, отрешенность его от всяких будничных житейских интересов и глубокий идеализм, как бы пронизывающий его существо». И, вспоминая роль Мартова на заре меньшевизма, на 2-ом съезде партии (и как бы противопоставляя его появившейся тогда новой, аморальной категории с. д. деятелей, сложившихся под эгидой Ленина), П. Аксельрод пишет: «Не обуреваемый честолюбием и властолюбием, презирая всё, что напоминает интригу, подсиживание, {101} демагогию», таков был Юлий Осипович в начале 20 века в 30-тилетнем возрасте, в расцвете духовных сил и политической активности.

И в заключение хочется привести небольшую цитату из известной параллели, проводимой А. Н. Потресовым, между тремя самыми выдающимися деятелями русской социал-демократии, — Плехановым, Лениным и Мартовым.

«...Не только Плеханов, этот основоположник русского марксизма, — пишет А. Н. Потресов, — но и Мартов имел все основания оспаривать у Ленина его влияние на слагающуюся партию. И, пожалуй, Мартов еще больше, чем Плеханов. Ибо по направлению своих способностей, сосредоточенных на злободневных задачах политики, на нуждах движения, он был более доступен и близок людям, чем теоретик Плеханов. Бесподобный публицист и многоопытный практик, с 18-летнего возраста окунувшийся в самую гущу борьбы, он чрезвычайно ценился Лениным, и я помню Ленина, в особенности, в 1901 году, когда этот несклонный к чувствительности человек говорил о Мартове с

нескрываемым чувством восхищения. В партийной же организованной среде трудно было найти другого, более популярного деятеля... Мартов был положительно неутомим в своем общении с людьми, всегда готовый расточительной рукой сыпать блестки своей вдумчивой и впечатлительной мысли. Он был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем». {102}

Д. Ю. ДАЛИН
Обрывки воспоминаний

ЛЕТОМ 1919 года, ко мне обратился, при посредстве одного общего знакомого, Юрий Ларин со странным, во всех отношениях неожиданным предложением. Мне было сообщено, что он предполагал сделать его Мартову, но в виду отсутствия последнего из Москвы, просит меня передать кому следует. Предложение состояло в том, чтоб меньшевики приняли участие в правительственной работе, для начала сосредоточив свои усилия на экономической области. В частности, Ф. И. Дан должен был вступить, по этому плану в Высший Совет Народного Хозяйства в качестве товарища председателя; другие видные меньшевики заняли бы подобные же посты в столице и провинции. Это было бы — мне заявили — началом того «соглашения», о котором Мартов и его единомышленники говорили и писали, начиная с осени 1917 г. и который считался чем-то вроде лозунга «левого меньшевизма».

Странно было, что предложение это исходило от Ларина, хотя он и подчеркивал, что действует в согласии с «вождями». Известно было, что Ларин был в это время другом Каменева; но и Каменев, было известно, стоял на «правом» крыле своей партии, слыл чем-то вроде соглашателя и далеко не во всем был в согласии с Лениным. Почему же именно Ларин?

Но с другой стороны ясно было, что предложение было обдумано. Не предлагали меньшевикам просто вступить в правительство; даже пост председателя Высовнархоза ((ВСНХ) для них не намечался. Дан должен был, с одной стороны, служить столпом «соглашения», а с другой, заложником и работать под строгим контролем.

В это время Мартов проводил несколько недель на даче, в окрестностях Москвы. Этот факт сам по себе был показате- {103} лен: это был самый разгар гражданской войны, страсти в обоих лагерях разгорелись до пределов; но меньшевистские организации и партийная жизнь были парализованы, большинство вождей разъехалось, а идейный руководитель имел возможность взять отпуск на несколько недель и уехать из столицы. Он не уехал бы, если б оставалась хотя бы малейшая надежда на какую-либо активность.

В это воскресенье стояла нестерпимо жаркая погода, и я был рад, когда нашел извозчика, согласного поехать так далеко, в те дачные места. За

городом голодная лошадь медленно тянула коляску через глубокий песок. Не без труда я разыскал тот дом и ту семью, где Мартов проживал. Когда я ему передал о сделанном предложении, его ответ был категорическое и окончательное нет. Он тоже не был уверен, говорил ли Ларин от имени Ленина, но во всей политике советского правительства того времени не было тех элементов, того поворота, который давал бы малейшую надежду на соглашение. Террор продолжался с неослабной силой, насаждались Комбеды, «социализация» продолжалась. При этих условиях включение нескольких меньшевиков в руководящие органы советского хозяйства было бы даже не соглашением большевизма с меньшевизмом, а капитуляцией последнего. Предложение Ларина (или Ларина-Каменева? или Ларина-Ленина?) ему представлялось подвохом.

Он не счел даже нужным отложить решение вопроса, чтоб иметь время опросить других вождей своей партии, — так ясно было ему положение. Сказать Ларину, что окончательный ответ будет через неделю, означало бы, что предложение обсуждается серьезно в меньшевистской «головке». Нисколько не склонный к превышению власти и личной диктатуре, Мартов просил меня передать Ларину о полном и окончательном отказе.

Впрочем, Мартов не оставил идеи соглашения, всё чаще называя ее, однако, «нормативной» идеей, но всё меньше веря в ее реальность. За «нормативную идею» соглашения и Мартов и другие вожди левого крыла держались потому лишь, что на этих путях они видели возможность благополучного и «демократического завершения» революционного развития. Исходя из исторических и идеологических соображений, Мартов стоял за «соглашение», сознавая в то же время полную невозможность его реализовать. Это было противоречие. Но и в самом характере Мартова, в его многосторонности, в его {104} умении сочетать сотни за и против заложены были противоречия, достигшие в этот после-революционный период трагических размеров.

Осенью 1920 г. Мартов решил ехать в Германию, чтоб выступить с докладом на съезде Независимой Социалистической Партии. В этой партии шла борьба двух течений и Зиновьев был приглашен как докладчик со стороны левых. Наркоминдел выдал Мартову паспорт без труда. Этот неожиданный либерализм объяснялся, однако, очень реалистическим политическим расчетом Ленина. Мне сделалось это ясно, когда через несколько месяцев я также обратился за паспортом в Наркоминдел.

Я знавал Литвинова раньше, в Лондоне: мы встречались в 1913 или 1914 г.г. Когда я зашел к нему, в начале 21 г., и заявил о желании получить паспорт, я ожидал прямого отказа: ведь незадолго перед тем я выступал на восьмом Съезде Советов с оппозиционной речью, требуя отмены продразверстки и замены ее налогом. К моему удивлению, Литвинов не

отказал; к еще большему моему удивлению, он сказал: — Напишите заявление, надо спросить Ленина. Приходите через неделю за ответом.
— По такому, в сущности, маленькому делу опрашивать самого «вождя мирового пролетариата»?
— Иначе невозможно, – загадочно сказал Литвинов. Я написал «заявление» («прошения» были отменены, но сущность осталась та же), а когда я вернулся через неделю, Литвинов показал мне мое заявление с резолюцией Ленина, чтоб паспорт выдать. Литвинов объяснил:
— Ленин находит, что здесь вы все много вредите; будет лучше, если вы окажетесь заграницей. Там по крайней мере вы выступаете за признание советской власти.
В этот момент Ленин уж готов был повернуть к НЭП-у, и тем важнее было не подавать вида, что это уступка оппозиции.
Мартов так и не вернулся после этого в Россию.
Вспоминается небольшая картина из истории личных отношений Мартова и Ленина. Я помню заседание — вероятно зимой 1917-18 г., — где за председательским столом сидел и {105} Ленин; не могу вспомнить — ведь это было больше 40 лет назад — какой это был комитет или какая это была другая организация. Небольшая комната, человек 100; за небольшим столом Мартов говорит речь. Он не называет Ленина по имени, но по официальному «председатель совета народных комиссаров». У узкой стороны стола сидит Ленин и, повернув голову к оратору, с напряжением смотрит ему в лицо. Мартов говорит о самодеятельности народа, о живом общественном движении, потом, в этой связи говорит о старом земстве и то, что он говорит, делается туманным, даже непонятным для слушателей. Мне становится ясным, что, обращаясь к собранию, Мартов говорит прямо с Лениным, напоминая ему о каких-то давнишних разговорах, быть может когда они были еще друзьями, быть может в Лондоне. Ленин смотрит и явно понимает о чем идет речь.
Когда Мартов кончает, мы с ним вместе выходим из помещения. Он говорит:
— Неправда-ли, я удачно вышел из затруднения, называя его (председателем совета народных комиссаров. Я не мог назвать его товарищем, и не хотел назвать его ни господином, ни гражданином.
— У всех людей два глаза. У Мартова есть еще два глаза сзади в голове, — говорил его друг Павел Лапинский и прибавлял: — И такова вся меньшевистская политика под руководством Мартова.
Павел Лапинский-Михальский, большой личный друг Мартова в годы первой мировой войны, а затем и в Москве и в Берлине, был польский социалист из «левицы» ППС. Ровесники и почти единомышленники, они сблизились на циммервальсдокой и кинтальской конференциях, подчас выступая совместно против «правой» и «левой». Нельзя сказать, что Лапинский оказывал влияние на Мартова, это было-б слишком много.

Но Мартов внимательно прислушивался к его голосу и рад был соглашаться с ним. Анжелика Балабанова рассказывает в своих воспоминаниях о том швейцарском периоде: «Совсем другого рода обаянием и влиянием пользовались Ю. О. Мартов и П. Л. Лапинский. Оба выдающиеся, интеллектуальные, критические и, в то же время, творческие натуры, они вносили в официальные работы (Циммервальдской) комиссии, в плодотворные частные беседы совершенно другого рода, не поддающийся внешнему {106} учету, вклад. Они углубляли или, если можно так выразиться, осложняли подход и решение многих вопросов, опускаясь в гущу теоретических предпосылок, поднимая их над уровнем повседневных, чисто-конкретных интересов, освещая их политически».

Умный, очень образованный, знаток европейской литературы и искусства, Лапинский, как и многие другие, не умел найти себе окончательное место. Ему трудно было переварить ленинский большевизм. Демократические «партии были для него «контр-революционны», а история Французской революции, которую он знал во всех деталях, представлялась ему и как образец, и как назидание. Позднее Лапинский, подобно многим таким же бездомным революционерам, пошел на сближение с ленинизмом, принял назначение на видные посты в Наркоминделе и вероятно играл за кулисами некоторую роль в эру Литвинова. Затем его втянули в работу Коминтерна, и он, не сознавая безвкусицы этого, писал большие, довольно нелепые доклады против социалистического реформизма. Лапинский пережил Мартова; Сталин расстрелял его в одну из своих чисток.

— У Мартова, — говорил он, — есть способность угадывать на расстоянии мысли друзей и противников. Он не умеет, как другие вожди, просто отвергнуть всё, что ему не по душе; от него критика не отскакивает, как например от Ленина. Он видит зерно истины и в атаках своих врагов; он ловит их идеи, он их продумывает и переваривает. Ленин видит слабые стороны своих противников и нещадно бьет в эти слабые точки. Мартов видит сильные стороны своих противников и когда он вырабатывает свою тактическую линию, он учитывает все мыслимые, даже воображаемые возражения.

В этом отношении Мартов олицетворял ту небольшую в сущности группу революционных деятелей, которые, отвергая белое движение во всех его формах, отказывались примкнуть и к ленинизму и осуждены были на политическую эмиграцию, всё равно оставались-ли они в стране или уходили из нее.

Я встречал Мартова два-три раза в Париже перед первой мировой войной, но не имел с ним личного контакта. Ближе я познакомился с ним летом 1917 г. в Петрограде. Первый серьезный разговор имел место при следующих обстоятельствах. {107}

Весной 1917 г. имели место выборы в Петроградскую Городскую Думу; среди избранных был и я. До Февральского переворота в Думе не было «левых» элементов; да и либералы были представлены не очень значительно. Теперь всё изменилось, и надо было устраиваться в незнакомом учреждении, где всё было чуждо. Когда зашла речь о том, как рассадить политические группы, нам казалось естественным, что группа большевиков займет крайние левые скамьи.

Некоторые из меньшевиков решительно восстали и потребовали для своей фракции крайний левый сектор: мы, мол, самые революционные из всех российских политических партий, никто нас не переплюнет в революционности. Это было наследие прошлого, но очень важное наследие, и историкам революции не удастся объяснить многое, если они не углубятся и не разберутся в этом психологическом комплексе. Некогда народники-террористы претендовали на крайнюю степень «революционности», потом Плеханов и марксисты много трудились над тем, чтоб доказать свое превосходство над эсерами по этой части. В борьбе течений внутри социал-демократической партии каждая фракция обвиняла другую в том, что она «в сущности» мелко-буржуазная и нереволюционная.

И вот теперь представился случай предъявить на деле претензию на крайнее место в спектре революционных партий. Так как мнения разошлись среди депутатов-меньшевиков, решили спросить Мартова. К этому времени Мартов еще не 1был официальным вождем партии; он был лидером «интернационалистского» меньшинства. К нему обратились потому, что, казалось, в вопросах, связанных с историей и идеологией он является наибольшим авторитетом. Нас было 4 или 5 человек. Мартов слушал нас, по своему обыкновению не глядя в лицо, как бы сосредоточенно слушая и думая. Это была его постоянная манера — говорил-ли он на большом собрании или вел частный разговор, он смотрел вниз, не глядя в глаза, как бы страстно переживая свою тему. На мгновение он подымал глаза, бросал взгляд на своих собеседников и, как бы охватив всех и всё мимолетным взглядом, продолжал по-прежнему смотреть вниз, думать и говорить. Была в этом особенная сила, сочетание скромности со страстью и глубокой мыслью, когда он своим хриплым голосом — он был уже болен туберкулезом — излагал передуманное и перечувствованное. {108}

Один из нас стал излагать ему вопрос: новое положение в Городской Думе, наши большие возможности и наши первые проблемы. Мы имеем возможность, говорил он, посадить всю меньшевистскую фракцию на крайне левые места.

Мартов, по обычаю, вскинул глаза, потом опустил их, потом минуту помолчал и вдруг необыкновенным, раздраженным голосом, чуть не фальцетом, закричал:

— Ни-за-что!

Он быстро успокоился и начал методически объяснять: нам нечего пытаться переплюнуть большевиков по этой части. Конечно, они бланкисты, авантюристы, вспышкопускатели, демагоги; конечно, они не революционеры в том смысле как марксизм понимает это слово. Тем не менее, надо уступить им крайние левые места. Мы не пойдем с ними на такие акты, как братание на фронте, мы не будем вместе с ними свергать Временное Правительство, хотя мы с последним и не согласны; мы не будем призывать армию расправляться с ее офицерами.

Отношение Мартова к «правому течению» в своей партии было воинственно-отрицательным; он говорил о «правых» с раздражением и возбуждением, и в этом отношении мало что изменилось в последний период его жизни. Борьба с правыми в партии поглощала большую часть его внимания, сил и мыслей. Он отвергал вооруженную борьбу против большевизма, осуждал попытки восстановить Учредительное Собрание на востоке, осуждал иностранную интервенцию и всех, кто ее поддерживал, и во внешней политике требовал признания советского правительства. Вскоре после того как Учредительное Собрание было распущено в Петрограде, Мартов говорил и повторял, что «история перешагнула через Учредительное Собрание». Его новая программа гласила: «свободные выборы в советы». Эту идею он развивал — и внушал ее партии — еще до того как первая советская конституция была провозглашена.

Была идейная цельность в этой программе, но в ней было мало политического реализма. Ее хорошо понимали и одобряли многие социалистические партии заграницей, как программу легальной оппозиции в рамках советского строя. В России, однако, слабость мартовской программы состояла в том, что Ленин и не думал терпеть ни легальной, ни нелегальной оппозиции и каждое слово критики с не-большеви- {109} стской стороны рассматривал как контр-революцию. Между тем к обвинению в контр-революционности Мартов был очень, пожалуй даже слишком чувствителен. Он стремился занять такую позицию, которая была бы чем-то средним между большевизмом и «революционной демократией». Это было более чем трудно; а для партии, которая хочет быть большой и активной, это было просто невозможно.

— Вы ходите по острию ножа, — говорил Латинский, — в этом «положении трудно удержаться и каждую минуту Вы рискуете свалиться в ту или другую сторону.

Действительно, трудно было держать этот курс. 1918 и 19 г.г. заполнены были, в истории меньшевистской партии многочисленными порицаниями, исключениями, осуждениями отдельных лиц и целых групп: за участие в восстании, за поддержку иностранной интервенции, за нарушение партийной дисциплины. Это был очень тяжелый период в политической жизни Мартова. Он понимал не хуже других

деморализующее и разлагающее действие этих систематических исключений и отлучений. Но иного выхода не было. Он предпочитал — и отдавал себе отчет в том, что идет по этому пути — остаться вождем небольшой группы преданных, не-большевистских революционеров, чем деятелем большой партии, которую, по его мнению, не без основания можно было бы назвать контр-революционной.

Мартов очевидно знал заранее о предстоящем переходе Ф. Дана на левые позиции: он нисколько не удивился, когда Дан, незадолго перед тем вождь «меньшевиков-оборонцев», заявил в заседании Центрального Комитета, что он изменил свою позицию и ныне относится отрицательно к углублению «раскола в рабочем классе». «Раскол в рабочем классе» был обычным в то время термином для определения отношений между меньшевизмом и большевизмом. По понятиям того времени большевизм был одной «ветвью рабочего движения», меньшевизм — другой. Вооруженную борьбу надо заменить политической, в легальных рамках, а последняя «неизбежно» привела-бы к соглашению. Такова была позиция Мартова; присоединение к ней Дана усиливало «левых», и без того впрочем составлявших уже большинство в руководящих партийных органах.

Воспринимая основные идеи Мартовской политики, Дану трудно было, однако, остановиться на той промежуточной позиции, которую занимал Мартов. Дан теперь осуждал правых не менее решительно чем Мартов; но по складу своего {110} характера он не удовлетворялся хождением по острию ножа; он искал более твердой почвы. Политика Мартова была тонким кружевом; Дану нужна была крепкая материя. Мартов поражал каждый день блестками оригинальных мыслей; Дан держался годами за раз воспринятые формулы и идеи, вроде «углубления раскола», «угрозы бонапартизма» и др. В борьбе с «правыми» с.-демократами Дан теперь шел дальше Мартова.

Незадолго до приезда Дана в Берлин — это было зимой 1921-22 г. — Мартов получил от него письмо из Москвы на 5 страницах плотной голубой бумаги (тогда писали на чем попало, и по бумаге можно-б думать, что это любовное послание). На этот раз Мартов не прочел нам целиком этого письма. Но он был очень удручен. В тех абзацах, которые он громко читал, Дан не развивал цельной программы, но курс его был ясен. Мартов был подавлен.

Вскоре затем Дан приехал в (Берлин. Наметились ли новые разногласия в тот короткий период до смерти Мартова, который они провели вместе, не помню; едва-ли всё прошло гладко. Но в этих разногласиях 1922-23 г.г. уже наметилась дальнейшая эволюция Дана, который во второй половине 1920 годов требовал поддержки Троцкого и троцкистов в борьбе против «правой оппозиции», затем в 30-ых г.г. создал свою фракцию и свое «левое» течение в рамках Заграничной Делегации и «Социалистического Вестника»; и, наконец, в годы второй мировой

войны усвоил политический курс, который многим друзьям Мартова представлялся очень далеко идущим отходом от мартовских позиций...
В первых числах апреля 1919 г. почти все активные деятели меньшевиков оказались арестованными, а в числе их был также и Юлий Осипович. Но в то время как все арестованные были отправлены в Ч.К., а оттуда в Бутырскую тюрьму, Мартов содержался под домашним арестом. Это был исключительный случай. Я не знаю других случаев домашнего ареста по отношению к не-коммунистам в это время. Мой адрес по случайным причинам не был известен Ч.К. и я оставался на свободе. Все сильно тревожились за судьбу Юлия Осиповича, никто не знал, понимает ли Чека под домашним арестом то, что обычно понимают, или же она придумала что-нибудь особенное, что могло внушать самые худшие опасения. На второй день я позвонил по телефону к Мартову. {111} Но у телефона появился один из охранявших его чекистов и объявил мне, что «тов. Мартов не имеет права говорить по телефону». Пришлось пуститься на хитрость.
Часа через три зашел я в профессиональный союз печатников, где мог свободно пользоваться телефоном (я жил в эти дни не дома). Я позвонил по телефону к Мартову и потребовал дежурного агента. Очень решительным голосом я ему заявил:
— Говорит председатель МЧК, Мессинг. Как ваша фамилия?
Он назвал себя.
— Всё ли в порядке у Мартова? Не приходил ли кто? – Он дал успокоительные ответы, и тогда я приказал ему:
— Позовите самого Мартова к телефону! Когда Юлий Осипович подошел к телефону, я ему в двух словах объяснил, в чем дело:
— Держитесь со мной как с председателем МЧК. – Не пришлось долго объяснять. Мартов сразу вошел в свою роль, и вдруг на меня посыпался град самых энергичных выражений:
— Я заявляю самый решительный протест против этого безобразия. Я требуют немедленного удаления стражи! Или же переведения меня в Бутырскую тюрьму.
Последние подозрения дежурного чекиста, который стоял тут же подле Ю. О., были очевидно рассеяны. Я стал расспрашивать о состоянии здоровья. Мартов отвечал, конечно, очень сухо и коротко, пересыпая ответы каждые две-три минуты «самыми решительными протестами». Я узнал, однако, что он совершенно здоров, имеет достаточное питание и, несмотря на назойливость охраны, чувствует себя в общем вполне удовлетворительно.
Но что сделать для его освобождения? Один из его личных друзей обратился к Луначарскому. Луначарский тут же в его присутствии, позвонил по телефону Ленину.
— Нет — заявил Ленин, — его освободить нельзя. Мартов слишком умный человек: пускай посидит.

Через несколько дней, однако, режим домашнего ареста у Мартова смягчился. Бойкая и ловкая прислуга квартиры, где жил Мартов, сманила чекистов на кухню, где они стали весело проводить время. Это было уже малой хартией вольностей для Мартова.
А еще через несколько дней арест был снят. {112}
В политической биографии Мартова война с Польшей 1920 года займет большое место — это был один из тех случаев, когда Мартов подымался на большую высоту, обнаруживая необыкновенную проницательность и ту исключительную интуицию, которая сделала его идейным вождем своей партии.
Таких больших актов интуиции в жизни Мартова, по моему мнению, было три. В первый раз он обнаружил свои способности на втором съезде партии, когда в сухом «первом параграфе» устава в ленинской формулировке, разглядел контуры будущей диктатуры в партии и диктатуры в стране — и повел свою фракцию на раскол. Вторым случаем было (публичное разоблачение Мартовым «Спасители или Упразднители?», 1911 г.) денежных операций ленинского Ц. К., его связи с «экспроприациями» и др. Принципиальная аморальность и неразборчивость в средствах были так ясны и так отвратительны, что Мартов не мог промолчать; он чувствовал, что если когда-нибудь, в более благоприятных для большевизма условиях, эти элементы политики и характеров найдут новое поле для применения, из них вырастет и принципиальное беззаконие, и красный террор, и вся мерзость сталинских чисток.
Третьим случаем — не менее важным, хоть и менее известным, была позиция Мартова в период польско-советского конфликта. В оборонительной фазе войны — апрель-май 1920 г. — Мартов видел уже ростки будущей агрессивной операции против Запада: «Ленин наверно считает свою тактику чертовски-хитрой», говорил Мартов, и поэтому надо громко объявить о своем отношении к «зондированию Польши штыком» и «несению революции на острие штыка». В сущности, в политике Ленина того времени уже были заключены сталинские походы 40-ых г.г., создание сателлитной империи и наступательные операции советского правительства в 50-ых г.г., которые сделались первой мировой проблемой в наше время.
Когда польские войска, перейдя советскую границу в последних числах апреля 192'0 г., стали теснить Красную Армию, быстро продвигаться на восток и приближаться к Киеву, не было сомнения, что война носит для России оборонительный характер. Так смотрели на это и не-большевистские партии. Эсеры подали заявление об этом их отношении в пре- {113} зидиум Московского Совета; генерал Брусилов и другие офицеры старого времени заявили о готовности работать для Красной Армии. Меньшевики объявили мобилизацию членов партии для войны.

На 5-ое мая назначено было торжественное «Соединенное заседание Московского Совета, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов» по вопросу о войне с Польшей; кто-либо из меньшевиков, очевидно, Мартов, имел возможность получить слово. Для подготовки состоялось незадолго до того — вероятно накануне — заседание Центрального Комитета. Оборонческая позиция в этой войне не вызывала возражений; помнится, не было сомневающихся. Но для многих было неожиданным предупреждение Мартова: из отдельных фраз, обрывков речей и мимолетных замечаний Ленина и других вождей русского коммунизма у него сложилось твердое убеждение, что, если удастся Красной Армии отбросить поляков и перейти в наступление, ей приказано будет прорваться на запад, занять Варшаву, пройти в Германию и возобновить борьбу с Антантой. Поэтому необходимо, находил Мартов, с самого начала ограничить «оборончество» партии в этой войне чисто-защитительными целями и, как это ни трудно в этот момент, заявить протест против планов военной агрессии против запада.

Действительно, это было и трудно и опасно. Поляки всё еще одерживали победы и голоса оппозиции, всяческие возражения квалифицировались бы как измена. Время было жестокое, кровавое; чека бесновалась. Помню лишь одного из членов Центрального Комитета — одного из старейших — который осторожно возражал Мартову; видно было, что к политическим соображениям у него примешивался и вполне естественный, законный страх. Решение было принято в согласии с предложением Мартова и ему поручено было сделать заявление в заседании Совета. Много личного мужества требовалось для этого выступления.

У меня нет полного текста его речи; не знаю можно-ли его найти. Сокращенное изложение ее, по-немецки, имеется в брошюре, изданной вскоре в Берлине. Получив слово после Ленина и других официальных ораторов, Мартов заявил о поддержке политики обороны и выразил уверенность в победе. Но затем, осторожно выбирая слова, он говорил: «Мы надеемся, что советское правительство в этой ему навязанной войне сумеет избежать внесения всякого элемента, который при- {114} дал бы этой оборонительной войне националистический[1] характер, чтобы таким образом не дать возможности польским имущим классам представить польским массам эту войну так, будто она является продолжением того старого спора, который существовал еще при господстве царей в России. Исходя из этого убеждения, наша партия заявляет, что она будет поддерживать каждый шаг советского правительства, направленный на то, чтобы то возможности скорее закончить эту войну и заключить приемлемый для обеих сторон мир, который обеспечит нашей революционной стране возможность мирного

строительства». Мартов требовал от правительства «более прочного курса, продолжения переговоров с лимитрофами» и исправления «всего того вреда, который был причинен в последнее время».
Мартова поняли; ему не дали дальше говорить. Пресса замолчала эту критическую часть его речи, или скомкала ее так, что понять ничего невозможно было. «Известия» писали, что «Мартов стал нудно и довольно слабо-обоснованно критиковать отдельные дипломатические шаги правительства... Стали раздаваться возгласы «довольно». Мартову пришлось скомкать свою речь». «Правда» говорила, что Мартов обещал поддержку, но... «никак не мог удержаться от соблазна вспомнить все смертные грехи советской власти; возмущенное собрание лишило его этого удовольствия».
Лишь значительно позднее стало известно, какие планы зрели в то время в ленинской «верхушке». Мартов был прав: наступление на Польшу — Германию было личной идеей Ленина, к которой он постепенно склонял колеблющихся. Среди последних были Троцкий, Сталин, Рыков и Радек; их Ленин переубедил. Троцкий пишет в своих воспоминаниях, что сам он так и остался при своих возражениях; однако, каково было его отношение к тактике «революционной войны» не совсем ясно.
В июне Красная Армия перешла в контрнаступление. Когда она подошла к польской границе, английское правительство предложило 12 июля перемирие на условиях, сравнительно благоприятных советской России. Ленин отклонил и телеграфировал Сталину на фронт: «Прошу ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления». А 30-го июля в Белостоке «возник» Польский Революционный Комитет из {115} польских коммунистов, прибывших из Москвы, под председательством Мархлевского; это был зародыш польского марионеточного правительства. В своей прокламации он приглашал поляков изгонять капиталистов и строить Польскую Советскую Социалистическую Республику. (Эту технику революционной войны в сочетании с «невмешательством» Сталин повторил в 1939 г., когда для войны с Финляндией он организовал революционное правительство под премьерством Куусинена).
Красная Армия была отбита, не дойдя до Варшавы. Вскоре Ленин признал как далеко он метил в связи с польской войной.
«Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России. Она не имела бы тарана против советской республики... Вопрос стоял так, что еще несколько дней

победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир...
«Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к нам лежит центр всей системы мирового империализма, покоящийся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся всецело в руках Антанты, является настолько могущественным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система... С приближением наших войск к Варшаве вся Германия закипела».
Обращаясь к съезду в Галле несколько дней спустя (в октябре 1920 г.) Мартов рисовал те же события следующим образом:
«Русская красная армия приближается к воротам Варшавы, организованные рабочие Англии и других стран, помня о многократных торжественных обещаниях советского правительства заключить мир с Польшей, как только она откажется от своих завоевательных планов, развивают максимальную энергию, чтобы принудить Антанту не оказывать Польше помощи и тем заставить Польшу сделать пред- {116} ложение о мире. Это достигнуто. Но красная армия продолжает продвигаться к Варшаве, переходит за Вислу, занимает Сольдау, а советская дипломатия явно для всех затягивает начало переговоров и, когда они наконец наступают, предъявляет польскому правительству требования, равносильные отказу этого правительства от власти, то есть, рассчитанные на то, что оно не сможет их принять. И все это делается после торжественного заседания Петербургского Совета, председателем которого является Зиновьев, и который принимает и публикует резолюцию: никакого мира с Польшей, пока в ней не свергнута буржуазия и не установлена советская республика! И всё это после того, как, вслед за красной армией, составленный из польских эмигрантов Революционный Комитет берет на себя роль временного правительства Польши, импортированного из России!..
«Зиновьев здесь заявил, что большевики не пытались втянуть Германию в новую войну с Антантой. Неверно! Не кто иной, как Троцкий, в разгар русских побед сказал в одной из речей: Мы дадим бой Антанте на Рейне. В Сольдау офицеры и комиссары красной армии в своих речах к демонстрировавшим германским националистам заявили, что Россия возвращает Западную Пруссию германскому отечеству. И, чтобы закрепить этот трогательный союз между германскими националистами и большевиками, начальник армии успокоительно публиковал: в виду аграрного характера этой провинции в ней не будут введены советы».
Не болезнь была самым тяжелым переживанием в последние годы Мартова — о болезни он не любил и не умел говорить — а упадок сил и распад того движения, которому он отдал свою жизнь и вне которого ничего для него не было.

В те годы, 1922-3, смутные надежды переплетались с отчаянием и разочарованием. Минутами казалось, что «что-то начинается» — были крестьянские движения, забастовки, известия о «рабочей оппозиции» против Ленина; думали, что после гражданской войны новая мирная атмосфера должна вызвать новые общественные движения. Строили «перспективы», делали «прогнозы».

Но вера в свои собственные прогнозы и перспективы была уже надломлена. Черви сомнения всё разъедали. О сомне- {117} ниях, которые росли, начиная с 1918-19 г.г., не принято было говорить меж собой; выводы были бы трагические. Помню, как все смутились, когда Звездин, приехав из Москвы в Берлин, вдруг высказал открыто:

— Кто знает, может быть, всё это напрасно, быть может, придется повести другую жизнь, пить токайское вино и целовать красивых женщин...

Но уйти было некуда, особенно для вождей не было выхода. Тяжкие думы уживались с активностью, сомнения — со страстной борьбой за пункты программ и платформ, из которых ни одна не имела реального значения. Этот внутренний надлом и был вероятно тем недугом демократии, от которого она так и не смогла оправиться. Не было уж той слепой, абсолютной, нелепой веры в скорое торжество своего дела, которая двигает горами и сокрушает всё и вся.

Чем более человек был чуткий и впечатлительный — а таковым был Мартов — тем раньше и тем сильнее он начинал ощущать эту трагическую безвыходность. Он продолжал писать, дискутировать; он страстно ловил сообщения, даже слухи из Москвы. Он был как будто тот же, всегда живой, остроумный собеседник и ядовитый спорщик. Но бывало, и все чаще в разговоре он вдруг замолчит, и, как-бы забыв о собеседнике, поникнет головой и закроет усталые глаза. Было тогда в воздухе и отчаяние и безнадежность — и раскрывалась страшная бездна... {118}

Примечания

[1] В немецкой брошюре употреблен термин «национальный»; это нелепо.

Б. Л. ДВИНОВ

Ф. И. Дан

В «Записках социал-демократа» Ю. О. Мартов писал: «Вскоре после приезда в Питер...[1] я познакомился с только что кончившим Дерптский университет врачем Ф. И. Гурвичем (ныне — Дан). Уверенность, с которой он, еще не участвовавший в практической революционной работе, и лишь путем теоретических занятий пришедший к социал-демократизму, говорил о партийных задачах, заставила меня с первых же встреч прозреть в нем будущую руководящую революционную силу.

Он сейчас же принял участие в наших усилиях прежде всего создать при помощи молодежи серьезный технический аппарат».

Мартов не ошибся. Прошло очень мало времени и как только в Петербурге разразилась знаменитая в истории рабочего движения России забастовка ткачей, в которой участвовало до 30.000 рабочих и которая положила начало массовому рабочему движению в России, Ф. И. Дан примкнул к этому движению. Годом раньше, когда в 1895 году был образован «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса», Дан сразу стал одним из руководителей этого зачатка социал-демократического рабочего движения в России. С тех пор и на протяжении полувека Дан оставался на посту одного из виднейших руководителей российской социал-демократии.

Федор Ильич Гурвич-Дан родился в Петербурге 19 октября 1871 г. (н. ст.). Его отец владел в Петербурге аптекой и считался состоятельным человеком. Для его матери это был второй брак, она имела сына от своего первого брака, и по семейным условиям дети воспитывались вне дома. Будучи студентом, Ф. И. лишился отца, что, впрочем, на его дальнейшую жизнь мало повлияло, так как Ф. И. не был привязан к дому. {119}

По окончании гимназии в Петербурге, Ф. И. поступил на медицинский факультет Дерптского университета, который и закончил, получив диплом врача. Здесь в университете, Дан познакомился со студентом Р., который уже был причастен к политике и даже успел подвергнуться политическим преследованиям. Это знакомство, надо думать, оказало на Ф. И. некоторое влияние. Решающим, однако, для всей дальнейшей жизни Ф. И. было то, что в годы своего студенчества он заинтересовался экономической, социологической и философской доктриной Карла Маркса, и в результате, Дан на всю жизнь стал убежденным марксистом, практическим выражением чего была его принадлежность к социал-демократическому рабочему движению. Это и было отмечено Мартовым.

Таким образом, путь Ф. И. Дана к социализму был не совсем для того времени обычным: не эмоциональный протест против политического режима царского самодержавия и гуманитарный протест против экономического и социального порабощения труда, а теоретическая подготовка, изучение трудов Маркса привели студента-Дана к борьбе с политическим режимом монархии и социальным строем капитализма. Таков был путь Дана, уже полностью сложившегося человека и практикующего врача, к революционной организации и социалистической доктрине, и Дан целиком отдал себя социал-демократии.

«К социал-демократическому движению Дан примкнул в 1894 году», свидетельствует Большая Советская Энциклопедия (изд. 1-ое, 1930 г., т. 12, стр. 314/315). Вернее будет сказать, что это были лишь зачатки

социал-демократического движения, весьма скромных размеров, в виде немногих рабочих кружков, которыми руководили немногие интеллигенты. Одним из них был Дан. Подлинная политическая и социалистическая деятельность Дана началась в 1895 году в связи с организацией Союза Борьбы за освобождение рабочего класса. После ареста руководителей центральной группы Союза в лице Мартова, Ленина и др., в центральную группу вошел Дан, приняв на себя функции арестованных. Здесь впервые Дан (и Потресов) пишет прокламации к рабочим и впервые пытается руководить массовым рабочим движением.

Недолго, однако, длилась работа Дана: в августе .1896 г. Дан подвергся первому аресту, который надолго прерывает его политическую деятельность.

Мартов был арестован в ночь на 5 января 1896 года. Одновременно был разгромлен весь центр Союза Борьбы. Од- {120} нако, пишет Мартов, «настоящая катастрофа разразилась в августе, когда из состава Союза были вырваны Ф. И. Гурвич, М. А. Сильвин, Н. К. Крупская». Совершенно очевидно, что руководство Союзом находилось в руках Дана.

После полуторагодичного заключения в Доме Предварительного заключения («Предварилка») и в Петропавловской крепости, Дан был выслан на три года в г. Орлов, Вятской губернии. Здесь он работал, как статистик и, благодаря своей теоретической подготовке, написал исследование «О положении крестьян в Вятской губернии», опубликованное в «Трудах» Вольно-Экономического общества. В то же время начинается публицистическая деятельность Дана, который, под псевдонимом Берсенева, публикует в журнале «Русская Мысль» статью в защиту марксизма против участников сборника «Проблемы идеализма».

Отбыв три года ссылки, Дан в 1901 году выехал в Берлин, где занялся организацией нелегального транспорта в Россию только что возникшей тогда в Мюнхене «Искры», сыгравшей потом историческую роль в деле создания Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Одновременно Дан помогает Карлу Каутскому в работе по расшифровке «Теории прибавочной стоимости» Маркса. В это время Ф. И. начинает сотрудничать в «Искре». По его рассказу, он весьма неуверенно и с большой опаской приступил к писанию своих первый статей в газете, и только настойчивости Мартова, убеждавшего его: «Вы умеете писать»... «Вы должны писать»..., Дан обязан был тем, что в «Искре» начали появляться его статьи, которые сразу выдвинули их автора в первые ряды социал-демократических публицистов.

В единой тогда социал-демократической партии не только Мартов высоко ценил своего будущего соратника, но и Ленин ставил ставку на своего будущего ярого противника. Когда Ленин написал свою знаменитую впоследствии брошюру «Что делать», ставшую потом «библией» большевиков, он первому послал ее — Дану, очевидно

рассчитывая найти в его лице единомышленника (в своей переписке Ленин называл Дана «наша надёжа») и был разочарован отрицательным отзывом Дана о брошюре (рассказ Дана автору этих строк). Это, однако, не помешало тогда именно Дану провезти эту брошюру Ленина нелегально в Россию.

В марте 1902 года Дан был делегирован «Искрой» на партийную конференцию, которая собралась тогда в Белостоке, и которая была подготовительной к будущему съезду партии. {121}

Дан провел конференцию и начал объезд промышленного района Центральной России, но был арестован на вокзале в Москве. (Дан был выдан полиции провокатором Меньшиковым, который впоследствии покаялся Бурцеву, сам стал эмигрантом и приходил в Париже каяться и к самому Дану)...

После нового полуторагодичного тюремного заключения Дан был выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Попав на Ангару, в Енисейскую губернию, Ф. И. немедленно пустился в обратный путь и прибыл заграницу по свежим следам недавно состоявшегося — в 1903 т. — Второго съезда РСДРП, который положил начало историческому расколу партии на большевиков и меньшевиков, с его последующим драматическим развитием. Совершенно естественно, что обе фракции пожелали иметь Дана в своих рядах. Здесь Ленин, с целью привлечь Дана в свою фракцию, предложил ему познакомиться с каким-то «секретным досье», которое должно было скомпрометировать меньшевиков. Результат был прямо противоположный: «досье» морально оттолкнуло Дана от Ленина, и с этого времени Дан окончательно определил свое место в социал-демократии, связав себя политически с Плехановым, Засулич, Аксельродом и Мартовым. Можно без преувеличения сказать, что с октября 1903 года Дан становится — рядом с Мартовым — признанным вождем меньшевистского течения в социал-демократии.

Дан становится членом редакции «Искры» и в то же время он неустанно работает над организацией партии. О положении, занятом в это время Ф. И. в партии можно судить по тому, что в 1904 году Дан пишет обстоятельный доклад о работе партии в России и делегируется на Международный Социалистический конгресс в Амстердам. Имя Дана становится известным Интернационалу.

Тем временем в России, потерпевшей жестокое поражение в войне с Японией, наростают крупные события, и Л. О. и Ф. И. Даны перебираются из Женевы, где тогда издавалась «Искра», ближе к русской границе — в Вену. Здесь, в Вене, их застает весть о событиях в России в октябре 1905 года, давших России суррогат парламентаризма, а Данам подлинную политическую амнистию, пользуясь которой они немедленно возвращаются в (Россию и поселяются в Петербурге. Дан принимает активное участие в организации первой легальной партийной газеты «Начало», соредактором которой он становится.

В то же время он возглавляет политическое руководство партией, работа которой сейчас весьма усложнилась легальными возможностями, созданными первой русской революци- {122} ей 1905 года. Новая политическая обстановка побудила обе части расколотой социал-демократической партии — большевиков и меньшевиков — сделать попытку достигнуть объединения и воссоздания единой РСДРП. С этой целью созывается в Стокгольме съезд партии, в президиум которого входит Дан, роль которого — при отсутствии на съезде Мартова — была тем более велика, что на съезде меньшевики оказались в большинстве. Дан входит в объединенный ЦК партии, избирается в редакцию центрального органа партии и на известный срок становится официальным лидером партии.

Скоро, однако, выясняется, что «акт объединения» является на деле «потерянной грамотой», что Ленин ведет, наряду с партийной активную фракционную работу, нисколько не считаясь с решениями «объединительного» съезда. В результате, общий ЦК «объединенной» партии распадается, и Дан берет на себя функции руководителя организации и политики меньшевиков. В качестве лидера партии Дан является одним из главных руководителей работы социал-демократических фракций Первой и Второй Государственных Дум.

Разгром Первой революции и торжество реакции в России завершается в 1907 году разгоном Второй Государственной Думы и третье-июньским государственным переворотом Столыпина. Начинается новая фаза политического развития России и новые условия работы для старых нелегальных социалистических партий. После ареста членов социал-демократической фракции Второй Г. Д. и после Лондонского съезда партии, Дан вынужден вновь бежать заграницу. Здесь он издает вместе с Мартовым, сперва в Женеве, а затем в Париже, меньшевистский «Голос Социал-Демократа» и принимает ближайшее участие во всех партийных совещаниях тех лет, столь богатых внутри-партийными спорами и фракционными расхождениями.

Годы реакции были использованы лидерами партии для подведения итогов первой революции, первой большой победы и не меньшего поражения. Результатом этой исследовательской работы явился т. н. «пятитомник», не потерявший своего значения и по сей день. В этом коллективном труде Ф. И. Дан участвовал как за своей подписью, так и под псевдонимом Данилов, концентрируя свое внимание на вопросах теории и идеологии, что имело большое значение для укрепления идей меньшевизма и определения позиции партии в последовавшие вскоре бурные годы Первой мировой войны. {123}

В связи с исполнившимся в 1913 г. 300-летием царствования династии Романовых была объявлена политическая амнистия. Пользуясь ею, Ф. И. Дан немедленно возвращается в Россию и поселяется в Петербурге. Дан, естественно, становится одним из главных руководителей партии и ее

печати, как «Луч», «Новая Рабочая Газета» или журналы «Наша Заря», «Дело жизни» и др. Вместе с тем Ф. И. политически руководит работой социал-демократической фракции Четвертой Государственной Думы.
Этой многосторонней деятельности Дана положила конец война 1914 года, после объявления которой Л. О. и Ф. И. Даны были сейчас же арестованы и высланы в административном порядке в Восточную Сибирь, в г. Минусинск, где тогда собралась довольно значительная колония ссыльных русских социалистов. Однако, в 1915 году Дан, как врач, был мобилизован и отправлен сперва в Иркутск, а оттуда в Ходжент, в Туркестанском крае. Здесь, в г. Ходженте, его застала весть о февральской революции.
Как известно, война внесла острое размежевание в ряды всех социалистических партий мира, в том числе и российских. Не миновало это размежевание и меньшевиков. Оно шло преимущественно по линии: оборонцы и интернационалисты. Находясь в ссылке, Дан с самого начала войны занял интернационалистскую позицию, войдя в группу так называемых «Сибирских циммервальдистов», выпустивших в конце 1914 года один номер «Сибирского Журнала», который был немедленно же закрыт властями. После его закрытия, 1 января 1915 года вышел журнал «Сибирское Обозрение» со статьей Ф. И. Дана (Ф. Д.) — «Две войны», но и этот журнал был закрыт после первого же номера. Пользуясь, однако, свободой общения и свободой дискуссий, минусинская группа ссыльных социал-демократов, во главе с Даном (в нее входила и Ева Львовна Бройдо), определила свое отношение к войне и встала на позиции интернационализма. Когда появилось письмо стоявшего на патриотической позиции Г. В. Плеханова к социал-демократическому депутату Государственной Думы Бурьянову с советами социал-демократической фракции голосовать за военные кредиты, то минусинская группа ссыльных социал-демократов, во главе с Даном, выпустила коллективный протест против этого письма Плеханова.
Одновременно Дан — под прозрачным псевдонимом «Над» — сотрудничал и в далеком самарском «Нашем Голосе», в котором он отстаивал политику интернационализма и идею {124}
{Стр. 125 – дефект оригинала}
ших Дана не только в суровой обстановке борьбы в 1917 г. и в Совете, характеристика «мало общительного» Дана может вызвать только улыбку. Дан был весьма общителен и даже приветлив. «Холодноватым и резким» Дан становился, как только дело касалось практического решения или отстаивания своей позиции перед противником.
Лидером советского большинства был И. Г. Церетели. Рядом с ним стоял Дан, принявший на себя труднейшую задачу воплощения принятых резолюций в реальность. Деятельность Дана в Совете была весьма многосторонняя: он выступал с докладами, он ездил на рабочие и

солдатские митинги, он вырабатывал резолюции, он редактировал «Известия» Советов, он следил за политической работой Совета и он писал статьи. Наряду с этим он возглавлял партию.
«Я не знаю — пишет Суханов, наблюдавший работу Дана, «как справился бы с революцией Дан без Церетели в качестве лидера... советского большинства. Но я твердо знаю, что Церетели был бы как без рук, если бы Дан не пошел с ним... Роль Дана настолько велика, что его позиция имела весьма существенное значение». И далее: «...он [Дан] несомненно один из самых крупных работников в лаборатории политико-социалистической мысли... неблестящий, но несомненно деловой писатель, не первоклассный, но незаменимый деловой оратор — Дан. всегда представлялся мне наиболее государственным человеком из всего нового руководящего советского ядра. Человек, которого не могло что либо ослепить, человек крайне основательный, хладнокровный, уравновешенный — он среди правящей советской группы представлялся мне не только способным наилучше теоретически мыслить, но и практически управлять...» (курсив подлин.).
И Суханов признается: «Враг Дана, ненавидящий, предубежденный, не ждущий ничего доброго из Назарета — я помню не один случай, когда я горячо аплодировал его выступлениям». Показательное признание...
Те качества Дана, о которых было сказано выше, в соединении с большой волей, настойчивостью и выдержкой, сделали из Дана самую влиятельную, могущую «управлять», фигуру в могущественном органе революции — в Совете.
«...десять миллионов штыков находятся скорее всего и больше всего в распоряжении Дана», писал Суханов. {126}
Это положение накладывало на Дана громадную историческую ответственность. Эти «десять миллионов штыков» были охраной страны и защитой революции, но всем было хорошо известно, что больше всего эти десять миллионов штыков хотят прекращения войны и возвращения домой. Кровавый призрак войны стоял перед вождями советского большинства, властно требуя ответа. Как представляли они себе выход из войны? В своем докладе «О войне» на Первом съезде Советов Дан говорил:
«Путь к ликвидации войны, хотя бы и связанный с некоторой отсрочкой, только один — международный. Он состоит в прояснении сознания Западной демократии и в ее давлении, совместно с нами, на международный империализм. Проблема мира может быть разрешена только в таком международном масштабе совместными усилиями рабочих всех стран».
Увы, история этой «некоторой отсрочки» не дала. Ленин сумел использовать создавшееся положение, чтобы в октябре разрубить этот «гордиев узел» революции.

Дан, конечно, хорошо понимал, что Февральская революция погибла не потому, что после «июльских дней» Временное правительство не догадалось или не посмело разгромить большевистскую партию и объявить ее вне закона, как это часто приходится слышать. Несомненно, что Дан после разгрома «Февраля» долгими годами возвращался мыслью к роковому вопросу о войне, как бы «проверяя свою историческую ответственность за провал революции. В статье «К десятилетию германской революции» в 1928 году Дан писал, явно отвечая на мучившую его мысль:

«Путь к сепаратному миру с Германией казался закрыт. Ведь то была императорская Германия, военная мощь которой казалась неисчерпаемой. Заключить же с нею сепаратный мир значило бы капитулировать перед нею, предоставить ей все материальные запасы и все воинские силы России, передать ей самое русскую революцию, быть готовым к восстановлению монархии в России и даже к продолжению войны, но — уже на стороне Германии, в вынужденном союзе с императорско-германским империализмом.

Возможно ли такое предательство по отношению не только русской революции, но всего рабочего Интернационала?». («СВ» № 21, 1928, курс. ориг.). {127}

Так тогда «казалось», и вожди февральской революции закрывали глаза на тот простой и убедительный факт, что Россия воевать больше не могла...

В приведенных выше словах Дана, написанных свыше 11 лет после «Октября», он объяснял — и как бы оправдывал — свою позицию по вопросу о войне в период «Февраля».

Однако, еще в октябре 1917 года Дан понял всю безнадежность политики коалиции и верности союзникам, саботировавшим демократический мир, и присоединился к Мартову, приняв его интернационалистскую позицию в вопросе войны и мира.

Демократическая Февральская революция погибла, и в жизни и деятельности Ф. И. Дана открылась новая страница, по своему драматизму не уступающая периоду его борьбы с монархией. В своей книге «Два года скитаний» Ф. И. дал подробный и красочный отчет о своих скитаниях по тюрьмам и ссылкам в первые годы после «Октября». В этой книге он, между прочим, описал и свой арест в Петрограде в феврале 1921 года, в канун Кронштадтского восстания и в разгар рабочих забастовок в Петрограде. Перепуганный большевистский наместник в Петрограде — Г. Зиновьев сделал «выемку» меньшевистского актива, во главе с Даном, и готовился их расстрелять, но этому воспротивился ЦК большевистской партии[2]. Дан пишет:

«Подъехали к Чеке. Старое, знакомое здание градоначальства, где в девяностых годах помещалась царская охранка. Сюда я входил ровно 25 лет тому назад, молодой социал-демократ, член «Союза Борьбы за

освобождение рабочего класса», впервые арестованный за энергичную деятельность нашего «Союза» во время забастовки ткачей, открывшей эру массового рабочего движения под знаменем {128} социал-демократии. Это была, можно сказать, заря того революционного движения, которое низвергло царский трон и вознесло к власти большевиков. И, вот, теперь, четверть века спустя, — тоже рабочая забастовка, и тоже сотни пролетариев идут в тюрьму, и я опять с ними, а преследуют, арестуют, допрашивают нас большевики, наши тогдашние товарищи н братья по «Союзу», в числе основателей и виднейших деятелей которого были и Мартов, и Ленин, и нынешние столпы коммунизма, и вожди теперешних меньшевиков... Какая фантасмогория!..».

Вряд ли надо что прибавить к этим скупым строчкам, в которых нашла отражение вся трагедия русской революции...

В истории «Октября» Кронштадтское восстание является большой вехой, тогда казалось — поворотным пунктом революции: диктатура отступила... «Красноречив язык пушек — писал тогда в «Соц. Вестнике» Мартов — он один способен внушить уважение диктаторам — даже тем из них, которые называют себя марксистами». «Уважая» пушки, Ленин перешел от 100% коммунизма к государственному капитализму. Но это не могло удовлетворить ни матросов, ни рабочих. В дни рабочих волнений и забастовок в Петрограде меньшевистская организация выпустила листок к рабочим, в котором формулировала требования:

«Необходимо коренное изменение всей политики власти, и, в первую очередь, рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не хотят жить по большевистской указке, они хотят сами решать свою судьбу. Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте:

Освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих. Отмены военного положения, свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся. Свободы перевыборов завкомов, профсоюзов и советов. Созывайте собрания, выносите резолюции, посылайте к властям делегатов, добивайтесь осуществления ваших требований».

В брошюре, изданной большевиками к седьмой годовщине Кронштадского восстания, мы находим любопытную выдержку из показаний Ф. И. на допросе после его ареста:

«Для настоящего момента я считаю в России необходимым в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение советской системы, но с тем, чтобы эта система {129} была, согласно теории ее и ее конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры.

Что касается дальнейшей эволюции этой системы к совершенным демократическим формам, в которых, по моему убеждению, только и может быть осуществлено социалистическое переустройство общества,

то темп и характер такой эволюции настолько зависят, с точки зрения интересов рабочего класса, от ряда непредвиденных ныне международных и внутренних факторов, что ни о какой твердой связанности в этом отношении для нашей партии не может быть и речи».

После такого ответа Дан был отправлен в тюрьму: сперва в Предварилку, а оттуда в Кресты, где обычно производились расстрелы, а уж оттуда Дан был переведен в Москву, в Бутырки. Там два года его скитаний закончились тюремной голодовкой, которая была прекращена на 7-ой день — 10 января 1922 года. Из тюрьмы Ф. И. вышел с готовым приговором Чеки: высылка заграницу, куда он выехал 26 января.

Началась долгая и последняя эмиграция Дана: сперва — Берлин, а затем, после прихода к власти в Германии Гитлера, бегство в Париж, чтобы летом 1940 года, при приближении гитлеровской армии к Парижу, вновь бежать из Парижа в Нью Йорк. Здесь в Нью Йорке, кончились скитания Дана — кончились дни его жизни...

С переводом Дана в Бутырскую тюрьму там оказались четыре члена ЦК: Дан, Ежов, Николаевский и Плесков. (Ф. А. Череванин сидел в Орловской тюрьме). Это была значительная часть ЦК, в особенности, если вспомнить, что в это время члены ЦК: Абрамович, Бройдо, Далин и Мартов уже были заграницей. Естественно, что «бутырцы» пожелали участвовать в идеологической работе партии и «подать голос», что вполне совпадало с желанием действовавшего на воле ЦК. Поэтому, когда надо было издать какой-нибудь новый документ, «воля» всегда старалась предварительно согласовать его с «тюрьмой». Вскоре при этом обнаружились разногласия: «тюрьма» оказалась «левее» «воли». Тюремной «фракцией» ЦК руководил, конечно, Ф. И. Дан. (На воле с ним солидарен был только Бэр). Это внесло тогда не малую нервозность в работу. {130}

Не имея возможности остановиться здесь подробно на дискуссии между волей и тюрьмой, укажу на основные разногласия. Их было три: Ф. И. считал ответ Мартова по вопросу об Учредительном Собрании неправильным, ибо боялся развития стихийных народных движений, которые в условиях голода и хаоса того времени могли повести к торжеству контр-революции. Затем, Дан стоял за «урезанный лозунг» — «свобода для трудящихся», что следует и из приведенной выше выдержки из его показаний при аресте. Ф. И. писал: «только с утверждением позиции трудящихся может быть речь о расширении свобод». Наконец, Дан считал принятую тогда в партии формулу — «соглашение пролетариата с крестьянством» — неясной и недостаточной и предлагал заменить ее другой — «соглашение всех социалистических партий и общесоциалистическая власть».

Не возражая в принципе против «соглашения», действующий ЦК требовал, чтобы этому «соглашению» предшествовала демократизация власти и страны. Ф. И. за это отвечал, — это «одновременные и

параллельные процессы». Мы — на воле — остались при своем. «Тюрьма» протестовала. Редакция «Соц. Вестника» — Мартов и Абрамович — присоединились к «воле». Инцидент был исчерпан[3].
А потом в тюрьме началась упомянутая уже голодовка, за которой последовала высылка.
Когда Дан в начале 1922 года приехал в Берлин, он застал там 4-х членов ЦК партии (Р. Абрамович, Е. Бройдо, Д. Далин и Л. Мартов), которые уже в течение года издавали журнал «Социалистический Вестник». Журнал был не только рассчитан на осведомление Европы о том, что происходит в России и наоборот, но это был орган борьбы с диктатурой за идеи демократии и социализма. Само собой разумеется, Дан немедленно вступил в состав редакции журнала, а после смерти в 1923 году Мартова, Дан стал редактором журнала при соредакторах — Р. Абрамовиче и Д. Далине. С тех пор Дан, до раскола Заграничной Делегации партии в 1940 году был признанным вождем партии.
Разразившийся в 1930 г., в результате краха на Волл {131} стрит, хозяйственный кризис в Европе, приведший в Германии спустя несколько лет к власти Гитлера, и заостривший до крайности международное положение, Ф. И. расценивал, как «начало новой эпохи, в которой будут поставлены на карту основные проблемы дальнейшего бытия человечества». Для него проблема стояла следующим образом: «Победа или поражение? Социализм или погружение в кровь и грязь новых войн и вместе с тем безнадежный мрак? Так будет стоять вопрос в той великой битве, которая готовится, которая разразится»... Он был уверен в победе социализма и в тайниках души мечтал самому быть не только свидетелем, но и участником этой великой битвы. Сознание неутомимого борца и неукротимая энергия Дана те мирились с вынужденным бездействием в эпоху бури и натиска, и неизбежно толкали его на путь необоснованного оптимизма, который, кажется, его никогда не оставлял. Так, в Париже в 1936 году, Ф. И. сказал мне: «На мне лежит обязанность привести всех вас обратно в Россию»...
В основе политической концепции Дана лежали следующие положения: при расколе рабочего класса — поражение пролетариата и его социалистической партии неизбежно. В России этот раскол неизбежно приведет к поражению революции и торжеству контр-революции. Вывод: как на международной арене, так и в России необходимо соглашение с коммунизмом. Это он и отстаивал. Он отстаивал его, когда сидел в тюрьме и когда вышел на волю, он отстаивал его, находясь в России или в эмиграции, он отстаивал его, когда фракционный раскол захватил и меньшевистскую партию, он отстаивал его и тогда, когда пучина второй мировой войны грозила поглотить всё рабочее движение в мире. Такова была его политическая концепция. Только исходя из этой его общей концепции можно понять политические зигзага Ф. И. в годы последней эмиграции.

Когда во второй половине двадцатых годов бушевала борьба фракций в «монолитном» РКП — борьба «правых» бухаринцев с «левым» «объединенным блоком» Зиновьева-Троцкого, этот большевистский раскол нашел отклик и в меньшевистской среде: часть идеологически поддерживала «правых», а другая часть — и с ними Ф. И. — поддерживала «левых»[4]. Как известно, борьба фракций в большевистской {132} партии кончилась капитуляцией обоих фракций перед «вне-фракционным» Сталиным. Тем самым была исчерпана и дискуссия меньшевиков о «меньшем зле». Тем более, что в порядок дня европейской политики стал грозный вопрос о надвигавшемся фашизме и гитлеризме.

Верный своей концепции, Дан не видел иного пути спасения международного социализма и демократических свобод помимо согласованных действий социализма с коммунизмом. Казалось, что и коммунизм приходит к тому же выводу. Образованный во Франции, возглавленный Блюмом, Народный фронт, состоявший из социалистов, коммунистов и левых радикалов, казался Дану решением задачи. Коалиционное правительство Блюма не только подавило грозивший республике фашизм, но одновременно провело социальные реформы, о которых французский рабочий до того и не мечтал. При всём этом правительство Блюма полностью сохранило демократическую конституцию Франции.

Положение в мире обострялось. Казалось, Франция дала пример, и Дан рисовал себе радужные перспективы объединенного наступления рабочего движения на фашизм, его уничтожения и на этой базе дальнейшее шествие социализма по пути побед... Его не пугал даже и призрак войны, уже маячивший на горизонте, ибо — по его концепции — эту войну против капитализма и реакции поведет Социалистический Интернационал.

Мы знаем, чем кончились эти несбыточные мечты: пришли Гитлер, Франко и Петэн... Леон Блюм оказался в тюрьме. Черные тучи реакции заволокли горизонт. Но, может быть, самое большее разочарование Ф. И. Дану принес Сталин, который не оставил камня на камне от всего стройного построения Дана. Сталин, строивший «социализм в одной стране», оказался в союзе с Гитлером, своим злейшим врагом. Этого никто не ожидал. Это было равносильно обвалу.

Сталино-гитлеровский пакт от 23 августа 19.39 г. был для Дана показателем полного и окончательного перерождения режима. В обращении «Ко всем членам партии», единогласно принятом Заграничной Делегацией (кажется, что Дан был его автором), можно прочесть: «Сталин сам разоблачает свой режим, как величайшего врага всех тех благ и идеалов, за которые борется рабочий класс. Он сам ставит свою диктатуру на одну доску с диктатурой национал-социалистического варварства» и т.д. {133}

Не менее остра и категорична и единогласная резолюция З. Д. в связи с нападением Сталина на Польшу: «сталинская деспотия сама срывает с себя те революционные одежды, в которые она долго рядилась и в глазах мирового пролетариата сама разоблачает себя, как господство выродившейся национал-империалистической клики, павшей до уровня гитлеризма. Сталинское правительство... окончательно порывает со всеми традициями и принципами пролетарского социализма».

Как видим, в оценке сталинского режима не было разногласий между Ф. И. и большинством З. Д. Но уже уйдя из «Соц. Вестника» и основав свой журнал «Новый Мир», Дан писал («Новый Мир» №№ 1 и 2, март-апрель 1940 года, «Два пути»):

«В сталинском единодержавии... большевистская диктатура окончательно отрывается от трудящихся масс и противопоставляет себя им, как политическая форма господства нового привилегированного слоя, вышедшего из революции, но заинтересованного не только в ее остановке, но и в извлечении социально-революционного «жала» из ее завоеваний, в консервативно-реакционной переработке их. Поэтому... в эпоху сталинского единодержавия защищать эти завоевания (революции)... можно и должно лишь в непримиримой борьбе со Сталиным».

«Отношение диктуется не каким либо «бережением» сталинской диктатуры за ее революционный паспорт, не какими либо иллюзорными надеждами на ее эволюцию и не какой либо наивной переоценкой «легальных возможностей»...

Не лучше обстоит, по мнению Дана, дело и с внешней политикой Сталина: «Внешняя политика сталинского единодержавия не меньше, чем его внутренняя политика, укрепляет всюду силы и тенденции контр-революции». («Н. М.» № 2).

Никаких политических или тактических разногласий тогда, как видим, у Дана с большинством З. Д. еще не было. Внезапное нападение Гитлера на своего вчерашнего союзника, сразу отбросившего Сталина в стан демократии, изменило, конечно, всю картину и позволило Дану рисовать себе совсем другие перспективы. Теперь он увидел в войне подтверждение своего диагноза и прогноза. Конец войны рисовался ему в виде страшного столкновения двух миров; мира прошлого — капиталистического и мира будущего — социалистического. Это будет {134} тот «последний и решительный бой», о котором социалисты мечтали еще со времени Маркса и за победу которого Ф. И. боролся уже с полвека. Ему казалось, что только сейчас, в интернациональных рамках борьбы, созданных войной, и может быть разрешена проблема социализма, неразрешимая в рамках национальных, где она неизбежно может принять, как в России, антидемократические формы.

Эта концепция Дана включала в общий социалистический фронт и мировой коммунизм. Дан пришел к мысли о необходимости создания

«синтеза» между социализмом и коммунизмом, который позволил бы обоим соединить свои силы для общей борьбы за социализм и общей победы. Без такого объединения сил мечтать о победе социализма не приходилось и тогда оставалась альтернатива: кровь, грязь и безнадежный мрак... Во избежание этой перспективы Дан считал необходимым создание «синтеза» на основе компромисса для обеих сторон.

Дан придавал решающее значение отсутствию частной собственности на средства производства в Советской России и господству там общественных форм хозяйства. Он предсказывал неизбежную демократизацию большевистского режима и делал отсюда далеко идущие политические выводы.

Большинство руководящего партийного коллектива в лице Заграничной Делегации (включая и автора этих строк) за концепцией Дана не, последовало и в условиях полного отрыва от России, без всяких связей со своими единомышленниками на родине, раскол в ЗД, при столь резких разногласиях, стал неизбежен.

В середине 1943 года раскол был оформлен: Дан порвал с группой «Социалистического Вестника» и с журналом, с которым он был столько лет так тесно связан.

Еще в 1940 году, в Париже, когда коллектив Заграничной Делегации еще не был расколот, Дан ушел из «СВ» и выпустил свой отдельный орган — «Новый Мир», который после переезда в Нью-Йорк был переименован в «Новый Путь». Логика фракционной борьбы такова, что она всегда всё более обостряется. Этому обострению не мало способствовал и боевой темперамент Дана. В результате обе группы недавно еще единой Заграничной Делегации заговорили, то определению Ф. И., «на враждебно-противоположных языках».

Вскоре, однако, оказалось, что не все участники группы Дана правильно поняли его идею и его концепцию и вынужде- {135} ны были из нее уйти. «Вопрос шел о том — писал Дан — состоит ли наша задача в том, чтобы быть органом подготовки грядущего идеологического и организационного «синтеза», или же в том, чтобы стать орудием «подготовки капитуляции «здоровых» остатков социал-демократии перед большевистским правоверием», и Ф. И. порвал с апологетами последней «концепции», отказавши им в месте на страницах своего журнала, ибо в этом случае «мы были бы никому не нужны».

Дан был уверен (и по окончании войны), что «политика советского правительства должна будет сильно обновиться — в сторону «Народного Фронта» на международной арене и «демократизации» на внутренней». «Я уверен — писал он, — что теперь приближается время не только пропаганды, но и реализации наших идей». Он ставил себе задачу как можно скорее перенести его новые идеи на международную арену. Этим идеям была посвящена его предсмертная книга

«Происхождение большевизма», значение которой он высоко ценил «для всего мирового рабочего движения», так как «она трактует тему высоко-мирового значения», и поэтому он считал «свой труд на 9/10 потерянным, если бы ему суждено было оставаться... лишь для русских читателей»...

Запас оптимизма и волевой энергии у Дана был неисчерпаем. В последние годы своей жизни он тяжело болел, но и в этом положении он неустанно работал над своей книгой, редактировал «Новый Путь» и вел обширную переписку, пропагандируя идею «синтеза». За полгода до своей смерти он в частном письме от 1 июля 1946 г. писал:

«...я убежден, что наступающий год будет «поворотным» и в обще-международном отношении, и во внешней и даже внутренней политике Советского Союза, — и притом поворотом в нашем направлении»...

Страстность старого борца и социалиста диктовали эти строки... Дан доживал свои дни в величайшем напряжении, в ожидании осуществления мечты...

Наступающий новый год унес навсегда Дана, освободив его от страшных физических мук (Дан умер от рака легких) и избавив его от тяжелых моральных переживаний от еще одного, — и может быть самого горького, — разочарования.

Ф. И. Дан умер 22 января 1947 г. Тело его предано кремации. {136}

После Мартова Дан был самым авторитетным и влиятельным вождем меньшевистской партии. В его лице ушел последний представитель той плеяды социал-демократов, которые стояли у колыбели российской социал-демократии, с именем которых неразрывно связана вся история русского социализма.

Имя Федора Ильича Дана принадлежит истории. {137}

Примечания

[1] Речь идет о возвращении Мартова из Вильно, куда он был сослан в 1892 г. на 2 года.

[2] Зиновьев хотел всех арестованных меньшевиков объявить «заложниками», но ЦК б-кой партии ему в этом отказал. Тем не менее, в течение 8 дней родственники арестованных меньшевиков имели все основания считать их расстрелянными, так как 5 марта в 3 часа ночи они выбыли из Предварилки «в распоряжение коменданта ВЧК», что имело вполне определенный смысл. Только 13-го числа родственникам удалось их разыскать живыми в «Крестах». Насколько серьезно было их положение можно судить по тому, что однажды ночью на квартиру Л. О. Дан неожиданно нагрянул нарком просвещения Луначарский, чтобы ее успокоить, что Ф. И. не грозит расстрел.

[3] Обо всем этом см. Б. Двинов: «От легальности к подполью», стр. 52-64.

[4] Вынужден отметить, что я — и не я один — отстаивал положение, что обе большевистские фракции нам одинаково чужды.

Б. М. САПИР

Андрей Кранихфельд. К истории движения социал-демократической молодежи в России

СЫН старшей из сестер Мартова Надежды Осиповны, Андрей родился в 1902 г. в Харькове, посещал гимназию в Петербурге, куда Н. О. переехала в 1909 г., чтобы создать домашний очаг овдовевшему отцу, О. А. Цедербауму. В 1918 г. он перебрался с матерью и двумя младшими сестрами, Людмилой и Викторией[1], в Москву, где, года два спустя, поступил в Московский университет.

Отца Андрей лишился рано — в 1914 г. Сергей Николаевич Кранихфельд учился в 1-ой Петербургской гимназии, куда Мартов перевелся в 1889 г. Он принадлежал к демократическому лагерю гимназистов, как отмечает Мартов в своих воспоминаниях, сблизился с последним и проделал вместе с ним эволюцию от неопределенных оппозиционных настроений к социал-демократии. За участье в студенческих революционных кружках он поплатился в 1892 г. исключением из Петербургского университета, где он изучал историю и лишился возможности посвятить себя академической деятельности, к которой чувствовал большую склонность. Через Мартова он сблизился с семьей Цедербаум и в 1899 году повенчался с Надеждой Осиповной, которой для этого пришлось перейти в христианство. Не обладая политическим темпераментом и не участвуя поэтому во внутренней жизни партии, Сергей Николаевич всю свою жизнь поддерживал тесную связь с социал-{138} демократией. Значительную часть наследства, неожиданно доставшегося ему от отдаленной родственницы весьма аристократического происхождения — сестры генерала Гуро чета Кранихфельдов пожертвовала на созыв Второго Съезда Р. С.-Д. П. в Лондоне в 1903 г.[2]

Мать Андрея родилась 9-го августа ст. ст. 1875 г. в Константинополе и скончалась 25-го июля 1923 г. в Москве. Образование она получила в Петербурге: в Мариинской гимназии и на словесном отделении Бестужевских курсов. Привыкшая и умевшая работать, она занималась переводами с немецкого и французского, а одно время преподавала русскую словесность в Петербургской гимназии Н. В. Беляева, основанной после 1905 г. Оставшись одна после внезапной смерти мужа, она вынесла на собственных плечах всю тяжесть воспитания троих детей. Рано войдя в рабочее движение — она привлекалась по социал-демократическому делу в 1896 г. в Петербурге, — Надежда Осиповна приобщилась через своего сына к работе социал-демократической молодежи в Москве и успела пережить первые его аресты, вряд ли подозревая вою трагичность пути, на который Андрей вступил[3].

Кроме Надежды Осиповны еще один член семьи Цедербаумов интересовался деятельностью Андрея среди молодежи. Сергей

Осипович Ежов собирал у себя на квартире зимой 1921-1922 г. актив московского союза молодежи для обсуждения политических вопросов. Сергей Осипович был тогда одним из немногих, кто заботился о воспитании социал-демократической смены. Вряд ли кто-либо из участников встреч в Введенском переулке забудет беседы с Конкордией Ивановной и Сергеем Осиповичем и ту особенную атмосферу товарищеского внимания, в которой они происходили.

Воспитанный на социал-демократических традициях, Андрей, вопреки тому, что часто бывает со вторым поколением, {139} не только не относился оппозиционно к символу веры своих «отцов», но, наоборот, чувствовал себя наследником их заветов. Правда, ему стоило много труда отделаться от комплекса, свойственного детям родителей, пользующихся известностью. Он не выносил, если кто-либо представлял его новым знакомым как племянника Мартова. Он хотел быть самим то себе, а не родственником Юлия Осиповича, которого, кстати оказать, он, как и все члены семьи Цедербаум, чрезвычайно любил и уважал. На это он имел все основания, ибо он внес свою собственную лепту в движение. Я имею в виду его роль в создании и деятельности союза социал-демократической молодежи.

Движение социалистической молодежи — явление сравнительно недавнего происхождения в России. В 90-е годы в революции 1905 г. социал-демократическая партия включала почти исключительно зеленую молодежь, не оставляя свободных кадров для чисто юношеской организации. Иначе обстояло дело после г1917 г., когда партия, так сказать, повзрослела и когда, что особенно важно, на политической арене появился комсомол. Почти одновременно и без всякого предварительного сговора организованные группы молодежи возникли в Екатеринославе, Киеве, Кременчуге, Москве, Одессе, Петрограде и Харькове.

В Москве начало союзу молодежи было положено весной 1920 г. Кроме Андрея, в основное ядро входили, хотя вступили в него в разное время; Аронович, Я. — покончил самоубийством по дороге на Соловки в Кемском концлагере в 1923 г.; (Брауде, А. — умер в ссылке в 1929 г. от туберкулеза, нажитого в концлагере; Гурвич, Л. М. — племянник Ф. И. Дана; Данилин, П. — печатник; Додонов, Е.; Зимин, А. Н.; Зингаревич, Н. И. — погиб от рук наци во время второй мировой войны; Зуев, Н. — печатник; Козлова, А. — работница; Меринг, Я. И. — ныне ученый-физик во Франции; Рапипорт, И. С.; Тихомирова, Е.; Фальк, Д.; Шишкина, Т. — жена члена Учредительного Собрания. Впоследствии к этому ядру присоединилась часть членов социал-демократической студенческой фракции и вернувшиеся в Москву по окончании гражданской войны молодые социал-демократы, мобилизованные партией на фронт в 1919 г.

В то время, несмотря на многие ущемления, социал-демократия пользовалась некоторой свободой, кажущейся сейчас недосягаемым идеалом. В Москве существовали социал-демо- {140} кратические клубы: «Вперед» на Мясницкой улице и «Искра» в Замоскворечьи, где только что перечисленные юноши и девушки могли встречаться. Независимые профессиональные союзы печатников, служащих и химиков не были еще окончательно разгромлены. Социал-демократия поддерживала связь с завкомами ряда предприятий. Выступления социал-демократов на заводских собраниях и в совете допускались, хотя не без последствий для оппозиционных ораторов. Словом, царила атмосфера какой-то полулегальности и ее то социал-демократическая молодежь решила использовать для противопоставления социал-демократического влияния комсомолу. Теперь, оглядываясь назад, понимаешь и мизерность достигнутых тогда результатов и всю обреченность предпринимавшихся тогда попыток. Но в то время настроение было приподнятое. Крах военного коммунизма был очевиден. Противоречия НЭП'а проступали наружу. Рабочие волновались и прислушивались к голосу социалистической оппозиции. Вооруженные критикой политики господствующей партии, сформулированной социал-демократией, социал- демократическая молодежь поставила себе задачей не упускать ни одной возможности воздействия на массы[4].

Душой и организатором этой работы был Андрей. Сам не оратор, он подбирал подходящих товарищей, снабжал их информацией о характере предстоящих собраний и о связях, имевшихся в распоряжении союза на соответствующем предприятии. Он же инструктировал посылаемых агитаторов о политическом содержании предстоящего выступления. Об этих инструкциях ходил анекдот, что Андрей неизменно рекомендовал начинать каждую речь словами «задачи рабочей молодежи ничем не отличаются от задач рабочего класса», добавляя: «а затем говори о текущем моменте». В действительности инструкции Андрея носили другой характер, но схема речей наших ораторов вряд ли многим отличалась от формулы, приписываемой ему. В виду обостренного положения внутри страны, социал-демократическая молодежь не могла уделять большого внимания специфически юношеским проблемам и занималась почти исключительно политической работой. О том что удары, наносимые союзом, попадали в цель свидетельствует приводимая в примечании записка Троцкого Ленину, написанная под впечатлением полемики с лучшим оратором {141} московского союза молодежи, Л. М. Гурвичем, извлеченная Л. О. Дан из архива Троцкого, хранящегося в Харвардском университете[5].

Вскоре после основания союза, организаторы последнего договорились между собой, что юношеская организация должна примкнуть к программе партии, а не пытаться формулировать свою собственную

политическую платформу. Это тем более примечательно, что среди них были сильны и, вероятно, преобладали настроения так называемого правого течения. Опять таки согласно анекдоту, похожему на правду, политическая борьба внутри союза иногда велась в следующих формах: Правые Зимин и Гурвич загоняли под стул левого Зингаревича и не выпускали его оттуда, пока тот не соглашался сделать заявление, что он отрекается от «апрельских тезисов». Возраст участников: 16-18 лет.

И всё же существовала заметная разница между союзом и партийной организацией. Она лежала в плоскости активизма {142} или, если угодно, организационного максимализма. И «правые и левые в союзе молодежи дорожили прежде и больше всего изобличением неправды большевистской диктатуры и правильно чувствовали относительность значения той или иной формулировки конечных целей этой борьбы. В, так сказать, самопроизвольную эволюцию большевистского режима в сторону демократии не верили ни правые, ни левые. И те и другие ставили на организацию растущего недовольства и на давление рабочих масс на правительство и коммунистическую партию, выступавших от их имени.

На этой почве, от времени до времени, возникали если не недоразумения, то некоторые шероховатости в отношениях между союзом и партией. Союз часто забегал вперед и ставил партию перед совершившимся фактом. Так было например с печатанием нелегального органа союза, любимого детища Андрея. Официально Р. С.-Д. Р. П. оставалась легальной партией, но не имела возможности высказываться в печати. Союз, не долго думая, приступил к изданию и к распространению своего органа на шапирографе[6]. Его появление дало повод ВЧК обвинить партию в нелегальной деятельности. Несколько позднее, когда под ударами террора Ц. К. партии в самом деле решил перейти на нелегальное положение и создал нелегальное Бюро Ц. К. под руководством незабвенного Георгия Дмитриевича Кучина, местный аппарат этого Бюро в ряде городов составился из работников союза молодежи, бежавших из ссылки или из мест заключения.

Время, проведенное социал-демократической молодежью на работе, изменяется месяцами, а сроки заключения и ссылки, {143} которыми она заплатила за свою борьбу с режимом диктатуры — годами. Первый и короткий арест коснулся союза в Москве уже в августе 1920 г. Второй и более длительный, изъявший большую часть актива, произошел в феврале 1921 г., когда чека нагрянула на общее собрание московской партийной организации в клубе «Вперед», где находились многие члены союза. 1922-ой год явился переломным в жизни союза. В феврале, вероятно по доносу, было арестовано совместное заседание комитета союза и редакции «Юного Пролетария», а несколькими месяцами позднее, в результате облавы на социал-демократов в Москве, попались члены вновь организованного комитета. Аресты 1922 г.

характеризуются нововведением — после тюремной отсидки «виновные» приговариваются к ссылке в административном порядке. Начиная с 1923 г. содержание административных приговоров меняется и в порядок дня ставится заключение в концлагерях и изоляторах[7].

Андрей был арестован в первый раз на собрании в клубе «Вперед» в феврале 1921 г. и, после известного избиения заключенных социалистов в Бутырской тюрьме весной того же года, переведен в тюрьму во Владимир, откуда вышел на волю осенью. Второй арест, приблизительно через год после первого, положил конец легальному существованию Андрея. Арестованные 10 товарищей — самому старшему было 21 г. — добились ценой четырехдневной голодовки перевода из отвратительной Внутренней Тюрьмы ВЧК в общую камеру в Бутырской тюрьме. Им пришлось еще раз голодать, чтобы добиться замены ссылки в Сибирь ссылкой в Европейскую Россию: Корочу Курской губ. и Мало-Архангельск, Орловской. {144}

Андрей принадлежал к Корочанской группе. Между обеими группами поддерживался тесный контакт. С самого начала было решено бежать. Ссыльные ждали лишь подходящего момента, а пока что занялись изготовлением нескольких документов: доклад Венскому Интернационалу. Молодежи о работе союза, программная брошюра о задачах союза и обзор охраны труда рабочей молодежи в России. Андрей писал доклад Интернационалу и редактировал программную брошюру — результат коллективного труда. Брошюра эта появилась в 1923 г. нелегальным изданием и сохранилась в партийном архиве у Б. И. Николаевского. Возможно, что там же находится и упомянутый доклад. Так прошло лето. Между тем организовалось нелегальное Бюро Ц. К., агенты которого посетили Корочу и Мало-Архангельск, наметили распределение членов обеих групп для работы в различных пунктах России и снабдили их явками. Тогда же, вероятно, в последний раз Андрей виделся с матерью, приехавшей к нему вместе с сестрами на свидание в Корочу. Осенью обе группы бежали. Корочанская отправилась на юг и осела временно в Харькове. Ее приезд совпал с разгромом местной организации. Андрей был арестован под фамилией Котова на квартире у одного из товарищей и попал в харьковскую чека, откуда ему удалось очень скоро бежать вместе еще с одним «корочанцем», А. Н. Зиминым, тоже провалившимся в Харькове. Но в то время как А. Н. Зимин уехал на работу в Ростов на Дону, Андрей задержался, опять попался и очутился в этот раз на строгом режиме в Харьковской Холодногорской тюрьме. В декабре 1922 г. к нему присоединился арестованный на улице Л. С. Ланде — тоже «корочанец», работавший в Харькове после побега в качестве секретаря Главного Украинского Комитета Р. С.-Д. Р. П. В январе 1923 т. оба они были отправлены под конвоем в Москву. По дороге они бежали в Орле и скрывались фантастическим образом при помощи товарища, имени

которого я не решаюсь назвать, пока не получили документов и явок от нелегального Бюро Ц. К.
Период от января и до осени 1923 г. был наиболее плодотворным и, быть может, наиболее счастливым в политической жизни Андрея. Он становится секретарем нелегального Центрального Организационного Бюро союзов социал-демократической молодежи. Вместе со своими старыми друзьями по Москве — Л. М. Гурвич и И. С. Рапипорт, — он устанавливает связи с важнейшими центрами движения, выпускает — под редакцией Андрея — органы Бюро, один номер «Юного {145} пролетария» и шесть номеров «Бюллетеня»[8] и подготовляют нелегальный съезд с целью основать Российский Социал-Демократичеокий Союз Рабочей Молодежи. Съезд состоялся в сентябре 1923 г. в Ирпене под Киевом и под самый конец был захвачен отрядом Киевской чека.
Со времени ареста в Ирпене Андрей больше не знал подлинной воли. Тюрьма — ссылка — административный надзор, опять тюрьма и ссылка и так вплоть до трагического конца в начале второй мировой войны, постигшего членов семьи Цедербаумов, о котором сообщила Л. О. Дан во втором сборнике «Против Течения» (Нью-Йорк, 1954 г.). Поздней осенью 1923 г. Андрей вместе с другими «ирпенцами» прибыл на Соловки с приговором на 3 года. Он досидел свой срок в Тобольском изоляторе, куда большевики перевели из Соловков заключенных социалистов и анархистов в 1925 г. Затем ссылка в Турт-Куль, административный надзор в Саратове, новое долголетнее пребывание в тюрьме, сменившееся административным надзором в Сталинграде в 1934 г. Проследить его дальнейший путь по тюрьмам и ссылкам мне не удалось.
За 34 года, прошедшие со времени нашего последнего расставания в Соловках осенью 1924 г. у меня сохранилось три письма Андрея. Выдержки из них быть может напомнят его тем, кто его знали и, вероятно, дадут некоторое представление об обстановке, в которой коротали дни он и его товарищи вплоть до рокового 1941 г., когда их жизнь была безжалостно оборвана произволом всесильного диктатора.
Из Турт-Куля 7-го октября 1927 г.:
«Я рву окончательно с нашим общероссийским стремлением к универсализму и хочу быть спецом в раз избранной мною отрасли. Поэтому в [политизоляторе] Тобольске я занимался почти исключительно историей рабочего дви- {146} жения Англии, Германии, Америки и, кроме того, написал большую работу о последних английских выборах».
24-го декабря 1927 г.:
«И меня постигла общая участь — я тоже уже сейчас безработный. ...В работе о рабочем представительстве, которую я задумал... мне хотелось бы коснуться процесса роста рабочих избирателей по разным странам,

из каких слоев пролетариата или других групп и в какой последовательности они вербуются...».
Семь лет спустя из Сталинграда 30-го марта 1934 г.:
«О моей жизни в 1928-29 г. ...ты, вероятно, знаешь. 9 месяцев я провел в Саратове. Они были довольно тяжелыми, так как материально жилось очень не важно. Лишь на 8-м месяце жизни мы с Лелей [И. С. Рапипорт] стали работать. ...Прекрасно летом было на Волге... Затем наступил неотвратимый переезд [т.е. арест и тюремное заключение]. Он тоже казался совершенно неизбежным и несколько месяцев подряд я чувствовал себя в положении барана на бойне... Вернулся к своей альма матер [политизолятор] с весьма тяжелым чувством. Мечтал тогда о всякой Арктике вплоть до той, где когда-то был мой старший дядюшка [Мартов], но лишь не об этом [приговор к заключению в политизоляторе]. Но очень быстро свыкся с привычной обстановкой».
В главе воспоминаний, печатаемой в настоящем издании, Л. О. Дан рассказывает о том, как молодое поколение Цедербаум создало свою собственную утопию, Приличенск, идеальное общество, построенное на началах правды, справедливости и любви к ближнему. Я никогда не слышал от Андрея о Приличенске. Но он целиком и без остатка был достойным гражданином этого идеального царства. {147}

Примечания

[1] Старшая сестра, Людмила Сергеевна, вышла замуж в конце двадцатых годов за близкого друга и политического соратника Андрея, И. С. Рапипорта и разделила с мужем ссылку. У них родился сын Лер.

[2] О С. Н. Кранихфельде см. Ю. Мартов — «Записки Социал-демократа». Изд. З. И. Гржебина 1922 г., стр. 45, 46, 54 и 145, В. О. Левицкий — «Революционные воспоминания», а также заметку в «Социалистическом Вестнике» №14 за 1923 г., стр. 11. Вл. Кранихфельд, известный сотрудник «Современного Мира», был двоюродным братом Сергея Николаевича.

[3] Биографические данные о Н. О. Кранихфельд сообщила Л. О. Дан. Заметка о смерти Надежды Осиповны появилась в «Социалистическом Вестнике № 14 за 1923 г.

[4] См. Б. Двинов — «От легальности к подполью. 1921-1922. Записки». Нью-Йорк 1955 г.

[5] (709) Сов(ершенно) секретно Товарищу Ленину. Вчера я делал доклад на конференции молодежи. Выступал молоденький меньшевик Гуревич [Л. М. Гурвич], кажется, племянник Дана. Для меня совершенно выяснилось, что политически, агитационно вопрос стоит ныне так: означает ли перемена новой политики возвращение наше от социализма к капитализму или же использование капиталистических форм и методов для социалистического строительства. Я разъяснил молодежи вопрос, разумеется, во втором смысле. Гуревич [Л. М. Гурвич] утверждал,

что мы вернулись к капитализму и что Ленин открыто это признал, говоря о государственном капитализме. Этот довод (о государственном капитализме) несомненно производит известное впечатление. Думаю, что вам необходимо воспользоваться первым благоприятным поводом, чтобы разъяснить, в каком смысле, в каких пределах употребляется термин государственного капитализма в отношениях к хозяйству рабочего государства, ставящего себе социалистические цели и использующего для этого товарное обращение и методы капиталистической калькуляции. 21-го января 1922 года. Троцкий Верно: (Дело «секретные исходящие бумаги» за 1922 г. с № 1 по № 400, секретариат Пред. РВСР).

[6] Список периодических изданий союзов молодежи, составленный на основании материалов, хранящихся у Б. И. Николаевского, статьи Г. Я. Аронсона в «Славянской Книге» №2, 1925 г. Прага и информации, приводимой в «Социалистическом Вестнике»: Киев — «Молодое Дело» № 1, 1923 г. Москва — «Юный Пролетарий» № 1 от 27-го дек. 1920 г.; № 2 был арестован. «Бюллетень» три номера в 1921 г. Одесса — «Бюллетень» восемь номеров в 1921 и 1922 г.г. «Пролетарская молодежь» десять номеров в 1922 и 1923 г.г. Петроград — «Клич Молодежи». Харьков — «Юный Социал-демократ» № 1, 1922 г. Об изданиях Центрального Организационного Бюро Р. С.-Д. С. Р. М. см. ниже.

[7] Нам известен только один случай суда над членом союза молодежи. В 1923 г. находившийся в административной ссылке в Семипалатинске одессит Николай Иванович Трейгер протестовал против гонений на церковь в собрании, созванном местной Живой Церковью. Председательствовал на собрании тоже ссыльный социал-демократ, ставший ренегатом, бывший председатель Городской Думы в Петрограде, А. А. Исаев. Н. И. Трейгер счел своим долгом разоблачить ренегатство Исаева и изложить отношение социал-демократов к гонениям против религии. За свое выступление он был приговорен показательным судом к 5 годам заключения. См. «Социалистический Вестник» за 1923 г. № 5-6 от 16-го марта, стр. 16 и № 12 от 1-го июля, стр. 15.

[8] «Юный Пролетарий», помеченный августом 1923 г. сохранился у Б. И. Николаевского. О содержании «Бюллетеней» см. статью С. К. (Л. С. Лайде) в «Социалистическом Вестнике» № 17-18 от 1-го октября 1923 г., стр. 10. Насколько мне удалось установить, в «Социалистическом Вестнике» появились две статьи Андрея: «С.-д. движение среди молодежи», № 8 от 20-го мая 1921 г. и под тем же названием в № 23-24 от 9-го декабря 1922 г. Первая статья без подписи, вторая за подписью А. Кожухов.

Ю. О. Мартов в борьбе с террором

В 1918 году в связи с смертным приговором, вынесенным капитану Щастному Верховным Революционным Трибуналом, Ю. О. Мартов выпустил в Москве брошюру «Долой смертную казнь». Эта брошюра-воззвание прозвучала в то время, на заре красного террора, как обвинительный акт по адресу большевиков, пришедших к власти под лозунгом непримиримой борьбы с смертной казнью, клявшихся со всевозможных подмостков в том, что именно они являются единственными, последовательными до конца противниками смертной казни, без суда или по суду.

В предисловии к брошюре-воззванию Мартова, переизданной «Социалистическим Вестником» в 1923 г. заграницей, мы читаем: «Политическое чутье безошибочно подсказало Мартову, что решается вопрос о том, пройдет ли несчастная страна через режим террора, дикого, свирепого, беспощадного, хладнокровно организуемого диктаторской властью. И всю силу своего таланта, страсти, негодования, бичующего сарказма бросил он в лицо палачам, чтобы остановить их преступную руку».

Этот яркий протест, — первый и единственный в это время, мужественно брошенный «в лицо палачам», «злостным обманщикам и клятвопреступникам», представляет собой чрезвычайно ценный документ эпохи и с большой силой характеризует моральный облик и духовное благородство Ю. О. Мартова, никогда, ни при каких условиях не согласного мириться с режимом террористической диктатуры, — какими бы прекрасными словами он ни прикрывался. Для Ю. О. Мартова были важны не слова, а дела Ленина, — и против этих кровавых и преступных дел (поднял Мартов свой протестующий, свой предостерегающий голос.

Приводим в извлечении брошюру Ю. О. Мартова «Долой смертную казнь», а также перепечатываем из с. д. газеты «Всегда Вперед», выходившей с перерывами в Москве, статью {148} Мартова против расстрела в начале 1919 года четырех великих князей. Заграницей протест против расстрела четырех Романовых, в том числе историка Николая Михайловича, — мужественно заявленный Мартовым, почти неизвестен, во всяком случае никогда в печати не воспроизводился.

«Долой смертную казнь»

...Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать.

Убивать пленников, захваченных после боя в гражданской войне, — как это делают все дикари.

Убивать врагов, которые после боя сдались на слово, на обещание, что им будет дарована жизнь. Так было сделано в Москве в октябрьские дни, когда большевик Смидович подписал обещание даровать жизнь

сдающимся юнкерам, а потом допустил, что сдавшиеся были перебиты по одиночке. Так было в Могилеве, где Крыленко не охранил сдавшегося ему генерала Духонина, растерзанного на его глазах убийцами, преступление которых осталось безнаказанным. Так было и в Киеве, в Ростове, во многих других городах при взятии их большевистскими войсками. Так было в Севастополе, Симферополе, Ялте, Евпатории, Феодосии, где шайки негодяев истребляли по опискам мнимых контрреволюционеров без всякого следствия и суда, убивая и женщин и малолетних детей.

Вслед за этими самосудами и расправами, организованными по подстрекательству или попустительству большевиков, начались убийства по прямому приказу органов большевистской власти. Смертная казнь объявлялась отмененной, но в каждом городе, в каждом уезде, разные «чрезвычайные комиссии» и «военно-революционные комитеты» приказывали расстреливать сотни и сотни людей. Одних — как контрреволюционеров, других — как спекулянтов, третьих — как грабителей...

...Человеческая жизнь стала дешева. Дешевле бумаги, на которой палач пишет приказ об ее уничтожении. Дешевле повышенного хлебного пайка, за который наемный убийца готов отправить человека на тот свет по распоряжению первого захватившего власть негодяя. {149}

Этот кровавый разврат совершается именем социализма, именем того учения, которое провозгласило братство людей в труде высшей целью человечества.

...Истребив десятки тысяч людей без суда, большевики приступили теперь к смертным казням по суду.

Они образовали новый верховный революционный трибунал для суда над врагами советской власти.

И в первом же заседании нового трибунала вынесен смертный приговор, исполненный через 10 часов.

...Посмотрите, как судили капитана Щастного.

Его обвинили, что он готовил заговор против советской власти.

Капитан Щастный отрицал свою виновность.

Он просил допросить свидетелей, — в том числе тех комиссаров-большевиков, которые должны были следить за ним. Кому лучше было знать, точно ли он интриговал против советской власти?

Трибунал отказал ему в вызове свидетелей. Отказал в том праве, которое всякий суд, кроме столыпинского военно-полевого суда, дает самому тяжкому преступнику.

А дело шло о жизни и смерти человека.

О жизни и смерти человека, который заслужил доверие и любовь своих подчиненных — матросов Балтийского флота, протестовавших против его ареста...

...Щастному отказали в праве, которым пользуется всякий вор и убийца, — вызвать на суд свидетелей. Ни одного из его свидетелей не допустили. Зато выслушали свидетеля обвинения.
И этим свидетелем был Троцкий.
Тот самый Троцкий, который арестовал Щастного, как комиссар по военно-морским делам.
Тот самый Троцкий, который, как член Совета 'Народных Комиссаров, предписал судить Щастного этим именно судом Верховного Трибунала, созданным для вынесения смертных приговоров.
И на суде Троцкий выступал не как свидетель, а как обвинитель. Как обвинитель, он утверждал: этот человек виновен, осудите его! — после того, как заткнул этому человеку рот, запретив ему вызывать свидетелей, могущих опровергнуть его обвинения.
Не много храбрости нужно, чтобы так бороться со своим врагом, — предварительно связав ему руки и заткнув рот. И не много честности и благородства. {150}
...При Николае Романове иногда удавалось, указав на чудовищную жестокость приговора, остановить его исполнение и вырвать жертву из рук палача.
При Владимире Ульянове невозможно и это. Мужчины и женщины, стоящие во главе большевистской партии, опали спокойным сном, когда где-то в тиши ночной тайком убивали первого осужденного их судом.
...Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход...
...Первый пример подан, и теперь Верховный Революционный Трибунал будет отправлять на тот свет всех, кого большевистская партия пожелает лишить жизни — будет превращать столько людей в трупы, сколько могут успеть умеренные аккуратные чиновники в течение своего восьмичасового рабочего дня.
Начато с офицера, которого темным массам можно представить, как врага народа, как контр-революционера. Дальше пойдет очередь за всеми, открывающими народу глаза на преступность и гибельность установленного большевиками порядка.
Уже теперь сотни рабочих и крестьян, сотни полезных общественных работников, множество социал-демократов и социалистов-революционеров томятся в большевистских тюрьмах и застенках. За слово критики, за слово протеста, за открытое выражение своих убеждений, за защиту интересов рабочего класса и крестьян заключены под стражу эти люди. Подчас, в порядке дикого самосуда, их уже убивали без всякого повода. Теперь каждый из них может через зал Верховного Трибунала последовать на тот свет.
...Но кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все больше ожесточается, всё больше дичают в ней и

звереют люди, вое более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм. Там, где власть большевиков свергают народные массы или вооруженные силы, к большевикам начинают применять тот-же террор, какой они применяют к своим врагам. Дутовцы, Семеновцы, Алексеевцы, украинские гайдамаки, войска Скоропадского и Краснова, отряды Дроздовского вешают и расстреливают. Крестьяне и мещане, изгнавшие местные большевистские советы, совершают над их членами величайшие жестокости. {151}

Растет взаимное озверение — и вся тяжесть ответственности за него падает на партию, которая именем социализма кощунственно освятила хладнокровное убийство безоружных пленников, которая лицемерно протестует против белогвардейских расстрелов в Финляндии в то время, как кровью расстрелянных обагряет русскую землю.

...Социал-демократическая Рабочая Партия всегда восставала против политических убийств, совершены ли они палачем или добровольцем-мстителем. Она восставала против них даже тогда, когда революционеры убивали опричников царизма. Она учила рабочий класс, что не такими убийствами, хотя бы худших врагов народа, улучшит он свою долю, а коренным изменением всего политического строя, всех условий, порождающих гнет и насильничество. И теперь она предостерегает рабочих и крестьян, доведенных до отчаяния насилием большевистской власти: не мстите расправой над отдельными комиссарами и отдельными большевиками, не идите на путь убийств, не отнимайте жизни у ваших врагов, довольствуйтесь тем, чтобы отнять у них власть, которую вы сами им дали!

Мы, социал-демократы, против всякого террора — террора снизу и террора сверху.

А потому мы и против смертной казни — этого крайнего средства террора, то-есть устрашения, к которому прибегают все правители, лишенные доверия народа.

Борьба против смертной казни была написана на знамени всех борцов за свободу и счастье русского народа, всех борцов за социализм.

...И тетерь нашлась партия, именующая себя революционной, рабочей и социалистической, которая посягнула на эту святую ненависть русского народа к смертной казни! Которая дерзнула приобщить снова палача к сонму высших носителей государственной власти! Которая от царизма заимствовала кровавую религию человекоубийства по суду — во имя интересов государства!

...Позор партии, которая званием социалиста пытается освятить гнусное ремесло палача!..

...Не могу молчать! — воскликнул великий старец Лев Толстой при вестях об ежедневных казнях по приговорам столыпинских судов.

Рабочие России! И вам не велел молчать Лев Николаевич в ту минуту, когда палач снова стал центральной фигурой русской жизни! Вам не велел молчать и Карл Маркс, чью па- {152} мять вы чествовали недавно. Непримиримым врагом всего варварства, завещанного нам прошлыми веками, был великий учитель социализма, и надругательством над его памятью является совершаемая во имя социализма, во имя пролетариата кровавая работа палача.

...Нельзя молчать! Во имя чести рабочего класса, во имя чести социализма и революции, во имя долга перед родной страной, во имя долга перед Рабочим Интернационалом, во имя заветов человечности, во имя ненависти к виселицам самодержавия, во имя любви к теням замученных борцов за свободу, — пусть по всей России прокатится могучий клик рабочего класса:

Долой смертную казнь! На суд народа палачей-людоедов!

Ю. Мартов

Стыдно!

В то время, как в советской печати обсуждался вопрос об упразднении «чрезвычаек», а московская общегородская конференция коммунистов постановляет отнять у этих учреждений право выносить приговоры; в то время, как гражданин Крыленко констатирует, что ни один декрет не предоставил чрезвычайкам права расстрелов, — петроградская чрезвычайная комиссия с олимпийским спокойствием объявляет, что ею расстреляны четыре Романовы: Николай и Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович.

Ни одного слова о том, какое преступление совершили эти люди, какой заговор они затеяли в тех тюрьмах, в которые они были заключены еще в августе прошлого года, в дни ужасов петербургского красного террора.

С социалистической точки зрения четыре бывших великих князя стоят не больше, чем четыре любых обывателей. Но столько они стоят, и жизнь каждого из них для всякого, не променявшего пролетарский социализм на звериную мораль профессионального палача, столь же неприкосновенна, как жизнь любого торговца или рабочего.

За что их убили? За что, продержав в тюрьме 6 месяцев и успокаивая их каждый день, что никакая опасность не грозит их жизни со стороны представителей пролетарской диктату- {153} ры, их в тихую ночь повели на расстрел — без суда, без предъявленных обвинений?

Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование великой русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови!

Как будто недостаточно было Уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова! Как будто недостаточно, что кровавая баня помогла русским контр-революционерам в их агитации в Западной Европе против революции.

В момент, когда всеми силами надо помогать европейским друзьям русской революции в их кампании против вооруженного вмешательства и против блокады, усердные не по разуму террористы доставляют худшим врагам революции такой благодарный материал, как сообщение о бесцельном и безмотивном убийстве нескольких пленников!

Когда в августе они были взяты заложниками, Социалистическая Академия, которую вряд ли заподозрят в антибольшевизме, протестовала против ареста Николая Михайловича, как ученого (историка), чуждого политике. Теперь и этого мирного исследователя истории — одного из немногих интеллигентных Романовых — застрелили, как собаку.

Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не заподозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость, — позорный спутник всякого террора!

«Всегда Вперед!» № 2, четверг, 6 февраля 1919 года.

Л. Мартов {154}
Мартов и Дан в ВЦИК'е

Выступления представителей меньшевиков во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов передавались советской печатью очень кратко. В органах общей, не-большевистской печати, еще продолжавшей выходить в России, хотя постоянно подвергавшейся репрессиям и ущемлениям, также очень мало сообщалось о выступлениях тогдашней оппозиции по ВЦИК'е, — особенно в период между четвертым и пятым Съездами Советов. Меж тем время было напряженное: вслед за заключением «похабного» Брестлитовского мира с немцами в разных концах России уже зажигалось пламя гражданской войны. В апреле-июне 1918 года меньшевиков представляли в ВЦИК'е Р. А. Абрамович, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, Н. Н. Суханов, Ф. И. Череванин. 14 июня меньшевики и правые эсеры были исключены из ВЦИК'а; этому исключению предшествовала драматическая борьба оппозиции против правительства Ленина-Троцкого. Стремясь спасти от забвения некоторые выступления Мартова и Дана за этот давно отошедший в прошлое и малознакомый, особенно в эмиграции, период так сказать «советского парламентаризма», мы использовали изданные в Советской России протоколы ВЦИК'а и извлекли из них некоторые, заслуживающие внимания эпизоды весны и лета 1918 года.

Дон Кихот и Санхо-Панчо в большевизме

В заседании ВЦИК'а от 29 апреля 1918 г. Ленин выступил с докладом об очередных задачах советской власти, представлявшим собой

полемический комментарий к его статьям, незадолго до того появившимся в печати. В своем докладе Ленин между прочим говорил об едином антисоветском фронте от Милюкова до Мартова.
Приводим в извлечениях речь Ю. О. Мартова по поводу доклада Ленина. {155}
«В сегодняшней речи главы правительства... мне пришлось слышать несколько раз свое имя, сопоставленное с именем Милюкова, что меня чрезвычайно обеспокоило. Я несколько воспрял духом, когда подумал, что, может быть, речь идет о том, чтобы не столько приучить к мысли, что Мартов также способен понимать, как Милюков, а обратно — приучить к мысли, что те кадеты, которые привлекаются к тому, чтобы работать с Советской властью за сотни тысяч в год, они во всяком случае не хуже Мартова (аплодисменты). Это меня несколько приободрило. Еще больше, конечно, я мог получить поощрение, что великий блок, который открывался Милюковым и замыкался мною, и который, по мнению Ленина, только спит и видит Дарданеллы и Босфор, — что в этот блок будут приглашены войти и принять участие и граждане Радек и Замков, ибо оказалось, что мы одним миром мазаны...
...Здесь указывалось, что Украинская Рада, в переговоры с которой, кажется, сегодня вступила Советская власть, состоит из меньшевиков. Я пользуюсь случаем, чтобы категорически заявить, что никаких политических отношений наша партия с так наз. украинскими социал-демократами и националистами-социалистами не имеет, и ни в каких отношениях с ними не состояла, и что Винниченко всегда был большевик, и как большевик выступал за границей, в том же Париже, где я имел случай жить.
Что касается Винниченко, Левицкого и других лидеров, то я скажу, что на сентябрьском демократическом совещании они выступали, чтобы заявить о полной солидарности украинских социал-демократов с большевиками: всё время они были политическими союзниками большевиков. Далее должен отвести указание относительно того, что советской власти приходилось защищаться от военных походов Гегечкори. Насколько известно, дело обстояло иначе. Гегечкори, если иметь в виду Кавказ и Кавказское правительство, вел войну с турецкими войсками, а в это время с двух сторон большевистские войска шли в тыл войскам, которыми руководил Гегечкори. Таким образом были военные походы большевистских войск на Кавказ, но я не слышал о походе Гегечкори на советские войска.
Я перехожу теперь к тому, что сегодня вам заявлял гражданин Ленин. Непропорционально много места он посвятил в своих рассуждениях ничтожной, по его словам, группе Бухарина и Радека. Вам покажется с первого взгляда странным это обстоятельство, но только на первый взгляд. По суще- {156} ству дела здесь не борьба гражданина Ленина с какой то левее его стоящей группой — это внутренняя борьба двух душ,

из которых состоит современный большевизм. Это внутренняя борьба между утопистом Дон Кихотом и трезвым кулако-образным Санхо-Панчо, который идет за Дон Кихотом и его одергивает. Дон Кихотом, который объявляет войну империализму, и Санхо-Панчо, который подписывает мир. — Дон Кихотом, который посылает требование французскому правительству отозвать Нуланса, и Санхо-Панчо, который пишет в газете о происках могущественной державы, имени которой он не может назвать. Это борьба двух миров одного и того же направления, как во внешней, так и во внутренней политике. ...Здесь говорил нам гражданин Ленин, что социализм невозможен без всеобщего учета и контроля. Совершенно правильно, без этого социализма нет, но это только первая половина социалистического учения, теоретическая: вторая половина говорит, что всеобщий учет и контроль, как предпосылка и метод проведения социалистической революции, сами предполагают определенность социально политических и экономических условий. Когда их нет и пока их нет, идея учета и всеобщего контроля остается утопией и преломляется в жизни в своей противоположности — в расхищении и расточении производительных сил. Когда мы с гражданином Лениным были марксистами в одинаковом смысле этого слова, тогда гражданин Ленин это понимал, и тогда он понимал, что нельзя проводить этот учет и контроль силами пролетариата, численно слабого, и при производстве, база которого в виде крупной промышленности тает с каждым днем в результате несчастной войны и мира. Он выступает здесь, как Дон Кихот. Из этого сочетания утопического Дон Кихота и цепляющегося за власть Санхо-Панчо ничего не может получиться... особенно, если приходится вырабатывать дисциплинарные меры путем диктатуры... Ни один социалист не мыслил и не воображал возможности переходного фазиса от капитализма к социализму в. таком виде, чтобы он проводился в виде диктатуры отдельных лиц... В докладе Ленина сказано совершенно ясно, что диктатура отдельных лиц «была очень часто в истории революционного движения, выразителем, носителем диктатуры революционного класса. Да, граждане, опыт истории говорит, что когда для диктатуры известный класс, взявший власть, еще не созрел, он оказывается неспособным выполнять эту власть и легко передает диктатору ее, но этот диктатор становился проводником классовых интересов не того класса, который {157} выдвинул его, а другого, противоположного класса. Это верно относительно Юлия Цезаря, относительно Наполеона III, которого рабочие и крестьяне поставили на престол, и относительно других диктаторов (Голос: Керенский!). Относительно Керенского это было бы то, же самое: выдвинутый крестьянами, (Керенский превратился бы в орудие Корнилова. Вы отлично знаете, как и я, то же самое будет и теперь. Всякая диктатура, в этих условиях созданная, превратится в диктатуру контр-революции,

ликвидирующую все завоевания демократической революции. Какие это условия? Это именно те условия, когда масса, которая взяла в свои руки власть, состоит, с одной стороны, из пролетариата, для которого социальные условия не созрели, чтобы он осуществлял ее в смысле социалистической диктатуры, с другой стороны, из громадной массы хозяйчиков, которые развиваются психологически не к социализму, а к мелкому капитализму, к мелкой буржуазии. Эти хозяйчики, разумеется, если им дать демократическую свободу и самоуправление, не осуществят социалистического производства.... Граждане, в древней Афинской республике, где так боялись, что всякая острая борьба классов приведет к личной диктатуре, имелся даже закон, по которому всякий, публично заговоривший о личной диктатуре, подвергался изгнанию из отечества. Мы до этого не дошли. Но высылать ив пределов, как было в Афинской республике, я бы советовал всех, и левых, и правых коммунистов».

Комиссародержавие

В заседании ВЦИК'а 27-го мая 1918 г. выступил известный чекист Лацис с докладом о проекте инструкции о «звании комиссаров».
Приводим краткое выступление Ю. Мартова против комиссародержавия.

«Нам предложили декрет о звании комиссаров. Мы ожидали, что будет ограничен круг деятельности комиссаров вообще и в отдельных, частных случаях. А вместо этого мы получили «чин рукоположения во комиссары», дело, не совсем свойственное ВЦИК, скорее свойственное Синоду. Дело идет не о функции, а о звании. Вы оставляете всё по старому и только предлагаете в отдельных случаях запретить комиссару именоваться таковым, оставаясь то сути дела комиссаром. Чем вызвано это необычайное положение? Заметила ли советская {158} власть, что существует в России комиссарская эпидемия, что комиссарство распространяется так, что скоро количество субъектов комиссародержавия будет неизмеримо больше, чем количество объектов?..
Ведь в настоящее время комиссаров развелось так много, что во многих гостиницах имеются так называемые комиссары гостиниц. Я знаю в одной гостинице, в которой я бываю у одного из своих знакомых, есть комиссар гостиницы, который выходит навстречу не иначе, как вооруженный хорошим маузером. Это — обычное явление: комиссар при тюрьмах, комиссар при печати, — предварительная ступень перед вступлением в тюрьму. Упраздняется ли всё это полчище комиссаров? Нет. Те инструкции, которые были прочтены, говорят лишь об ограничении пользования термином «Народный Комиссар» и представитель партии с. р. предлагает к словам «Народный Комиссар»

не прибавлять эпитета «сверхнародного», оставляя это высшим учреждениям. Я думаю, что в таком виде законопроект совершенно никчемен. Дело не в том, будет ли назван комиссар Губернского Исп. Комитета комиссаром или товарищем председателя, но дело в том, чтобы эти отдельные комиссары не сталкивались между собой, при чем обыкновенно трещит чуб обывателя...
Я не могу не отметить еще одного обстоятельства, чрезвычайно существенного. За 15 минут, как была оглашена инструкция, мы утвердили гуртом громадное количество новых комиссаров. Как быть с ними? Что же, мы их разжалуем из комиссаров в заведующие?»

За всеобщее вооружение народа

В заседании ВЦИК'а от 29 мая 1918 г. Сокольников внес проект об обязательном призыве в армию. Против этого проекта выступали представители меньшевиков, а Ф. Дан огласил следующее заявление по мотивам голосования:
«Мы голосовали против этого проекта по следующим причинам: мы находим, что в трагический момент, когда грозная опасность нависла над всеми завоеваниями революции, в этот момент производит смехотворное впечатление тот жалкий шаг, который хочет предупредить эту опасность проектом коммунистической партии; мы стоим за то, чтобы воинскую повинность буржуазные классы несли наравне с пролетариатом и не пользовались бы привилегиями; мы находим, что смешно говорить о том, что мы можем оказать сопротивление контр- {159} революционным силам, когда правительство к настоящее время занимается тем, что вербует отряды для организации карательных экспедиций, чтобы вести их против части крестьянства; мы находим, что совершенно невозможно ожидать чтобы из среды рабочего класса можно было бы организовать сколько-нибудь внушительную вооруженную силу.
Представители правительства о бастующих в настоящее время коломенских рабочих выражаются, как о черносотенцах. Бастуют десятки тысяч коломенских рабочих, сплотившихся против режима, который с необычайной дерзостью называет себя рабочим. К этим коломенским рабочим уже присоединяются и рабочие Петрограда и других городов России. Мы находим, что при такой политике правительства организация этой армии в гораздо большей степени сведется к тому, чтобы отбирать неблагонадежных, которых в армию допустить нельзя; мы находим, что весь режим, как и смехотворный проект, не могут предотвратить опасностей, и потому мы сейчас, как и весь рабочий класс, стоим в военном отношении за всеобщее вооружение народа, за всеобщую милицию, которая получит смысл тогда, когда одновременно будут выполнены и политические требования, которые теперь раздаются со стороны рабочих масс во всех

городах России: Коломне, Саратове, Москве, Питере и других, где рабочий класс говорит: уйдите и оставьте свое место Учредительному Собранию Российской Республики!»

Протест против преследований рабочих

В заседании ВЦИК'а от 11 июня 1918 г. Ф. Дан внес от имени меньшевиков предложение пополнить порядок дня заседания пунктом о разгоне рабочей конференции в Сормове. Приводим в извлечении речь Ф. Дана; ВЦИК предложение, внесенное Даном, отклонил.

«От имени нашей фракции я предлагаю дополнить порядок сегодняшнего дня еще одним пунктом. Это пункт о разгоне рабочей конференции в Сормове и о расстреле Сормовских рабочих. В Сормове была созвана рабочая конференция Нижегородской губернии и прилегающих к ней частей Владимирской губернии. На конференцию собралось 180 делегатов, представляющих 40 тысяч рабочих. И вот еще раньше, чем эта конференция начала заседать, уже были пущены в ход красноармейцы, и все пригородные помещения были ими за- {160} няты. У входа в зал были поставлены красноармейцы. Тогда 180 делегатов собрались в помещении бюро нашей с. д. организации, но и там были насильственно разогнаны, как разогнаны на следующий день с завода, где они пытались продолжать свои занятия.

Таким образом оказывается, что в Советской Республике, под эгидой рабоче-крестьянского правительства, невозможны рабочие съезды даже в том случае, когда они никаких притязаний на власть не предъявляют, а являются просто средством общения рабочих данной области между собой.

После ареста Петроградских делегатов здесь происходит разгон рабочей конференции, повторяю, еще раньше, чем она приступила к своим занятиям. Мы должны потребовать от правительства ответа на вопросы о том, возможны ли в Советской России такого рода рабочие конференции, которые были возможны даже при Николае II.

Когда возмущенные Сормовские рабочие пытались собраться на улице, чтобы протестовать против насилия над собранием, в них красноармейцы стреляли и ранили 5 человек (Смех на скамьях большевиков). Здесь есть товарищи, которых и это известие приводит в весьма веселое настроение. Не знаю, какую школу они прошли, но я должен сказать, что, как это водится всегда в официальных донесениях, расстрел объясняется тем, что в нем виноваты сами расстрелянные. Но и врать надо умело, а этого нельзя сказать про ту ложь, которая распространяется официальным Петроградским агентством, ибо оно мотивирует этот расстрел Сормовских рабочих провокационными выстрелами. Эта ложь сляпана так неумело, что агентство то всей России распространяет телеграмму о том, что «со стороны соглашателей раздались провокационные выстрелы в толпу». Неужели это служит

достаточным мотивом, чтобы и Советские отряды стреляли в толпу? Это так глупо, что никто не поверит. Я настаиваю: имеют ли право русские рабочие собираться на улицах городов и сел, или каждое такое собрание подлежит расстрелу? Пускай нам скажут, как обстоит это дело у нас, после более года революции».

Арест рабочей конференции в Москве

Заседание ВЦИК'а от 14 июня 1918 г. обсуждало вопрос «о выступлениях против советской власти партий, входящих в советы». {161}

Вне очереди выступил Ю. Мартов, предлагая внести в повестку заседания вопрос об арестах в Москве рабочей конференции уполномоченных от фабрик и заводов. Предложение Мартова было отклонено. Приводим его краткое заявление:

«Я предлагаю пополнить порядок дня еще одним вопросом — о массовых арестах московских рабочих, произведенных в течение вчерашнего дня. Вам, вероятно, известно, хотя в прессе еще не было об этом сообщения, что вчера было арестовано несколько десятков рабочих, в том числе с. р., меньшевиков и беспартийных, выбранных заводами и мастерскими г. Москвы, в качестве уполномоченных на конференцию, которая должна была обсудить вопросы голода, безработицы и общеполитические вопросы. Конференция собиралась открыто, гласно и была арестована неизвестно по каким причинам: задержанные в количестве 41 человека до сих пор находятся в Таганке и Бутырках. Я должен обратить внимание на то, что попытки многих заводов направить свои делегации сюда в ЦИК, чтобы присутствовать в заседании ВЦИК, разбивались о специально отданный приказ на сегодня не пропускать сюда никого, кроме большевиков и левых с. р. Эти товарищи-рабочие сейчас стоят на улице, тщетно ожидая у парадного крыльца так наз. высокого собрания, чтобы выбранные сотнями и тысячами рабочих были допущены присутствовать на этом заседании, где наша фракция пытается поставить вопрос об этом новом акте произвола и насилия над пролетариатом. Полагаю, что важность этого вопроса, вопроса о перенесении сюда, в Москву, той практики открытой борьбы против неугодных проявлений рабочего движения, которые в Сормове и других местах довели до открытого военного столкновения и массовых расстрелов, подобных ленским, — я полагаю, что эти попытки неответственных людей будут здесь осуждены, и ВЦИК будет иметь мужество сказать, одобряет ли он эти шаги».

Тактическая позиция меньшевиков

По вопросу об анти-советской деятельности меньшевиков и эсеров с докладом на ВЦИК'е (тогда же, 14 июня 1918 г.) выступил редактор «Правды» Л. Сосновский. С возражениями на доклад Сосновского и с

изложением позиции меньшевиков выступили Ю. Мартов и Ф. Дан. Приводим в извлечении их речи. {162}

Ю. Мартов. «Для определенного поручения нужны определенные лица. Совершенно ясно, что гр. Сосновский может дать только то, на что он способен. Более хитрого сплетения нескольких документов с большим количеством голословных утверждений нельзя придумать. Голословных утверждений, которым нужно верить, так как он редактор правдивой «Правды». Кроме этого, для обоснования своего доклада-доноса гр. Сосновский привести ничего не смог. Я не имею веры в демократизм той партии, которая, якобы, вызывает нас на суд пролетариата, чтобы ожидать, что мне дадут достаточно времени, чтобы разоблачить все эти маленькие неправды, из которых сплетена одна большая неправда доклада. Если не успею разобрать всё, то каждый, кто желает говорить со мной, сможет видеть меня в помещении Исполнительного Комитета, где может получить разъяснения.

Все сообщения о нашей причастности к движению чехо-словаков — ложь. Ложь, гнусная ложь, будто хоть один член нашей партии приложил к погромам советов свою руку. Везде, где громили, мы были под угрозой той же самой расправы. Вторая ложь, будто в Оренбурге члены нашей партии принимали участие в бывших там насилиях. Некоторые члены нашей партии также пострадали, когда в Оренбурге дутовцы чинили насилия и выбрасывали из окон членов Совета. Мы не были в числе палачей, а в числе тех же преследуемых.

Вот образец того, какие люди стоят во главе Советской России — люди, которые здесь утверждают прямо противоположное истине. Здесь было упомянуто, что мы помогаем Скоропадскому. Этой правде Сосновского я противопоставляю телеграмму Чичерина с протестом против того, что Скоропадский преследует членов РСДРП. Пусть Сосновский пойдет к Чичерину и узнает у него об этом, к Чичерину, который в течение 10 лет считался порядочным человеком, и пусть узнает у него, что порядочный человек не может утверждать публично такой гнусной лжи. Этот же господин заявил, что наш нейтралитет в Самаре заключался в том, что наши члены партии ходили к коменданту чехо-словаков с требованием уменьшить число расстрелов. Если это было, то члены нашей партии исполнили свой долг...

Сейчас еще раз, 50-й раз повторена ложь, будто кто-нибудь из нашей партии имеет прикосновение к так наз. временному Сибирскому правительству, выбранному областной думой, куда выбирались и большевики. Сибирское правитель- {163} ство не включает в себя ни одного меньшевика. Точно также ложь о том ликовании, с которым, якобы, наши владивостокские товарищи приветствовали японский десант. Как они приветствовали, — это можно видеть в вынесенной ими резолюции протеста. Г. Сосновский сказал один раз правду, которая на этот раз особенно характеризует какую неправду он заявлял прежде. Он

сказал, что в Саратове началось движение, — как вам известно, движение начато офицерами большевистской Красной армии— меньшевики заняли позицию нейтралитета. А между тем, с этой же кафедры утверждали раньше, что меньшевики принимали участие в саратовском восстании. Он сказал правду, но она бросает свет и на всю остальную его неправду...

Гр. Сосновский говорит неправду, когда он утверждает, что 41 арестованный на конференции уполномоченных от рабочих в Москве — адвокаты и офицеры. Там есть два офицера — один Кучин, старый член с.д. партии, который не был комиссаром Керенского, а был избран солдатами в председатели Исполкома 12-ой армии, затем есть там офицер Трояновский, который до 1914 г. состоял членом ЦК партии большевиков. Вот какие контрреволюционеры там! Многие из вас его знают. Затем там есть два или три партийных интеллигента, а остальные 36 — московские рабочие из тех партийных работников с. р. и с. д., которые живут продажей своей рабочей силы, а не продажей своих убеждений безконтрольной кассе, из которой оплачиваются представители Советской власти.

...Конференция была созвана не под предлогом увеличения хлебного пайка. Во всех документах сказано, что она созвана была для обсуждения вопросов о голоде, безработице и общем политическом положении. Поэтому, говорить, что на нее заманивали рабочих обманом, могут только профессиональные обманщики. Я кончаю, потому что ваш демократизм не дает возможности разбить вас также по остальным пунктам, как я это сделал по пунктам, мною уже разработанным. Наш старый девиз, с которым мы вступили в первые ряды русского пролетариата, когда о вас в русском пролетариате не было слышно, остается прежним. Ничего с нами не поделаешь! Вы можете нас брать заложниками, и мы предупреждаем, что мы не только не готовим вооруженного восстания, но мы ходим невооруженными, и те люди, которые убили нашего партийного тов. Тулякова, которого знает вся рабочая Россия, — эти ваши наемные люди могут каждую минуту, в любой момент убить {164} каждого из нас. Мы не готовим вооруженного восстания. Мы не участвуем ни в сибирском, ни в каком другом правительстве, которое возникло на авантюре с иностранными штыками. Мы идем одним путем, — путем организации рабочих масс. Мы сделали очень много на этом пути. Мы счастливы констатировать, что нет места вокруг Москвы и на всём пространстве Великороссии, где бы большевистский демагог мог свободно выступать на свободном рабочем собрании, где бы ему не предъявили счета о том зле и унижении, которое ваше правительство принесло рабочему классу. После каждого из нас восстанут тысячи, и горе вам!».

Ф. Дан. ...«Здесь целый ряд грехов возлагался на нашу партию. Я должен сказать, что наша партия считает всю ту политику, которую вели

большевики и левые с. р. с октября, гибельной для рабочих масс я революции. Наша партия в этом не одинока, ибо в те октябрьско-ноябрьские дни и из уст большевиков, Зиновьева, Каменева и других, раздавались такие же утверждения, что то, что делают большевики, ведет революцию и пролетариат к гибели. Мы отличаемся только тем, что наши убеждения оставляем при себе и проводим их в жизнь, а не отдаем эти убеждения за комиссарские и подкомиссарские места. К счастью, в настоящее время, —и я хотел бы, во имя интересов рабочего класса и революции, чтобы это не было слишком поздно, — и в широких массах рабочего класса уже созрело убеждение, которое мы питали с октябрьских дней, убеждение, что большевизм его обманул, что он предал интересы социализма и революции, что большевизм толкает рабочее движение к гибели и ведет революцию к пропасти. Это убеждение созрело в широких массах рабочего класса и никакие репрессии и угрозы расстрелов, которыми отсюда нам грозили сегодня, как грозили при Николае II, не остановят этого процесса... Вы нас никакими охранками и расстрелами не запугаете. Но я должен сказать, что мы всё время, хотя и считали гибельной вашу политику, стояли и стоим за то, чтобы рабочий класс вел борьбу на почве советов и через советы, на почве превращения советов в то, чем они должны быть — в органы независимой классовой борьбы.

...На деле вы возможность легальной борьбы отнимаете. Вы имеете дерзость писать, что если рабочим не нравится правительство Ленина и Троцкого, правительство Совета Народных Комиссаров, они могут переизбрать его. Это — ложь, потому что при современном режиме нельзя переизбрать не только Ленина и Троцкого, но даже Панюшкина привлечь за {165} убийство, в котором он принимал участие. Везде, где происходят перевыборы в Советы, вы или прибегаете к насилиям и угрозам, или разбавляете выборных от рабочих представителями ваших бюрократических учреждений таким образом, что берут верх в большинстве чиновники. Там же, где это не удается, вы разгоняете Советы, как это было в Ярославле, Сормове, Вятке, Златоусте и в других местах. Вы недавно разогнали Новгородский Совет. Вы такой тактикой ведете к гибели рабочий класс. ...Беспартийные конференции — это единственная опора для сплочения рабочего класса. Там мы будем проводить ту же линию для отобрания советов у большевистских чиновников. Когда будет созвано Учредительное Собрание, как только дойдет до мысли об Учредительном Собрании, только тогда Советы отразят волю рабочего класса... Ваша политика становится всё большей опорой контрреволюции... Я напомню доклад Раскольникова. Он в «Правде» после того, как обревизовал положение в Сормове, печатно заявил, что наша партия, а не ваша, пользуется подавляющим большинством... Мы считаем ваш режим гибельным от начала до конца».

Исключение из ВЦИК'а

На этом же заседании 14-го июня была принята резолюция ВЦИК'а, в заключительной части которой сказано: «исключить из своего состава представителей партии с. р. (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды».

Мотивы, повлекшие за собой исключение эсеров и меньшевиков, перечислены в резолюции в следующем виде: 1. советская власть переживает трудный момент, 2. меньшевики и эсеры являются «представителями партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть советов», 3. представители эсеров и меньшевиков, «вплоть до самых ответственных», «изобличены в организации вооруженных восстаний»... в союзе с «явными контрреволюционерами» — Калединым, Корниловым, Дутовым, Семеновым, Хорватом, Колчаком, а в последнее время — «с чехословаками и черносотенцами». {166}

80-летие Л. О. Дан

2 июня 1958 г. в день 80-летия Лидии Осиповны Дан в Доме Атрана в Нью Йорке состоялось ее чествование, в котором приняло участие свыше 100 ее друзей и товарищей по социалистическому движению. От имени инициативной комиссии по организации чествования приветствовал Л.О.Дан кратким словом С. Е. Эстрин, председательствовавший на собрании и пригласивший в состав президиума других инициаторов: Г. Я. Аронсона, Ю. А. Камермахер и Б.М.Сапира. Затем с приветственными речами выступили Р. А. Абрамович, Б. И. Николаевский и Б. М. Сапир.

От имени инициаторов чествования было сообщено, что в порядке «коллективного подарка» Л. О. Дан решено было издать книгу, посвященную деятельности видных представителей семьи Цедербаум в социалистическом движении, в первую очередь братьев Л. О. — Ю. О. Мартова, С. О. Ежова, В. О. Левицкого, — под этими литературными именами вошедших в историю меньшевизма. В книгу войдет также глава воспоминаний Л. О. Дан.

В некоторых органах нью-йоркской печати появились статьи, посвященные юбилею Л. О. В «Социалистическом Вестнике» (июнь 1958) было опубликовано приветствие от редакции «С. В.» и от Правления Нью Йоркской Группы РСДРП. В «Новом Русском Слове» (31 мая) — статья И. М. Троцкого. В «Социалистическом Вестнике» (июнь-июль 1958) статья Б. И. Николаевского. В «Форвертсе» (3 июня) — статья Р. А. Абрамовича, в «Векере» (1 июня) — Г. А., в «Унзер Цайт» (июнь) — Ал. Эрлиха.

К юбилейному собранию поступило множество приветствий от организаций, — в том числе от Еврейского Рабочего Комитета, от Женского Социалистического Интернационала, Группы содействия

Австрийскому Рабочему движению, от Социалистической Партии и С. Д. Федерации Америки, от Ар- {167} бейтер Ринга и его Экзекутивы, от Социалистического Фербанда и редакции «Векер», от Всемирного Бюро Еврейского Бунда, Союза русских евреев и др.

Телеграммы и письма прибыли от следующих личных друзей Л. О. — Венсен Ориоля, Даниэль Мейера, Жанны Блюм, Робера Блюм, Ореста Розенфельда, Б. и Я. Меринг, А. Титова, С. А. Рейн, М. Ярблюма из Франции; от Е. Кусковой, К. и Ф. Адлер, М. Аксельрод, О. и Л. Гурвич, П. Трейхлер, Е. и Я. Блох — из Швейцарии; Анжелики Балабановой, Р. Фейнлейб — из Италии; Клары и Бруно Калнин, П. Ольберга — из Швеции; Анни Адама ван Схелтема — из Амстердама; от Фрица 'Гейне из Зап. Германии; от Наталии Седовой — из Мексики, М. и О. Поллак — из Австрии.

Многочисленные друзья Л. О. из разных пунктов США откликнулись также телеграммами и письмами, — в том числе проф. М. .Карпович, редактор и издатель Н. Р. Слова — М. Вейнбаум и В. Шимкин, Марк Вишняк, Г. Лунц, Ал. и Ф. Даллины, Отгон К. Пер, Л. и В. Некрасовы, Е. Ландышева, С. М. Левитас, М. К. и М. Табачники, А. и З. Каганы, Л. Лауб, М. Шмид, О. Лейхтер, Н. Ханин, Б. и Н. Табачинские, Л. и А. Киссельгофы, А. Гуревич, Ю. Денике, И. и Л. Киссман, М. С. Цетлина, С. Брамсон, Кармайкель, Л. и В. Домгер, Е. и С. Стенцель.

Приводим в выдержках несколько приветствий. Е. Д. Кускова пишет:

«Дорогого друга, Лидию Осиповну, поздравляю с ее восьмидесятилетием. Не очень охотно, — лучше бы с 20-летием... Но жизнь не бежит обратно и потому приходится эту дату признать. Психологически она всё же не соответствует изумительной бодрости и работоспособности Лидии Осиповны: разве многие 80-летние могут так много читать, за всем следить, на всё реагировать с такой свежестью и даже молодым оптимизмом? Единицы... А сюда надо еще прибавить постоянную заботу нашего друга о близких ей людях, об их нуждах, — заботу всегда активную, чуткую и неустанную»...

Венсен Ориоль:

«Хочу присоединить и свои поздравления к тем, что шлют Вам все наши друзья по случаю дня Вашего рождения. Я не забыл тех дней, уже столь далеких, когда мы бе {168} седовали с Вами о мировых событиях, как и тех встреч и разговоров с незабвенным Теодором Даном на наших международных конгрессах, когда мы подчас совместно подписывали общие резолюции.

С грустью вспоминаю я эти времена, с грустью, потому что мы надеялись тогда на лучшее будущее.

И всё таки мы не должны отчаиваться. Мы должны верить в конечное торжество и победу нашего идеала справедливости, свободы и мира.

И в уверенности в наступлении этого идеала, я говорю Вам «поздравляю»...

Из письма О. И. (Розенфельда):
«Позвольте и мне присоединить свой слабый голос к товарищескому хору.
Мы вообще и я, в частности, Вам очень многим обязаны. Во-первых, как верной сотруднице незабвенного Федора Ильича. Во-вторых, за Вашу смелость и последовательность в социалистической партийной работе. Я никогда не забуду моей первой с Вами встречи — Вы, вероятно, даже не помните. Это было в Петербурге в 1914 г. Приехав из Москвы, как делегат Московской меньшевистской группы, на небольшую партийную конференцию (она, кажется, состоялась на квартире одного с. д. депутата), я прямо с вокзала пришел к Вам. Федора Ильича не было дома. И ожидая его я — провинциал — слушал с восхищением всё, что Вы говорили о задачах партии в этот критический момент.
Когда Вы жили в Берлине, я имел счастье несколько раз бывать — и даже жить у Вас. Сколько мы тогда говорили о русских и международных вопросах.
Во время Вашего пребывания в Париже — мы виделись чаще и я всегда поражался свежестью Ваших замечаний, человеколюбию в Вашем подходе к разрешению больших и малых политических вопросов, в которых так часто политические деятели забывают **человека**. Поражала меня также Ваша **интуиция**...
Но всё это другие товарищи Вам скажут, и лучше, чем я могу это сказать»...
От Еврейского Рабочего Комитета:
«С чувством глубокого уважения шлем мы Вам наше поздравление к Вашему 80-летию. С величайшим изумлени- {169} ем мы отмечаем Вашу преданность социалистическому движению. Ваша неутомимая забота не только о нуждах движения, но о каждом товарище в отдельности, завоевала Вам любовь всех, кто •Вас знает. Мы приветствуем в Вас достойного «представителя замечательного идеалистического поколения и мы желаем Вам еще долгих лет, физических и духовных сил для продолжения Вашей деятельности».
Марианна и Оскар Поллак телеграфируют:
«От имени всех австрийских друзей с восхищением и любовью присоединяемся к чувствам дружбы и признательности всего международного социализма к Лидии Дан, одной из крупных фигур нашего движения, соединяющей его славное прошлое с чаяниями великого будущего».
Катя и Фриц Адлер пишут:
«Дорогая Лидия! Вместе со всеми друзьями думаем о вашем восьмидесятилетии с прежней дружбой и сердечными пожеланиями».{170}